

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2004

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
А.М. Салмин
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: Ю.П. Сенокосов

Заместитель главного редактора Ю.А. Гиренко

Ответственный секретарь А.А. Захаров

Художественный редактор: Людмила Иванова

Редактор: Людмила Бусуек

Верстка: Ольга Козак

Фото: Олег Начинкин

Издание осуществлено при поддержке
Агентства Международного Развития США (USAID).

Содержание

№ 4 (31) 2004

К читателю	5
Семинар	
<i>Россия в глобальном мире</i> Владислав Иноземцев	7
Дискуссия	12
<i>Заметки с семинара</i> Юрий Гиренко	28
Тема номера	
<i>Метаморфозы российской политики</i> Алексей Салмин	31
<i>Политическая коммуникация и модели публичной сферы</i> Ольга Малинова	37
<i>О культуре толерантности в России</i> Вячеслав Бахмин	43
Концепция	
<i>Бизнес и власть</i> Сергей Бурков	46
Дискуссия	
<i>Борьба с религиозным экстремизмом как шанс возрождения российской демократии</i> Абдулла Истамулов	52
<i>Конституционные преобразования в современных демократиях</i> Томас де ла Куадра-Сальседо	55
<i>Пресса и демократия</i> Саймон Уолтерс	62
Дух законов	
<i>К вопросу о реализации принципа разделения властей</i> Ирина Суркова	67
Наш анонс	
<i>М.М.Сперанский</i> Александр Нольде	72
<i>Ускользающий мир</i> Коллектив авторов	75

Свобода и культура

Два шага назад без шага вперед 81
Александр Волков

Новые практики и институты

Институт общественных и гуманитарных инициатив 88
Глеб Тюрин

Личный опыт

Глеб Тюрин: позитивное мышление 90
Наталья Севидова

Идеи и понятия

Либерализм 93
Ирина Бусыгина, Андрей Захаров

Горизонты понимания

Столетний круг России 100
Владимир Рыжков

Книги

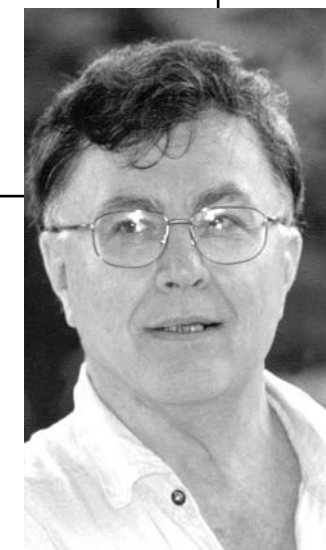
Россия и Запад: в поворотной точке интеграции 104
Андрей Цуканов

Региональное книжное обозрение 107
Елена Корн,
Юрий Гиренко,
Александр Капишин

Контрапункт 112
Александр Архангельский

Nota bene

Борьба за строительство Европы: новости с фронта 115
Яцек Ростовский

К читателю

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

Идея о том, что государство и власть нуждаются в оправдании своего существования и что это оправдание состоит в обеспечении государством свободы и прав личности, — самая заметная черта интеллектуального движения в Европе XVII — XVIII столетий. Но как должна была быть организована и выстроена власть, чтобы гарантировать сохранение свободы? Именно на этот вопрос ответил в то время Джон Локк в своем сочинении «Два трактата о правлении», над которым он работал более десяти лет, и где во втором трактате им были сформулированы принципы социально-политического устройства нового буржуазного общества. Зафиксировав тем самым уже существовавшую в его стране практику разделения властей — одного из главных элементов правового государства и демократии. Я обращаю внимание на выделенное слово, поскольку концепция Локка, для которого *разделение* являлось не целью, а уже свершившимся в Англии фактом, станет отныне своеобразным образцом для подражания в других странах, прежде всего во Франции. С ее устойчивой традицией абсолютистского правления, которую в свою очередь подвергнет сокрушительной критике Шарль Монтескье — другой великий теоретик разделения властей.

«Так как законы, — писал Локк, — ...нуждаются в *непрерывном исполнении* или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы *все время существовала власть*, которая следила бы за *исполнением* тех законов, которые созданы и остаются в силе. И таким образом, *законодательную и исполнительную власть* часто надо разделять»*. Потому что «если власть законодательная и исполнительная, — это уже слова Шарля Монтескье из «Духа законов», — будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что монарх, или сенат, станет создавать тиранические законы... [Как] не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. А если... с исполнительной, то судья получит возможность стать угнетателем»**.

* Джон Локк. *Сочинения в трех томах. Пер. с англ. и лат. Т.3.* — М.: Мысль, 1988. — С. 347.

** Шарль Монтескье. *Избранные произведения.* — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. — С.290.

Итак, казалось бы, с теоретической точки зрения все ясно. Механизм сохранения политической свободы наконец-то был найден — в строгом и последовательном проведении в жизнь разделения властей. С конца XVIII века этот принцип начинает признаваться во многих странах. Однако на практике, в жизни, все выглядело иначе.

Продолжая свою мысль, Монтескьё писал, что точно так же, как многие короли Европы начинали с того, что, присваивая себе все главные должности в государстве, становились деспотами, так и «учреждение, составленное из простых людей», если в нем будут «соединены эти три власти», может привести страну к новой тирании. Поскольку любая новая власть, добавлю я, также склонна к авторитаризму и готова использовать право и соответствующее законодательство для достижения поставленной цели. Что, собственно, и произошло (как и предвидел Монтескьё) во время Великой французской революции, когда Революционный трибунал на основе провозглашенной Декларации прав человека и гражданина стал отправлять на гильотину в том числе и авторов Декларации.

О том, что даже разделенная власть не является панацеей и может быть узурпирована, было, таким образом, известно давно, но окончательно это стало ясно только в XX веке — после пережитого ужаса Второй мировой войны и господства тоталитарных режимов. Тогда европейцы всерьез заговорили о правах человека, гражданском обществе, демократии, парламентской системе, а политики стали обращать пристальное внимание на отношение различных групп и слоев общества к существующей государственной власти и для поддержания эффективности демократии опираться во время выборов и в своей деятельности на результаты социологических опросов, исторических исследований, данные психологии. Современное общество явно неоднородно, опасно не считаться с этим, забывать о феномене различного, вплоть до резко отрицательного, массового восприятия одних и тех же демократических институтов, даже если они используются с самыми благими целями.

Россия в глобальном мире*

Всем известно, что последние десятилетия в мировой экономике прошли под знаком глобализации. В принципе же, когда мы говорим о глобализации, мы подразумеваем растущую взаимозависимость между отдельными экономиками, между экономикой и политикой, между финансовыми рынками, единое информационное пространство и т.д. И в этом отношении, конечно, сегодня мир гораздо более глобален, чем прежде. Но я экономист, и буду поэтому говорить об экономических аспектах проблемы. И хочу сразу заметить, что с этой точки зрения наша цивилизация, наш сегодняшний мир еще не настолько глобален, как это может показаться. Наоборот, за фасадом достаточно успешной и быстрой глобализации в нем происходит очень резкий рост расслоения и неравенства, рост возможностей одних стран и соответствующее сокращение возможностей многих других стран и регионов. В основе же этого как раз и лежит процесс обретения современной экономикой принципиально нового качества. Попробую проиллюстрировать это на конкретных примерах.

В мире сегодня существуют и конкурируют между собой три модели экономического развития. При этом я говорю не о рыночной или плановой экономике; их различие в данном случае не принципиально. Более важным является существование трех типов экономики, ориентированных на развитие трех секторов производства. Первый, самый примитивный тип ориентирован на развитие аграрного сектора и сектора природных ресурсов. Второй тип — индустриальные экономики, в основе которых производство промышленной продукции. И третий — это экономики, которые специализируются на производстве информации, знаний, технологий, систем коммуникации и т.д. Этот последний сектор очень разнообразен. Часто его сводят к информационной экономике. Мне же кажется, это узкое понимание вопроса. Речь должна скорее идти об экономике, которая основана на достаточной свободе человеческого творчества. Оно может проявляться в разных сферах. Но так или иначе, именно творчество обеспечивает создание продукта, который является уникальным, иногда легко копируемым, иногда нет, но этот продукт заведомо лишен

*Владислав Иноземцев,
доктор экономических наук,
председатель
научно-консультативного
совета «Россия в глобальной
политике»*

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований. Голлицыно, 27 июля 2004 года.

тех свойств, которыми обладают плоды аграрного и индустриального хозяйства.

Итак, если мы посмотрим на экономики первого типа, то увидим, что они существуют в основном на уровне примитивных сельскохозяйственных форм (например, африканские экономики) или благодаря эксплуатации природных ресурсов (экономики стран арабского Востока и некоторых африканских и азиатских стран). Эти экономики не создают серьезного промышленного и интеллектуального потенциала. Никто не предполагал в 50-е годы, что арабские страны, которые считались тогда поборниками модернизации, окажутся со временем в экономическом и политическом тупике. А, например, Южная Корея станет одним из лидеров научно-технологического прогресса. Но это так. И это показывает, что в регионах и государствах, ориентированных на использование природных богатств, во-первых, не существует серьезных стимулов к развитию производственной базы и интеллектуального потенциала. И, во-вторых, что не менее важно, не существует потребности в серьезном демократическом и работоспособном государстве, потому что для государства, извлекающего свои основные доходы из природной ренты, уровень развития граждан и развитие собственно экономики не имеют определяющего значения. Естественно, потенциал таких экономик ограничен, учитывая, что природные ресурсы могут быть исчерпаны, а спрос на них диктуется потребностями мировых экономических центров. В силу названных факторов такие экономики серьезно зависят от конъюнктурных колебаний на мировом рынке. Мы все видели в 1998 году, как резкое падение цен на нефть привело к катастрофе российской экономике.

Вторая группа стран — восточноазиатские государства во главе с Японией. Они, в отличие от названных выше, активно используют новые открытия и разработки, налаживают выпуск массового качественного материального продукта. И достигают быстрого развития за счет роста экспорта, увеличения покупательной способности своих граждан и повышения уровня способностей работников, потому что прогресс индустриального производства идет довольно

быстро, и рабочая сила постоянно развивается вслед за этим прогрессом. Такой тип экономического роста иногда называют догоняющим развитием. Многие страны, использовавшие такой подход, достигали феноменальных результатов.

К ним, естественно, относились и Соединенные Штаты конца XIX века, которые заняли лидирующую позицию в мире за счет развития производственных технологий, отчасти созданных в самой Америке, а отчасти полученных из Европы, а также Германия и Советский Союз, который в 30-е годы XX столетия тоже сумел достичь гигантского рывка в результате концентрации огромных усилий и заимствования тех же индустриальных технологий.

И здесь схема дала сбой, потому что в 70-е годы в мире зародился новый тип экономики, основанный на производстве технологий, информации и знаний. Отличие его от описанных выше типов экономики очень существенное и заключается в том, что, создавая знания или информационный продукт, общество, во-первых, получает возможность его многократного копирования, практически неограниченного воспроизводства. А во-вторых, это копирование очень дешевое. Скажем, если южные корейцы должны были делать всякий раз новый автомобиль, чтобы продать его в Америку, то каждая новая программа «Майкрософта» создается не с помощью нового коллектива разработчиков, а простым нажатием кнопки «копировать». И главное, когда тот же автомобиль экспортируется за пределы, допустим, Южной Кореи, он физически покидает страну. А у компании «Майкрософт» после продажи программного продукта его не становится меньше. То есть в данном случае страны, производящие знание, получили неограниченный источник богатства. И это можно называть (об этом любят говорить современные антиглобалисты) неэквивалентным обменом, хотя по большому счету я не вижу здесь неэквивалентности. Это обмен не насильственный, он не принуждает развивающиеся страны покупать продукцию, которая обеспечивает приток капитала и интеллектуальных ресурсов в более развитые страны мира, создавая предпосылку еще более быстрого роста. Ес-

ли в экономиках второго типа каждый вечер человек приходит домой измученным, с «потраченной» на материальное производство рабочей силой, которую, как отмечал еще Маркс, он должен восстанавливать, то процесс производства на основе новой информации служит развитию самого человека. И фактически то, что было раньше типичным потреблением, типичными расходами на содержание рабочей силы, становится в новом постиндустриальном обществе крупнейшим фактором инвестиций. В таком мире не действуют основные экономические законы. В нем оценка валового продукта абсолютно неадекватна его реальной стоимости. Спекуляции на фондовых рынках и фондовые кризисы, которые происходят в Америке и Европе, показывают, что современная экономика не может найти реальных денежных инструментов для измерения качественно нового национального богатства.

Отмечу, что постиндустриальное общество имеет несколько различных модификаций, и европейский вариант развития заметно отличается от американского, я бы сказал, в позитивную сторону. Но об этом несколько позже, поскольку тема моего выступления — российские проблемы, место России в новом мировом экономическом порядке. Наша страна достигла по состоянию на начало 80-х годов достаточно высокого уровня индустриального развития, но объективно оказалась исключена из глобальной экономики, в отличие от стран, допустим, Юго-Восточной Азии, с которыми вполне мог конкурировать в конце 70-х годов Советский Союз. Произошло это в силу определенных политических причин: его развитие сдерживалось гигантским протекционизмом, с одной стороны, с другой стороны, огромным перераспределением средств, изымавшихся из сырьевого сектора, поддерживавших конкурентоспособность и вообще живучесть отечественной промышленности. Но после реформ, проводившихся в 90-е годы, оценка которых, конечно, вряд ли может быть сугубо позитивной, Россия вошла в мировую экономику и обнаружился достаточно низкий уровень ее развития. И страна оказалась на нижних строках в экономическом рейтинге.

Сегодня Россия находится в очень сложной экономической ситуации. И, на мой взгляд, эта ситуация даже сложнее и противоречивее, чем несколько лет назад. После 1998 года, который ознаменовался гигантским обвалом на российском финансовом и фондовом рынках, фактическим прекращением иностранных инвестиций и крайне низкими ценами на нефть, страна оказалась на распутье. Она могла пойти по одному из двух путей. Либо по пути промышленной модернизации, предприняв попытку в чем-то повторить опыт стран Юго-Восточной Азии. А именно — признать неспособность самостоятельного развития как индустриальной державы, активно привлечь иностранные инвестиции в экономику на выгодных, хотя, может быть, политически унижительных условиях, фактически сдать контроль над банковской системой, которой в тот момент и так не существовало, и тем самым попытаться включиться в гонку с теми же восточноазиатскими экономиками. Используя в качестве конкурентного преимущества квалифицированную и дешевую рабочую силу, огромные запасы энергии и ресурсов и серьезную емкость внутреннего рынка, дополненную высоким творческим потенциалом большинства населения.

Вторым выходом из ситуации могло стать возвращение на старый путь развития. Однако установившиеся высокие цены на сырье практически сняли с повестки дня оба эти варианта и привели к угасанию всяких желаний правительства реально реформировать национальную экономику. Если мы сравним российский опыт с опытом Китая, например, то увидим разительные отличия. Китай является сегодня абсолютным лидером по привлечению иностранных инвестиций при отсутствии политической свободы и демократических форм правления; там существуют очень жесткое, но ответственное руководство, разумная налоговая система, разумная система распределения ресурсов. А в нашей стране действует крайне экзотическая политико-экономическая система, соединяющая видимость демократии с достаточно высокой степенью хозяйственного произвола и опирающаяся главным образом на нефтяные и газовые ресурсы. Пер-

спективы такой российской экономики в мире я оцениваю достаточно скептически. Мировая экономика — и я сказал уже об этом — не так глобальна, как кажется. Хотя все привыкли говорить об огромных оборотах мировой торговли, в действительности они меньше по отношению к валовому национальному продукту, чем в середине XIX века, когда одна Великобритания, например, экспортировала приблизительно 34 процента своего ВВП. В наши дни Соединенные Штаты экспортируют 11 процентов, Япония — 9 процентов своего ВВП. Абсолютное большинство товаров, которые производятся в Азии, Америке или Европе, потребляются внутри этих экономических зон. Порядка 85 процентов мировой торговли приходится на торговлю между странами «треугольника» — Европейским союзом, США и Юго-Восточной Азией. Эти страны серьезно обособлены от остального мира. В них сосредоточено около 90 процентов технологического потенциала. Сегодня только Европа и США имеют положительное сальдо в торговле технологиями с остальным миром. Япония, которая часто рассматривается как образец серьезной экономики, пребывает в кризисе 16-й год и продает ежегодно своих новых технологий в 8 раз меньше, чем покупает за границей, не говоря уже о Китае, где объем продаваемых технологий составляет меньше двух процентов от объема закупаемых. Соединенные Штаты и Западная Европа реально контролируют современное мировое экономическое развитие, и их экономическая мощь действительно основана на тех источниках, которым сегодня развивающийся мир вряд ли может что-то противопоставить. Главный выбор, стоящий сегодня перед Россией, — это выбор, во многом политический, того пути, по которому она пойдет дальше. И в этом смысле мы имеем реальную альтернативу, на мой взгляд. Первый вариант — это попытаться все-таки реализовать те реформы, которые проводились восточноазиатскими странами, и пойти по индустриальному пути развития. Этот путь достаточно перспективен. Но сегодня Россия потеряла многие свои прежние конкурентные преимущества в данной сфере, учитывая, что стоимость рабо-

чей силы у нас выше стоимости рабочей силы в Китае, качество же российских товаров остается не слишком высоким, а инфраструктура, если сравнивать ее с той же китайской, выглядит просто ужасающе. Поэтому вероятность создания тандема с быстро развивающимися странами азиатско-тихоокеанского региона я бы не переоценивал. Россия никогда не имела серьезных контактов с этой частью мира, и мы плохо понимаем этот регион. Второй путь, который кажется мне более предпочтительным, — это ускоренное развитие с ориентацией на союз с Европой. Реализация такой модели предполагала бы превращение России в индустриально-сырьевую базу Европейского союза с жесткими условиями сотрудничества с ним, а именно с четким пониманием перспективы интеграции в единую европейскую экономику. Ценой этого может стать изменение военно-политического статуса России и передача под контроль наднациональных европейских органов основных отраслей экономики, ее демонополизация, принятие единых европейских норм в области энергетики, продвижение к единым европейским структурам безопасности и постепенная политическая интеграция в Европу с соответствующим европейским пониманием прав человека и роли гражданского общества. Тем более что взаимная заинтересованность Европы и России друг в друге очевидна, как очевиден и реальный исторический опыт их взаимодействия. По своей истории и культуре Россия, безусловно, является европейской страной, имеющей мало шансов на успех в качестве какого-то мифического лидера азиатского блока. И наименее реалистичский сценарий, вероятность которого я оцениваю близкой к нулю, — это ориентация на Соединенные Штаты. К сожалению, психология российских лидеров, формировавшаяся под влиянием многолетней привычки рассматривать Россию в качестве сверхдержавы, равной Америке, и нежелание понимать брюссельскую бюрократию, а пытаться строить отношения на личных связях с «другом Биллом» или еще с кем-нибудь, поддерживают мощную ориентацию на Соединенные Штаты, хотя экономическая заинтересованность Америки в

Вольфганг Маттхойер. Шаг столетия. 1984–1985

России минимальна. Технологические же возможности и условия сотрудничества с Америкой тоже не слишком приятны с учетом того, что до сих пор мы не добились хотя бы отмены поправки Джексона-Вэника. Не говоря уже о том, что сотрудничество с США в нынешнем виде имеет катастрофические последствия для российской политики, если смотреть правде в глаза, так как оно основывается на поддержке беззакония,творя-

щегося в Чечне, в Ираке и в Гуантанамо. И в этом отношении это союз двух абсолютно похожих друг на друга по стилю руководства лидеров, отказывающихся понимать суть демократической процедуры. Поэтому, на мой взгляд, и в экономическом, и в политическом, и в культурном плане в условиях глобализации наиболее оптимальным для России был бы путь сближения с Европейским союзом.

Дискуссия

Вадим Карастелев, член научно-методического совета Школы общественного наблюдателя в пенитенциарной системе при Министерстве юстиции РФ, г. Новороссийск:
— Ваш Совет занимается исследованием постиндустриального общества. Вы сказали, что не найдены пока экономические законы развития этого общества и отсутствуют точные критерии оценки производства информации и знаний. Но, мне кажется, уже в самом понятии «постиндустриальное» заложена невозможность дать адекватную его характеристику, поскольку это просто то, что следует «после». Не могли бы вы сказать еще о каких-то важных, с вашей точки зрения, его характеристиках?

Светлана Жукова, депутат Законодательной думы, Хабаровский край:

— Не существует ли опасности, что в результате реализации первых двух сценариев экономического развития произойдет распад России, что ее зауральская часть отойдет к Азии, а европейская к Европе?

Надежда Гольдфарб, начальник информационно-аналитического отдела Торгово-промышленной палаты, г. Тольятти:

— Вы сказали, что третий тип экономики — это экономика знаний, и связали ее с неэквивалентным обменом. Однако экспансия производимых в этом секторе определенных видов товаров в развивающиеся страны все же приводит к зависимости потребителя от производителя, от его новой продукции, например программных продуктов, комплектующих, новых технологий и т. д. То есть это не совсем эквивалентный обмен. Как вы считаете, нет ли перспективы для России начать выход из сырьевого типа экономики через обмен части сырья на новые технологии?

Алексей Зиборов, депутат областного Правительственного собрания, Астраханская область:

— Мы видим, что у страны появляется шанс, и психологически готовы к тому, что есть несколько путей развития. В принципе наши экономисты, я думаю, представляют, по какому пути мы можем пойти. Все дело в политиках. Вопрос же у меня такой: а нельзя как-то конструктивно совместить эти три пути? Ведь может получиться какой-то определенный перекося — Америка, Европа, Азия... Может быть, мы все-таки будем развиваться как-то рационально?

Сергей Чуев, председатель исполкома регионального отделения РДП «Яблоко», г. Ростов:

— Вы описали нам три возможности для России. Какова, на ваш взгляд, вероятность пессимистического сценария?

Владислав Иноземцев:

— О постиндустриальном обществе. Я согласен с тем, что это неопределенное понятие. Формально термин возник еще в начале XX века, но реально начал использоваться в 70-е годы как раз потому, что ни одна из позитивных характеристик состояния мировой цивилизации, которые тогда давались, не воспринималась адекватно. Говорили о технотронном обществе, об информационном,

об обществе знания и т. д. На мой взгляд, вопрос не в определении. Основным моментом в постиндустриальном обществе является то, что главный источник создаваемого общественного богатства связан с творческими, интеллектуальными способностями человека. Это может быть не обязательно компьютерная программа, а, допустим, сумка от «Гуччи», которая вовсе не исключает, конечно, возможность иметь сетку-авоську. Здесь нет зависимости и принуждения к покупке. Но в то же время сумки от «Гуччи» вызывают феномен статусного потребления, феномен потребления креативной продукции. Европа в этом отношении даже более постиндустриальна, чем Америка. Потому что в Штатах постиндустриальная экономика хотя и развивается, но мотивы ее развития остаются столь же материалистическими, как и прежде. Посмотрите на американские торговые марки, самые известные бренды: «Макдоналдс», «Майкрософт», «Найк», «Форд», «Кока-Кола», не говоря уже о джинсах или боингах. Это совокупность достаточно высокотехнологической продукции, но производимой в массовом масштабе, то есть индустриальными способами. А посмотрите на европейские высшие марки: «Гуччи», «Гермес», «Прада», «Кристиан Диор», «Л'Ореаль», «Феррари» и прочее. Эти товары ориентированы на реализацию творческой индивидуальности, креативного потенциала их создателей. Они меньше ориентированы на массовое производство. Поэтому их экономика, скажем так, уже не *пост*, а *неиндустриальная* по своей идеологии. И с этой точки зрения у нее больше перспектив, чем у американской.

Почему американцы проигрывают Китаю? Потому что в США предпочитают методы индустриального производства. Известно, что дефицит США в торговле с Китаем каждый год растет на 30-40 процентов, а дефицит Европы с Китаем к 2007 году исчезнет. Он снижается ежегодно. Это показывает, что американцы проигрывают конкуренцию в сфере массового производства.

Итак, постиндустриальное общество, помимо сказанного, — это общество, где на первые роли выходит творческий потенциал.

Относительно раскола России на Запад и Восток. Да, эта перспектива кажется мне реальной. Это может случиться. О политических последствиях сложно говорить. Дело в том, что здесь сходятся исторические реалии и интересы экономического прогресса. С точки зрения последних, «вхождение» России в Европу было бы во всех отношениях более полезным и для самой России, и для Европы, а также для растущих азиатских экономик. С политической же точки зрения расчленение нации, существовавшей в течение столетий, фактически малореально.

Неэквивалентный обмен. Очень правильный вопрос. Да, неэквивалентный обмен существует. Действительно, когда мы начинаем работать на программах «Майкрософта», мы вынуждены покупать новую программу, даже если это не очень нам нужно. Так что определенное давление на рынок существует. Но здесь возникает очень интересный вопрос: что такое монополия? Ведь когда вы вынужденно покупаете газ, допустим, у поставщика, которым является Газпром, а электроэнергию — у РАО ЕЭС, то если цены вырастут вдвое, вы все равно будете покупать газ у Газпрома, а электроэнергию у РАО ЕЭС. А «Майкрософт» сейчас не является таким монополистом. Его основатели создали то, что мир оценил, но здесь и кроется огромная проблема постиндустриального общества: люди, создающие креативные продукты, получают гигантские богатства, которые, с точки зрения большинства, кажутся настолько нереалистическими и необъяснимыми, что возникает ощущение несправедливости. Почему? Потому что самым большим парадоксом становится то, что постиндустриальное общество дальше от идеалов материального равенства,

чем любое другое общество прошлого. Человеческое сознание не может и, к сожалению, долго еще не сможет осознать тот факт, что равенство и справедливость больше не тождественные понятия. Неравенство отныне может быть абсолютно справедливым. Этого никто не пытался утверждать с момента появления христианской доктрины. Но именно это станет самым большим вызовом для мира в наступившем столетии, потому что на протяжении веков вся философская традиция, самые достойные люди утверждали, что принцип равенства незыблем. А теперь он пошатнулся. Так что Маркс глубоко ошибался, когда говорил, что миром будет править труд. Ни в одну экономическую эпоху труд не был в дефиците. В дефиците всегда была либо военная сила, как в античности, либо земля, как в условиях феодализма, либо капитал. А сегодня в дефиците знания и возможности. И тот класс, та страна, которые сумеют воспользоваться этими возможностями, будут правящими. Если землю у феодала можно было отнять, а капиталист мог разориться, то отнять у человека знания невозможно, как и использовать их без соответствующего опыта. С этой точки зрения носители современного знания являются, если угодно, более стабильным и более богатым классом, чем любой другой класс предшествующих эксплуататорских обществ, хотя сам он не является эксплуататорским. Это очень сложная социальная проблема, удовлетворительного варианта решения которой на сегодняшний день я не вижу ни в одной из существующих политологических и социальных работ. И сам его не вижу тоже.

Теперь что касается модели развития. Хочу подчеркнуть, что когда я говорил о трех моделях развития, то имел в виду не азиатскую, европейскую или американскую модели. Я говорил о примитивном использовании ресурсов, об индустриальном развитии и о характере постиндустриального развития. На мой взгляд, объединить их — это все равно что пытаться, условно говоря, объединить опыт детсадовца, опыт старшеклассника и опыт аспиранта. Это скорее три фазы развития. Страна, которая стала постиндустриальной, разумеется, проходила аграрную фазу. В середине XIX века Америка экспортировала хлопок, мясо, зерно. В начале XX-го она экспортировала уже автомобили и прочую промышленную продукцию. Сегодня экспортирует технологии. Крайне сложно просто объединить три пути, минуя фазы развития от примитивной экономики к постиндустриальной. Построить постиндустриальную экономику на сырьевом базисе невозможно. Страна, занятая просто добыванием природных ресурсов, не испытывает реальной потребности в ином типе развития.

Какова вероятность для России пессимистического сценария развития? Больше 80 процентов.

Индира Дунаева, руководитель аналитического отдела Института региональных проблем, Москва:

Один из политологов недавно сказал, что малодемократические политические режимы с экономической точки зрения хороши для того, чтобы рыть котлованы и создавать атомные бомбы, а современную экономику невозможно построить без воздуха свободы. Как вам кажется, в нашей нынешней политической ситуации вообще возможно создание современной экономики?

Глеб Тюрин, директор Института общественных и гуманитарных инициатив, Архангельск:

— Я бы хотел чуть-чуть не согласиться и напомнить по поводу глобализации. Мне кажется, современный мировой экономический порядок как раз и пред-

полагает гигантское экономическое сотрудничество. Достаточно сказать, что из всего произведенного ВВП Финляндия получает всего лишь 12 процентов. Все остальное достается акционерам некоего транснационального сообщества корпораций, извлекающих из этого прибыль. И то же самое относится к тем европейским странам, которые являются главными бенефициариями, но при этом испытывают немалые экономические трудности. Европа, по-моему, и многие экономисты это осознают, находится в очень, скажем так, жесткой ситуации. Рост валового национального продукта в несколько процентов уже считается удачей. Так вот, одна из колоссальных проблем заключается в том, что это производство не товаров и услуг, а прибавочной стоимости, попадающей в руки нескольких тысяч человек, которые никогда не смогут ее потребить. По большому счету, это производство нулей на счетах в американских и швейцарских банках. Я высказываю не свою точку зрения, а цитирую антиглобалистов, называющих это «паранойей развития». Как если бы наша цивилизация была поездом, первые вагоны которого — развитые страны — несущая с нарастающей скоростью, а задние — отсталые страны — сильно тормозят. И это неизбежно приведет к разрыву состава. Мне кажется, проблема в том, что мы не осознаем, где находимся, но и Запад не осознает масштабов этого вызова. Наша политика, по-моему, ничего не делает для того, чтобы этому противостоять.

Александр Пешков, руководитель благотворительных программ ОАО «ЛУКОЙЛ-Волганефтепродукт», Нижний Новгород:

— Здесь стучаются краски и получается так, что от радужных впечатлений, которые были после выступления Гуннара Веттерберга, не осталось ничего. Все-таки является социальное благоденствие обязательной характеристикой постиндустриального общества или от этой идеи полностью придется отказаться?

Иван Цецерский, депутат Псковской городской думы:

— Вы сказали, что к руководству Китая нужно относиться как к ответственному правительству. А если бы вы были премьер-министром или президентом России, каковы были ваши четыре-пять основных шагов, чтобы можно было говорить об «ответственном руководстве»?

Елена Глыбина, Ленинградская область:

— В постиндустриальном обществе информация и знания — это действительно тот капитал, которым должен обладать и будет обладать творческий класс. Какими видятся вам перспективы развития творческого класса в России в той системе образования, которая существует? Нужна ли ее реформа?

Богданов Андрей, старший преподаватель Великолукской государственной сельскохозяйственной академии, Псковская область:

— Помимо перспективы союза с Европой и тандема с Азией, который в принципе сомнителен, существует еще возможность, учитывая уникальное географическое положение России, стать мостом между Европой и Азией, по которому будет происходить обмен не только информационными технологиями, но и трудовыми ресурсами. Как вы относитесь к такой перспективе?

Владислав Иноземцев:

— Относительно «воздуха свободы». Проблема очень интересная. Два года назад в Соединенных Штатах вышла книга «Будущее свободы», которую мы переве-

ли, и в сентябре она будет издана. Ее автор, главный редактор журнала «Ньюсуик» Фарид Закария пишет очень интересные, совершенно правильные вещи. Он говорит о том, что быстрое экономическое развитие фактически никогда не происходило в условиях совершенной демократии. Демократия и свобода, которые прочно связаны в сознании человека, как справедливость и равенство, на самом деле не одно и то же. Британия в конце XIX века, когда право голоса имели всего 4 процента населения, была вполне свободной страной и вполне развитым гражданским обществом. Но с точки зрения современных стандартов совершенно не была демократической. Россия сегодня является демократической страной, но не правовым обществом. И в этом отношении Закария очень интересно показал на опыте истории многих стран, что наиболее успешный переход к либеральным демократиям происходил как раз от либеральных автократий. Таких стран много. Эти «демократии», несмотря на то что они являются демократиями по всем формальным признакам, имеют очень мало шансов на успешное развитие. Подытожу: воздух свободы нужен, воздух демократии не обязателен. Это вещи немного разные.

Относительно выступления господина из Архангельска по поводу нарастания разрыва в развитии. Я в целом не возражаю против такой позиции, за исключением нескольких пунктов. Я полностью согласен, что одна из проблем Запада и в первую очередь Соединенных Штатов в том, что они не осознают масштаба существующей опасности. Это действительно так.

Еще в 1999 году в одной из своих книг я писал, что цивилизация раскалывается, но совершенно не по тем критериям, которые видятся Хантингтону; она раскалывается прежде всего по уровню хозяйственного развития. И опасность такого раскола очень велика. А то упрощенчество, с которым относятся американцы к мировому устройству, — это главный фактор риска для современной геополитической системы. Сама мысль, что в Ираке можно заняться тем, что американцы называют строительством нации, nation-building'ом, вызывает у меня, сложно даже сказать какую, реакцию.

В октябре прошлого года проходила конференция в Сиэтле, на которой была секция по проблемам nation-building'a под председательством г-на Фукуямы и одного из авторов плана послевоенного восстановления Ирака, специалиста из госдепартамента. И я задал вопрос, могут ли эти джентльмены дать определение нации. Ответа на вопрос не последовало. Книга Фукуямы, которая вышла в Америке два месяца назад, называется уже почему-то «State-building». Дело в том, что масштаб упрощения взгляда на мир, который притекает из Америки, не поддается разумному описанию. И в этом отношении Запад, особенно Штаты, не осознает исходящей от других стран опасности. И Россия в случае своей экономической неудачи тоже может быть опасной.

Если же говорить о европейских проблемах, то они действительно велики. Но посмотрите на успешно развивающуюся Америку и на слабо развивающуюся Европу, и вы увидите, что по опросам общественного мнения удовлетворенность жизнью — и чувство безопасности, и социальные гарантии — со всем этим в Европе дело обстоит весьма удовлетворительно. Довольны жизнью в Европе 85 процентов опрошенных, а в Америке — 54 процента. И тот факт, что в Германии рост ВВП на один процент воспринимается как достижение, вызывает вопрос: а нужен ли вообще рост ВВП? Чего хочет человек от жизни, что для него лучше — купить третью машину или больше отдыхать? В Америке среднее число рабочих часов в год составляет 2100, в Европе — 1580. Зачем нужен изматывающий людей рост? Если хотеть, его можно добиться. Но его не хотят, потому что у людей есть другие цели, кроме лишнего ноля на каком-то счете. И в Европе это выражено гораздо сильнее, чем в Америке.

Имейте в виду, что основные западные состояния не лежат в банках. Все основные состояния — это простое умножение рыночной цены той или иной акции на количество акций у человека, скажем основателя «Майкрософта» или еще какой-нибудь компании. Нет нынешней цены — нет и нынешнего богатства. Это большой пузырь, большая фикция.

Является ли общество благосостояния обязательным элементом постиндустриального общества? Да, является.

По поводу ответственности китайского руководства. Вопрос хороший и сложный. Он распадается на два: почему я считаю китайское руководство ответственным и можно ли сегодня иметь ответственное руководство в России? На первый вопрос ответить легко. Если мы посмотрим на китайские реформы, то увидим несколько принципов, которые не слишком явно декларируются, но которые обществом поняты. Принцип номер один. Фактически приватизации в Китае проведено не было. Поэтому государственные чиновники не имели возможности украсть значительную часть национального достояния. Во-вторых, крестьянам была дана возможность вести рыночное хозяйство при отсутствии частной собственности на землю. Существует только право наследственной пожизненной аренды, когда крестьянин может отдать землю в

аренду другому крестьянину и попытаться достичь успеха в городе. При этом миграция не ограничена (кроме четырех больших городов), а система прописки и регистрации гораздо слабее, чем у нас, сколько бы ни говорили о том, что это полицейская страна. В общем, людям позволили зарабатывать. Таким образом, существуют предприниматели, но существует и чиновничество, живущее хорошо и получающее очень высокие зарплаты, однако в условиях жесткого контроля.

В каждый из четырех дней, когда я был в Шанхае, под дверью моего гостиничного номера появлялась местная англоязычная газета «Shanghai Daily». На ее первой странице была информация о событиях в мире. А вторая и третья были посвящены местным новостям. Как говорится, коротко о главном. Новостей там оказывалось порядка 30-40. Из них приблизительно 5 — о хозяйственных успехах, о наводнении, спортивных событиях. А остальные 35 — о приговорах, вынесенных бывшим чиновникам, партийным и государственным, — от 6 лет до высшей меры наказания, а за взятки — от 100 тысяч до 500 тысяч долларов. И государственные чиновники очень четко понимают действительную жесткость этой системы управления. Тогда как предприниматели имеют достаточно высокую степень свободы.

О второй части вопроса. Для того чтобы создать ответственное правительство в России, нужно многое. Но шаги этого правительства сегодня не слишком очевидны, поскольку ситуация катастрофически запущена. Фактически тот момент, с которого был начат китайский опыт, нами упущен. Я не исключаю, что ответственное правительство будет вынуждено осуществить элементы реальной деприватизации. И допускаю, что оно должно жестко управлять теми компаниями, которые остались в государственной собственности. Оно, безусловно, должно укреплять налоговую дисциплину, но делать это не запугиванием граждан, а последовательно вводя новые законы и не пытаясь пересмотреть результаты каких-то прежних событий. Я полагаю, что ответственное правительство России должно немедленно подать заявку на вступление в Европейский союз; должно стремиться без применения военной силы в течение короткого срока решить чеченскую проблему. Ответственное правительство должно понять, что борьба с терроризмом инициирована Соединенными Штатами исключительно, на мой взгляд, для поддержания мифа о собственной необходимости миру, и перейти от антитеррористической демагогии к реальным экономическим реформам. Оно должно допустить иностранные инвестиции в страну и гарантировать их сохранность; должно способствовать реальной передаче иностранным инвесторам неэффективных предприятий, в первую очередь тех, которые не способны производить конкурентоспособную продукцию, типа АвтоВАЗа, «Москвича», ЗИЛа и т.д. Мы должны использовать опыт Южной Кореи, германского варианта начала 90-х годов, когда такие предприятия бывшей ГДР при условии сохранения занятости передавались вообще за копейки. Необходимо очень жестко, проанализировав опыт, отнестись к тому, какими качествами должны обладать члены потенциально ответственного руководства. Не может считаться ответственным руководство, посадившее Ходорковского (допустим, нарушившего закон и уклонившегося от налогов), в то время как министр по налогам и сборам, в свое время подписавший декларации ЮКОСа об уплате налогов, остается на свободе. Они должны быть сокамерниками. Те в Счетной палате, кто посчитал, что налоги в 2001 году были уплачены правильно, и те, кто якобы украл эти деньги в том же году, должны сидеть на одной скамье подсудимых, потому что иначе о какой-либо ответственности говорить не приходится. Это нонсенс. Налоговая декларация — это договор

между предпринимателем, который предъявляет ее, и государством, которое говорит: «Я признаю тебя честным». И если этот договор нарушается, подлежат наказанию обе стороны. (*Аплодисменты.*)

По поводу реформы образования. Да, конечно, это очень важно. На мой взгляд, это тоже должно быть одним из приоритетов правительства. Советское государство в свое время решало определенные проблемы и достигало определенных целей. Например, вспомним такой странный феномен, как советский спорт. Советский Союз был лидером на многих Олимпийских играх. И это в условиях, когда страна оставалась бедной. Каким образом? Потому что четко ставилась задача, и любой талантливый молодой человек в любой спортивной юношеской школе тут же брался за заметку, ему предоставлялись достаточно большие возможности для развития. Если мы хотим стать нормальной образованной страной, мы должны выискивать не алмазы в сибирских коях, а людей, которые способны к интеллектуальным прорывам. (*Аплодисменты.*) Эти люди существуют по всей стране, и рождаются они в самых разных семьях. Государственная политика, направленная на их поддержку, не требует больших средств, но может принести гигантскую отдачу. Но сегодня она, по моему, отодвинута на последнее место среди социальных приоритетов.

О варианте транзита. Я очень часто слышу об этом, но лично мое отношение к нему однозначно. Мне кажется, что приятнее быть человеком, который ходит по дороге, чем дорогой, по которой ходят.

Магомед Магомадов, юрист ООО «Матери Чечни за мир», Чеченская Республика:

— Мне импонирует замечание, что сотрудничество с Америкой приводит к слепоте оба государства в плане соблюдения ими же подписанных международных обязательств. Какие исходные условия могут подтолкнуть Европу к России и наоборот в политическом плане? Европа уже имела краткий роман с Россией без всяких для нее политических последствий, кроме членства в Совете Европы. А увлеченность России Европой кончается, по моему мнению, с возвращением к какому-то особому пути с надеждой на будущее возвращение к советскому могуществу.

Андрей Юров, президент организации «Молодежное правозащитное движение», г. Воронеж:

— Во-первых, по поводу третьего типа развития. Мне представляется, что речь идет не столько о продаже высоких технологий, сколько о продаже брендов, не интеллектуальных, а именно искусственных продуктов, причем с помощью так называемого структурного насилия. То, о чем говорят сейчас психологи. Это особый вид насилия. Во-вторых, если говорить о связи свободы и демократии, то мне не представляется, что эти понятия различны. На мой взгляд, нормальные современные государства невозможны без очень жесткого контроля не власти над властью, а граждан над властью.

Анна Миронова, редактор издательства, директор газеты «Вече Твери»:

— О новых технологиях, которые являются наиболее приемлемым путем развития. По-видимому, в Европе это поняли, потому что недавно там было подписано соглашение о развитии науки и помощи молодым ученым, что-то вроде создания кадрового агентства, назначение которого — помогать им решать в том числе и бытовые проблемы. Возможно, наша интеграция в Европу как раз и вызовет отток из России молодежи с высоким творческим потенциалом и, скорее всего, увеличит то неравенство, о котором вы сказали.

Ахмед Автурханов, казначей Управления федерального казначейства Министерства финансов Чеченской Республики:

— Когда рассматриваешь экономические методы, рецепты, то такой опыт имеется. Есть поговорка: «Не надо изобретать велосипед». Вообще-то и развивающаяся экономика Европы прошла после Второй мировой войны период жесткого регулирования, валютный коридор и только тогда появился свободный валютный курс. В России, помимо реформы образования, несомненно, крайне важно, чтобы была финансовая стабильность. Особенно для иностранных инвесторов.

Станислав Рыжик, адвокат адвокатской палаты Воронежской области:

— Интеллектуальная собственность — это не только бренды. Приведу соответствующую статистику, примерно двух-трехлетней давности. Каждое третье изобретение, патентуемое американцами, наше. И при этом в Европе мы делили с американцами первое, второе места. Один этот факт свидетельствует о том, что у нашего общества мощный интеллектуальный потенциал. Если же иметь в виду ментальность нашего руководства, то я вообще слабо представляю, что оно откажется от особого пути и согласится с ролью России как «второго брата» Америки или второстепенного участника Евросоюза. Труднее себе представить, что оно реально начнет что-то делать в области защиты, охраны и продвижения интеллектуального продукта, то есть чтобы он действительно стал товаром. На ваш взгляд, каковы перспективы такого пути — самостоятельного, без интеграции, но при условии, что общество станет обществом творчества и знаний?

Ратмир Каров, председатель студенческого совета Кабардино-Балкарского института бизнеса, г. Нальчик:

— В одном из журналов я прочитал, что компания «Майкрософт» планирует запустить в космос 47 спутников, для того чтобы весь мир мог пользоваться Интернетом без провайдеров. Как вы считаете, к чему может привести создание такой мощной развитой сети Интернета?

Владислав Иноземцев:

— По поводу сотрудничества с Америкой, основанного на взаимной слепоте. И насколько, если не ориентироваться на Америку, мы нужны Европе? Мне кажется, что основой сотрудничества с Европой является ее потребность в новых рынках и в рабочей силе. Причем предпочтительнее восточноевропейского, чем азиатско-африканского происхождения. Не говоря уже о том, что она имеет серьезную потребность в действительно твердых тылах — и политических, и сырьевых, особенно с учетом того, что Америка контролирует или пытается контролировать сырьевые запасы. Поэтому заинтересованность Европы в России есть.

Один высокопоставленный французский политолог как-то сказал, что они были бы счастливы, если бы Россия подала заявку на вступление в Евросоюз, потому что это стало бы хорошим поводом оттянуть рассмотрение заявки Турции. То, что нас не хотят в Европе, — это информация, идущая в основном из «Останкино» и из-за кремлевских стен. В действительности это не вполне верно. Это «нехотение» преодолимо на политическом уровне.

По поводу необходимости контроля народа над властью. Нужно понимать, что такое контроль народа над властью и что такое демократический принцип. Когда, допустим, в Соединенных Штатах выясняется, что вице-президент летал

куда-то на каникулы на государственном самолете, этот факт расследуется в комиссии Конгресса. А когда обнаруживается перерасход бюджетных средств, тоже проводится расследование и делаются соответствующие выводы. Однако мотивация голосующих во время президентских выборов может быть самой неожиданной.

Вот уникальный пример на эту тему. Все мы знаем, как г-н Буш относится после 11 сентября к исламу и к арабскому миру. Но среди американцев арабского происхождения и исповедующих ислам за Буша на выборах 2000 года проголосовало 84 процента мусульман-американцев. Почему? Потому что кандидатом от демократов в вице-президенты был еврей Либерман. Сама логика демократии приводит нередко к таким вот парадоксальным решениям. Поэтому контроль нужен, а массовая демократия приводит к тому, что мы видим во время иракской войны.

Относительно интеллектуальной собственности. Действительно, американцы и европейцы патентуют очень многие наши изобретения. Хотя они могли бы патентоваться в России и продаваться за рубеж. К этому надо идти. Но в любом случае это не просто, учитывая, что масштаб интеллектуальной собственности, украденной нами у них, гораздо больше, чем украденной ими у нас. Поэтому, если мы введем жесткий закон, мы окажемся в проигрыше. На сегодняшний день это мое глубокое убеждение, чисто экономическое.

По поводу «Майкрософта» и спутников, к чему может привести глобальная сеть. Я думаю, что с «Майкрософтом» или без, она создастся, и процесс обмена информацией действительно будет глобальным уже в ближайшее время. Этот процесс чисто количественный. Грань информированности уже перейдена. Если информация будет приходить с опережением еще на какие-то там 30 секунд, психология человечества не изменится.

О стабильности финансовой системы. В данном случае, господа, стабильность финансовой системы — это очень важная вещь и основа экономики любого государства. Поэтому нужно иметь в виду важное обстоятельство, которое у нас сейчас не принимается во внимание. В течение нескольких лет я был председателем правления одного из московских банков. Я не хочу сказать, что я большой специалист в этом деле, но, по крайней мере, вижу, как функционирует банковская система. И когда говорят, что мы не хотим допускать иностранные банки в нашу экономику, я не очень это понимаю, так как под предлогом борьбы за интересы отечественных производителей идет откровенный зажим конкуренции, причем в сфере, где она может и должна развиваться. Представим себе, что у кого-то из вас есть валютный депозит в очень надежном «Росбанке» или в столь же надежном «Газпромбанке». И тем самым вы не хотите пускать сюда, например, «Дойчебанк» с его долларовыми депозитами. Что происходит с деньгами, которые вы сдаете в «Газпромбанк»? Эти деньги пополняют корсчет «Газпромбанка» в том же «Дойчебанке», потому что доллары и евро на счетах российских банков не могут находиться в России. И резервы Центрального банка в долларах или в евро не находятся в России. Фактически во всех валютных операциях российские банки выступают только посредниками, как продавцы билетов в метро. Поэтому говорить о том, что завтра придут западные банки и перехватят у нас контроль, — абсолютная демагогия. Уже сегодня любой расчет в валюте какого-нибудь Кировского завода за поставку запчастей с Украины осуществляется перекадыванием средств с одного счета в иностранном банке на другой. Реально конкуренция западных банков нужна. Это повысит стабильность банковской системы, а не понизит ее.

Лариса Смирнова, аналитик Карагандинского государственного университета им. Е.А.Бекетова, Казахстан:

— Термин «глобализация» неоднозначен и, как я поняла, это удачный миф, которым манипулируют. Те, кто стоит на позициях религиозного фундаментализма, считают, что глобализация — это навязываемый странами Запада процесс, ведущий к утрате национальной идентичности. И другая точка зрения, противоположная — о том, что это рост дифференциации общества, плодотворный обмен информацией и т.д.

Денис Покровский, директор по продажам промышленного холдинга «Агромашхолдинг», Красноярский край:

— Каким вы видите дальнейшее развитие российской экономики с точки зрения взаимодействия рынка и государства? Ведь сегодня у нас свободного рынка нет во многих отраслях промышленности.

Николай Сасин, внешний управляющий АО «Агропромэнерго», г. Ставрополь:

— В вашем докладе прозвучало, что Соединенные Штаты являются конвейером терроризма. Как это более понятно можно трактовать?

Ольга Прохвятилова, аналитик Международного института социальных маркетинговых исследований, г. Петербург:

— Меня заинтересовало ваше мнение о том, что творчество является в России одним из важных потенциалов на фоне других стран. Хотелось бы узнать, за счет чего? Мы вроде как и не заботимся об этом специально...

Александр Болотов, депутат Вологодской городской думы:

— Скажите, кто будет следующим Президентом Российской Федерации? Я имею в виду — будет ли он из ФСБ, интеллигент или кто-то еще?

Владислав Иноземцев:

— Относительно вопроса о терроризме и Соединенных Штатах. Разумеется, США не финансируют террористов. Я лишь утверждаю, что сегодняшнее общество — это общество искусного производства, сложной экономики, но, как ни странно, это еще и общество, примитивно воспринимающее определенные теории, концепции и т. д. И в результате Штаты пытаются внедрить американский образ жизни, американскую мечту, идеи экономической свободы — вовне.

Но рассматривать именно арабский мир как полигон для навязывания западных форм демократии сегодня фактически невозможно. Американцы очень резко вмешались, опираясь на военную силу, что, естественно, вызвало ответную реакцию, и порождает своего рода саморазвертывающуюся спираль.

Между тем у самих Соединенных Штатов весьма неустойчивое экономическое положение, но они имеют очень серьезное политическое влияние.

До распада Советского Союза, во времена «холодной войны» Соединенные Штаты имели статус лидера западного мира. После ее окончания наступил активный период консолидации Европейского союза. Появился евро как валюта, во многом альтернативная доллару (доллар, как известно, главный инструмент американского экономического доминирования). Сегодня экономически европейский блок превосходит по мощи Америку. И раскол западного мира — то, что называется трансатлантическим расколом, — весьма реален и по

политическим соображениям, и по идеологическим, и по экономическим. Американцы же могут выжить как мощная нация, только не допустив такого раскола. Поэтому им крайне выгодно, чтобы борьба с терроризмом была отождествлена не только с усилиями Америки, но с усилиями всего Запада. В такой ситуации привычнее изображать борьбу с терроризмом чуть ли не как вторую «холодную войну», хотя она такой не является.

Вопрос о свободе рынка. Да, конечно, у нас очень много зарегулированных отраслей. Конечно, надо развивать рыночные отношения и конкуренцию. Но посмотрите, Европейская комиссия, например, заявляет, что она введет запрет на экспорт в Европу продукции двух американских компаний «Дженерал Моторс» и «Хонивелл», контролирующих порядка 15 процентов европейского рынка энергетического оборудования, если они примут решение об объединении. Почему? Потому что Европейская комиссия считает, что если эти компании сольются, то будет ограничена конкуренция, и это ее решение не дает возможности американским фирмам объединиться. И это можно понять. Но когда российский антимонопольный комитет утверждает, что новая компания г-на Дерипаски, контролирующая 64 процента производства алюминия в стране, — не монополист на российском рынке, это понять сложно. Поэтому развитие конкуренции, безусловно, необходимо.

О творчестве и талантах в России. По-моему, я не говорил, что у нас больше творческих людей, чем в других странах. Их много везде. Речь идет о том, насколько реализуются творческие способности.

Относительно приемлемой стратегии выхода из экономического кризиса. Давайте посмотрим на то, что произошло в Восточной Европе. Возможно, наши европейские коллеги возразят, но по сути, если называть вещи прямо, произошла покупка Европейским союзом суверенитета ряда восточноевропейских государств в обмен на изменения в системе законодательства, переход на единую валюту, на серьезные дотации и т.д. Ради этого важные сферы суверенных прав, право (впоследствии) на валютную эмиссию, реальные права на установление норм трудового законодательства, налогообложения и тому подобные полномочия были отданы Варшавой, Будапештом, Прагой в пользу Брюсселя. Это обмен политической власти на экономическое благосостояние. Сегодня политические и военные возможности России несоизмеримо больше, чем всех наших бывших союзников по Варшавскому договору. На мой взгляд, это и может быть предметом торга с Европой в политической и военной сферах в обмен на экономическое благоприятствование и иные преференции.

Относительно будущего президента. Я думаю, что им будет один из региональных губернаторов.

Елена Ширнина, председатель отделения общероссийской общественной организации малого и среднего бизнеса, Самарская область:

— Сегодня 42 миллиона человек проживают в сельскохозяйственных районах. Что должно стать для них эффективным механизмом движения вперед?

Иван Савунов, помощник депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь:

— На мой взгляд, те правовые конструкции, которые существуют сейчас для регулирования государством отношений в области информационных ресурсов, оказываются несостоятельными. Например, это довольно неуклюжие попытки урегулирования правоотношений в Интернете. Как вы считаете, по мере развития постиндустриальной экономики будут ли говорить о существовании таких понятий, как государство, государственный суверенитет, либо они каким-то образом видоизменятся?

Андрей Сулов, заместитель директора Центра поддержки демократических молодежных инициатив, г. Пермь:

— Я с вами согласен по поводу пессимистического сценария, поскольку очевидно, что нынешняя властвующая элита ориентируется на сырьевую экономику, на поддержание имперских амбиций. В целом это можно назвать архаизацией общества. Спрашивается, где те силы, которые могут изменить эту ситуацию? Или Запад нам поможет? У меня есть сомнения.

Владимир Кузьменкин, заместитель главного редактора газеты «Вечерний Новосибирск»:

— Вчера Виталий Найшуль сказал, что фактически у нас нет достойных общественных наук. Когда дома в Новосибирске читаешь на диване Фукуяму, то с этим соглашаешься. А когда приезжаешь в Московскую школу, возникают сомнения. Очень бы хотелось узнать вашу точку зрения.

Минкаил Эжиев, исполнительный директор межрегиональной организации «Общество российско-чеченской дружбы», Чеченская Республика:

— Наша экономика зависит от энергоресурсов, и реформировать ее в связи с

ростом цен на нефть очень трудно. В стране отчетливо проявляются черты авторитаризма. В этом мы как-то сближаемся со странами Юго-Восточной Азии. Может быть, наши политики решили скопировать вначале политическую составляющую, а затем перейти к решительным экономическим реформам? Как вы считаете, есть ли шанс модернизировать российскую экономику на этом пути?

Юлия Савченко, пресс-секретарь депутата Государственной думы РФ, г. Ростов-на-Дону: — Неотъемлемой частью экономического развития являются экономические кризисы. Какую роль вы отводите экономическим кризисам в современной мировой экономике?

Андрей Цуканов, Москва:

— Я так понял, что сейчас в процессе глобализации наступает очередной конфликт между идеями интеллектуальными и идеями ценностными. Каким образом он в ближайшее время будет развиваться?

Владислав Сухорученков, депутат Тульской областной думы:

— Я, может быть, скажу крамольную для женщин мысль, что продавать сумочку от «Гуччи» лучше, чем ее покупать и носить. И судя по тому, что вы нам рассказывали о постиндустриальном обществе, вроде бы так это и есть. Вы нарисовали нам картину, когда Россия должна войти в Европейский союз в качестве сырьевого придатка. А где гарантия, что мы станем после этого постиндустриальным обществом? Например, любимая вами и уважаемая мною Британская империя показывает, что те ее части, которые были сырьевым придатком империи, до сих пор не стали постиндустриальным обществом. В чем же все-таки ваш рецепт? Как стать теми, кто продает сумочку от «Гуччи», а не покупает ее?

Владислав Иноземцев:

— Первый вопрос касался сельского населения и возможности реформ в сельском хозяйстве. Безусловно, наше сельское хозяйство нуждается в реформах. И, кстати сказать, они идут. Говоря о Китае, часто подчеркивают, что реформы там начались с сельского хозяйства и результаты именно в этой области наиболее очевидны. В принципе в России они тоже достаточно очевидны. Мы сегодня меньше импортируем зерна, чем во времена Советского Союза. Но, конечно, внимания сельским жителям уделяется мало. Здесь необходимы особые средства регулирования, потому что сами по себе государственные программы вряд ли помогут. Бюрократия не сможет исправить это дело. Необходимо разрабатывать специальную стратегию и создавать более жизнеспособные структуры помощи и кредитования фермерских хозяйств, включая выдачу беспроцентных продолжительных ссуд на их развитие, опираясь в том числе и на существующий стабилизационный фонд.

Относительно вопроса товарища из Белоруссии. Современные правовые нормы и законы, которые принимаются сейчас, не могут эффективно регулировать целую группу сфер деятельности, включая и информационную экономику. Эта проблема существует. И проблема государственного суверенитета также требует осмысления, а точнее, переосмысления не только по экономическим причинам. Учитывая, что эта концепция появилась еще в середине XVII века и с тех пор практически не претерпела изменений. В наши дни это заведомо устаревшая концепция.

Был задан вопрос, как можно переориентировать властные элиты. Думаю, что реально это произойдет только с ростом благосостояния.

Сошлюсь на мнение известного американского социолога Роналда Инглхарта. Вернее, на два его вывода. Первый: люди, движимые материальными интересами, то есть начинавшие карьеру, скажем, с должности почтальона и ставшие миллионерами, никогда в течение своей жизни не меняют мотивацию. Вероятность — меньше одного процента. И наоборот, люди, которые уже в юности живут в обстановке материального благополучия, как правило, не являются поборниками только материалистических ценностей. Вероятность отклонения — около 15 процентов. И второй вывод, который еще хуже: изменение доли материалистов и нематериалистов в обществе меняется со сменой поколений ровно с той же прогрессией. И потому говорить о быстрой смене мотивов и изменении ориентиров не приходится. Это сложный процесс.

По поводу состояния общественных наук в России, каким оно видится читателю Фукуямы из Новосибирска. Я думаю, что то, что делает хозяйка сегодняшнего мероприятия, это выдающееся дело, но хотел бы сказать, что не только вы, будучи в Новосибирске, считаете, что общественных наук в России нет. Я, находясь в Москве, придерживаюсь того же мнения и убеждаюсь в этом очень часто. Когда я прихожу, например, в какой-нибудь известный институт, и мне профессор с горящими глазами начинает рассказывать о последней книге Фукуямы, которая на самом деле вышла лет шесть назад, и после нее тот же автор написал еще две или три. Конечно, процесс приобщения к западной мысли идет. Например, Хантингтон в апреле этого года издал в Америке свою новую книгу об американской идентичности. Очень противоречивая книга. Но так или иначе, она стала заметным событием в общественной жизни Америки. И на прошлой неделе, зайдя в книжный магазин на Тверской, я увидел ее в русском переводе. Я был потрясен. Скорость невероятная. Но лучше бы я прошел мимо, потому что качество ее перевода еще более невероятное. Лучше не читать ее в русском переводе.

Общественных наук у нас нет по одной простой причине. Потому что когда Хантингтон или Фукуяма издают новую книгу, то незнание допустим, госсекретарем или вице-президентом какой-нибудь ее новой формулировки вызывает шок у американского журналиста. Но я был бы очень удивлен, если кто-нибудь из здесь присутствующих молодых людей, связанных с политикой, привел пример, когда наш президент процитировал хотя бы одного отечественного социолога. Потому что наши общественные науки не являются средством и инструментом формирования элиты. Люди, определяющие интеллектуальный стиль общественных наук в Европе и в Америке, — это люди, безусловно, принадлежащие к высшим слоям элиты. Их слушают.

Относительно повторения политической модели Юго-Восточной Азии. Нет, это не повторение, юго-восточноазиатский авторитаризм был другого свойства. Это был авторитаризм бедной страны, и он воспринимался как средство преодоления бедности. Наш же авторитаризм не ставит такую цель. Он хочет управлять тем, что имеется у народа. Это авторитаризм ближневосточного типа. Авторитаризм не корейский, а саудовскоаравийский.

О конфликте идей. Я думаю, что самая большая проблема современного мира в его сложности; он гораздо более сложен по своей идейной структуре, чем раньше. Поэтому, прежде всего, необходима толерантность. Нужно слушать, слышать и пытаться понять. Нельзя отвергать чужие точки зрения. Нужно пытаться понимать даже тех, кого вы считаете иноверцами, людьми совер-

шенно других взглядов или принципов. Современная реальность столь разнообразна и ее оценки столь различны, что не вести диалог невозможно. Именно диалог — иначе катастрофа.

Проблема экономических кризисов в современном мире. Экономика всегда развивалась через кризисы. Это естественно, иначе не было бы развития. Экономический кризис выявляет превосходство стратегических идей — это явление и процесс, в котором выигрывают люди, которые грамотнее мыслят, в отличие от тех, кто проигрывает от кризиса. Поэтому данный аспект регулирования экономической жизни абсолютно необходим. И так будет всегда. Вопрос в том, чтобы кризисы не приобретали необратимый характер. В этом отношении Запад демонстрирует способность к их регулированию. Если мы посмотрим на кризис, например, 2000 года, то увидим, что потеря S&P — самым репрезентативным американским фондовым индексом — почти половины его значения просто отражала падение темпа роста до нуля. В таких ситуациях происходит отрезвление. Быстрее стимулируется поиск механизмов смягчения кризисных ситуаций.

По вопросу превращения России в сырьевой придаток Европейского союза. На мой взгляд, очень странно говорить о «сырьевом придатке». Я хочу призвать вас понять одну простую истину. Источников сырья в мире сегодня очень много. И альтернативные поставки, допустим, цинка, олова возможны из разных стран, так же как и нефти. Поэтому нельзя сказать, что какая-то страна является сырьевым придатком какой-то другой страны. Европа не нуждается в нас как в сырьевом придатке. Она может купить нефть и в Венесуэле. Совершенно ошибочно мнение, что без нас европейцы не выживут. Выживут. Но, сближаясь с Европой, мы можем стать ее индустриальным «придатком». Чего, собственно говоря, и хотелось бы. А именно — чтобы европейское производство перемещалось не в Чехию или Польшу, а чтобы оно уходило к нам. Потому что это и есть то увеличение инвестиций, о которых мы так много рассуждаем и без которых нам не обойтись.

Относительно британских колоний, которые были сырьевыми придатками и не стали постиндустриальными странами. Я лично все же хочу отдать должное английской нации и цивилизационному вкладу британцев в мировое развитие. Да, безусловно, Индия не стала постиндустриальной нацией. Но если мы посмотрим на карту, то увидим, что фактически все демократические страны, которые существуют за пределами западного мира, — это бывшие британские колонии. Не французские, не немецкие и не испанские. Да, Индия — не постиндустриальное общество. Но в Индии британцы построили больше железных дорог, чем в самой Англии. Об этом нельзя забывать. Британское позитивное влияние на экономическое и политическое развитие не должно быть недооценено.

Юрий Гиренко
заместитель главного
редактора журнала
«Общая тетрадь»

Заметки с семинара

Второй федеральный июльский семинар всегда отличается от первого: в нем участвуют молодые люди, уже имеющие представление о Школе. Это часть большого школьного сообщества, что дает возможность пойти дальше, думая самостоятельно и обсуждая такие принципиально важные для Школы темы, как место России в современном мире, верховенство права, гражданские институты, федерализм, местное самоуправление. Об этом напомнила, открывая семинар, директор и основатель Школы Лена Немировская.

Важный аспект современной модернизации России — ее отношения с окружающим миром. С высоты своего многообразного опыта государственной деятельности — парламентария, министра, премьер-министра, а ныне Председателя Счетной палаты Российской Федерации — Сергей Степашин говорил в своем выступлении об участии нашей страны в мировом интеграционном процессе и тех трудностях, с которыми она сталкивается из-за низкого уровня экономического развития. Эта же тема обсуждалась участниками семинара и после доклада доктора экономических наук Владислава Иноземцева.

Понять, что такое демократия вне экономического контекста и развитой социальной сферы, — практически невозможно. «Место встречи» демократии и капитализма — социальная сфера, а одна из тех стран, где эта сфера наиболее развита, — Швеция. О шведском опыте создания «общества благосостояния» рассказал на семинаре Гуннар Веттерберг, историк и специалист по социальной политике. Не всякая демократия, по его словам, может позволить себе роскошь иметь такое общество. Для этого требуется эффективная экономика, тогда как социальная политика может быть двигателем экономического развития.

Что касается России, то ей в этой связи предстоит еще большой путь, так как экономическое развитие страны после распада СССР не очень-то увязывалось с политическими и социальными условиями. Реформаторы верили, что со временем именно рынок расставит все по своим местам. Лишь сравнительно недавно некоторые из них стали размышлять о политических проблемах, в частности Евгений Григорьевич Ясин, один из идеологов реформы 1992 года, министр экономики в кабинете Черномырдина, а ныне научный руководитель Высшей школы экономики и президент фонда «Либеральная миссия». По его словам, как и другие реформаторы, он особенно не погружался в политику, но жизнь заста-

вила его задуматься о демократии. «Демократия — вид спорта, в котором недостаточно быть болельщиком», — процитировал он слова американского сенатора Мура в своем выступлении.

Углубиться в политическую проблематику участникам семинара помог Алексей Салмин, продолживший разговор о политическом дискурсе последнего десятилетия. На майском семинаре (см. его доклад, опубликованный в рубрике «Тема номера») он говорил о «краеугольных камнях преткновения» российской политики, на июльском же — сосредоточился на проблеме передачи власти. Исторический опыт России таков, что, начиная с рубежа XVI-XVII веков, в стране практически не было нормальных переходов власти. Поэтому неудивительно, по его словам, и сегодняшняя модель «демократического регентства», далекая от формулы Хантингтона (критерий со-

стоявшейся демократии — два легальных перехода власти от правящей группы к оппозиции и обратно), представляющая альтернативу дестабилизации.

Попытки реформирования России начались давно, чуть ли не с Ивана Великого, заметил в своем выступлении президент Института национальной модели экономики Виталий Найшуль. Очередной цикл реформ мы прошли на рубеже тысячелетий. Что у нас получилось? По его мнению, у нас получились реформы «вширь, но не вглубь», и в результате мы имеем две России: тысячелетнюю и двенадцатилетнюю. У первой есть прошлое без настоящего; у второй — настоящее без прошлого, а это значит без будущего. «Аплодисменты построенному рынку преждевременны», — подытожил В.А. Найшуль. Это только «трещина в штукатурке под обоями», в долгосрочном же плане мы имеем трещину в капитальной

стене. Конкурентоспособность нашей страны определяется общественной моралью и государственной культурой, а они у нас в плачевном состоянии.

Депутат Госдумы Владимир Рыжков тоже говорил о реформах, но в ином ключе: «За последние десять лет было проведено немало кардинальных реформ, к которым люди в основном относятся отрицательно... Все они проводились методом «бури и натиска», без широкого общественного обсуждения». Именно порочный метод бюрократической манипуляции, исключающий публичность и альтернативность, В.А. Рыжков считает главной причиной провалов российского реформаторства. Результат оказывается противоположен поставленным целям — ослабление вместо усиления, бедность вместо богатства, закрытость вместо прозрачности.

В такой ситуации сложно не впасть в один из коренных

пороков российской интеллигентской традиции — истерику, которая в периоды социальных и политических осложнений приобретает крайние выражения. Надо учиться выходить за рамки стереотипно-истерического восприятия реальности. Блистательный урок трезвости мысли продемонстрировал, как всегда, Дмитрий Тренин. Он отметил, что речь должна идти не только об абстрактных принципах мышления и психологии людей, но и о действительности. А она такова, что, прежде чем появится демократическая повестка, должен появиться думающий народ, а это результат долгого развития. Главная предпосылка такого развития — согласие элит. То, что сейчас Россия стала бюрократизированной и более авторитарной, это «штатный режим», не отменяющий того факта, что модернизация продолжается. «Россия — это секрет, упрятанный в тайну внутри загадки», — говорил У. Черчилль. Но его можно разгадать, поскольку сейчас происходит пересмотр понимания интересов — от имперских к экономическим. Поэтому если говорить об упадке России, то только имперской. Что же касается России как гражданской нации, то в данном случае происходит «перезагрузка матрицы». Чтобы выстраивать адекватное отношение к миру, нам надо понимать логику других людей, стран, союзов. Это не всегда просто — точнее, почти всегда не просто. То, насколько такая логика будет результативной, зависит от взаимного

понимания. Сергей Ястржембский, помощник президента России и представитель России в ЕС, исходит из того, что Россия — европейская держава по своей «истории, родословной, вкладу в культуру и экономику». Он с оптимизмом смотрит как на будущее ЕС, так и на перспективы наших с ним отношений. Альваро Хиль-Роблес, комиссар Совета Европы по правам человека, не только практик, но и мыслитель, продолжил обсуждение темы взаимопонимания: «Демократия — это поезд, в котором есть разные вагоны и места; и она, как поезд, не стоит на месте». В России демократия существует, но люди до сих пор не относятся к ней как к чему-то важному для себя. Поэтому нужна большая работа, подчеркнул он, по созданию и поддержанию гражданского общества, иначе государство будет прибираться к рукам все, до чего дотянется, — природа у него такая. Надо менять взгляд Запада на Россию — и взгляд России на самое себя: «Мы отстали от российской реальности, многие еще не вышли из “холодной войны”. Россия должна преодолеть комплекс самооправдания перед Западом», — сказал А. Хиль-Роблес. Любое действие начинается с понимания. Пониманию социальной реальности сегодня мешает очень многое — и не только в «транзитных» странах. Зачастую помехой становится даже то, что по идее должно бы помогать. Например, средства массовой информации. Известный британский журна-

лист Джон Ллойд убежден, что СМИ играют огромную роль в демократической системе: они дают обществу возможность держать власть под контролем и могут помочь победе правды над ложью, сообщая людям максимально широкий спектр мнений по разным вопросам. Но сейчас масс-медиа все больше становятся инструментом замутнения, а не прояснения реальности. Возможно ли реальное постижение реальности? Презентация книги сэра Родрика Брейтвейта «За Москвой-рекой» свидетельствовала: возможно. Сэр Родрик демонстрирует способность видеть реальность, оставаясь оптимистом. «За Москвой-рекой» — книга историка, аналитика, писателя, а главное — мыслителя. Образец того, как можно «практиковать сложность жизни». Это еще и хорошая литература, о чем выразительно говорила Зоя Ерошок, подчеркнувшая, что его книга — это «хороший и хорошо написанный документальный роман», созданный с искренним чувством симпатии к России: «Сэр Родрик видит непрерывность нашей истории. Это проявляется у него в исключительном внимании к событиям, людям, деталям». Так что постигать реальность не только нужно, но и можно. Постигать, чтобы жить в достойной человека реальности. Об этом же говорили и делали на этом акцент и другие эксперты и участники, выступавшие на семинаре.

Метаморфозы русской политики

Алексей Салмин,
президент фонда
«Русский
общественно-политический
центр»

«Кар-кар-кар, фить-фить-фить», —
Мы не знали, как нам быть.
Очевидно, в этот час
Передача не для нас.

Юлиан Тувим

Как были мы на бале, на бале, на бале.
И с бала нас погнали,
погнали по шлям.

Борис Савинков. Конь вороной

Очень плохо жить на свете,
если видишь все не так.

Агния Барто

Где мы сейчас находимся, что делаем и как называть и оценить тот путь, по которому мы идем (или стоим)? Учитывая, что в стране был «тоталитаризм», и от него мы совершаем — или совершили, или совершим — некий переход к некой «демократии». Ведь мы совершали его полтора десятилетия и вдруг, как дантовский герой, обнаружили себя в темном лесу. И, естественно, задаем традиционные российские вопросы: кто виноват и что делать? Кто виноват: Путин, элита, народ, мы сами, инопланетяне?.. И что делать — бороться с властью, дружить с ней, вернуться на кухни? Или согласиться с теми, кто задает встречный вопрос: а стоит ли огород городить и изобретать велосипед, когда есть теория транзита, перехода от авторитаризма к демократии? И можно взять уже готовые наработки, готовые технологии. Но здесь и возникает проблема: подходят ли эти наработки или модели к России? Если мы вспомним, что опыт, например, восточноевропейского перехода во многом вдохновлялся опытом стран Латинской Америки и Пиренеев, но сама демократическая модель практически при этом не использовалась. Так как элита этих стран в какой-то момент пришла к выводу, что оптимальным путем развития является для них просто присоединение к системе западных институтов — ВТО, ОЭСР, НАТО, ЕС. И эта институциональная привязка очень многое объясняет. Ведь если прыгаешь в вагон поезда, даже последний, то поезд через какое-то время все же приходит на конечную станцию.

Дональд Джадд. Без названия. 1969

В России иная ситуация. У нас не было демократического мифа. Мы так интерпретировали свою историю в начале реформ, как если бы начинали с нуля. Поэтому не было сделано и однозначного выбора в пользу интеграции (я имею в виду ситуацию десятилетней давности).

Для характеристики нашего пути можно использовать следующую аналогию — «гастрономическую». Путь Восточной Европы — это разочарование в своей же столовке и переход в ресторан, где публика почище и меню побогаче. А наш путь — это путь из прежней столовки на свежий воздух на базаре. Поэтому само представление о стабильности процесса утрачивается.

Рассмотрим несколько базовых категорий, которыми мы пользовались в последние пятнадцать лет. Всегда ли мы знаем значение тех слов, которые употребляем, и правильно ли складываем эти слова в нужные фразы?

Предположим, что мы идем от тоталитаризма к демократии. Но что такое тоталитаризм и что такое демократия? Тоталитаризм, который мы воспринимали скорее как некий берег, от которого резко оттолкнулись, это, условно говоря, состояние абсолютного нуля, когда термометр замерзает и мы ничего не можем измерить этим прибором.

А демократия? Полтора десятилетия мы употребляли этот термин, вкладывая в него, по сути, все хорошее, что только можно было вложить в представление о цели движения, и в какой-то степени замещая этим понятием прежнее — «коммунизм». Между тем понятие демократии весьма не простое и к тому же претерпевшее после Второй мировой войны определенные метаморфозы, так что сегодня — это отнюдь не классическая демократия. Совершенно очевидно, что это понятие всякий раз требует дополнительного определения.

И то же самое относится к другим категориям, которыми мы пользовались: «власть», «государство», «народ», «рынок», «собственность», «гражданское общество», «средний класс», «элита». В тоталитарной системе все эти категории растворялись в поня-

тии «тоталитаризм». Там все было едино — и власть, и собственность, и элита. Ну а после тоталитаризма?

Власть мы представляли как исходящую от народа, разделенную на исполнительную, законодательную и судебную, воплощенную в сообществе граждан, избирающих с помощью демократических процедур ее носителей. А государство — в перспективе того исторического опыта, который был накоплен человечеством.

Народ представляли в виде гражданской нации, похожей на любую другую гражданскую нацию, появившуюся в демократическом государстве.

Рынок воспринимали как нечто такое, что начнет действовать само по себе и решит многие проблемы, если ему не мешать.

Собственность представляла как некая эффективная форма распоряжения имуществом, поскольку мы верили, что частный собственник эффективнее государственного, и стоит ему появиться, экономика заработает.

В гражданском обществе видели проявление прежде всего инициативы, благодаря которой оно начнет самоорганизовываться и возьмет на себя целый ряд функций, которые при тоталитаризме выполняло государство.

Средний класс отождествлялся нами с появлением устойчивой демократии, так как считалось, что появится заметный слой процветающих, успешных людей.

И наконец, элита представлялась как наиболее развитая часть среднего класса, способная разрабатывать общественные проекты и убеждать страну принимать их на основе демократических процедур.

А что получилось на самом деле? Прошло пятнадцать лет, и мы обнаружили, что каждая из этих категорий имеет совсем другое содержание.

Оказалось, что власть — это прежде всего бюрократия, никогда не являвшаяся чьей-либо послушной рукой. Это «черный ящик», преобразующий поступающие в него сигналы совершенно немислимым образом. Впервые часть общества стала понимать это на рубеже 1992–1993 годов, пола-

гая, что необходима особая культура работы с бюрократией. На Западе многие проблемы, связанные с ней, решались как бы походя, при разрешении других проблем (например, эмансипации среднего класса), у нас же они до сих пор в тупике.

Выяснилось также, что и государство выглядит совсем иначе. Его идеал был воплощен в Конституции 1993 года, согласно которой оно должно было стать государством гражданской нации, то есть воспринималось фактически как создаваемое с нуля. Собрались умные люди, придумали идеальную или близкую к идеальной Конституцию и решили, что на ее основе сформируется государство. Но оказалось, что не так все просто. Почему? Потому что ни в 1991-м, ни в 1993 году мы так и не объяснили, а откуда, собственно, появится это абсолютно новое государство? На основе тысячелетней традиции? Ясно, что без ответа на этот вопрос нам тоже не обойтись. Не потому что кому-то из нас так хочется, а потому что если мы принимаем политико-юридическую, философскую модель государства, которое каждый раз на каждых выборах или референдуме пересоздается народом, то надо объяснить, почему он имеет это право. Кто и когда ему его предоставил, учитывая, что в российской истории на протяжении большей ее части действовали совершенно иные представления о легитимности и природе государства.

И то же самое относится к понятию народа как гражданской нации. Оказалось, что ее идеал хотя и необходимое, но совершенно недостаточное условие для появления новой идентичности или чувства психологического комфорта. Многими предполагалось, что со временем понятие «россиянин» вытеснит понятие «русский» и станет чем-то наподобие «новой исторической общности». Однако в действительности появился некий культурный «бульон», из которого постепенно, менее болезненно, чем можно было себе представить, рождается лишь нечто, отдаленно похожее на гражданскую нацию.

Далее, предполагалось, что рынок сам все преодолет. Однако, противопоставив ры-

нок государству, мы утратили саму возможность регулирования рынка — он стал регулировать нас. И на стыке рынка и государства, там, где должна быть разница потенциалов, разделение черного и белого, возникли олигархаты, кланы, команды, теневая экономика, приватизированные функции структур власти и многое другое. Гражданское общество, которого не было в советский период, возникло. Но что именно и как возникло? Появилось несколько сотен тысяч как зарегистрированных, так и не зарегистрированных Минюстом организаций, которые охватывают практически все стороны деятельности общества. Сегодня в России участвует или числится в этих организациях примерно столько же людей, сколько в период так называемой социальной революции во Франции 1970–1980-х годов. То есть количественно российское гражданское общество не отличается от того, что есть в других странах. Но, во-первых, наши гражданские организации часто либо исчезают, либо существуют только на бумаге. И, во-вторых, доминируют в России — не численно, а по влиянию — институты, которые можно условно назвать организациями не коллективного альтруизма, а коллективного эгоизма. Так что динамика и состояние гражданского общества также нуждаются в осмыслении.

Есть ли в России средний класс? Волны россиян среднего достатка, накатывающие на курорты Средиземноморья и Юго-Восточной Азии, не позволяют сказать, что у нас нищее общество и что в этом обществе нет среднего класса. О том же говорят и автомобильные пробки во всех без исключения крупных городах. Приватизированные квартиры. Массовое жилищное и дачное строительство. Потребительский стандарт, который соответствует потребительскому стандарту среднего класса. Очевидно, что средний класс в стране все же существует.

Но утверждение, что его нет в современной России, столь же справедливо, как и первое, если мы говорим о среднем классе как о конституирующей части общества, в том числе политического. Опросы, кото-

рые проводятся в западных странах, показывают, что к среднему классу относят себя гораздо больше людей, чем те, кто имеет основания претендовать на этот статус по чисто экономическим показателям. Причем в эту категорию записывают себя не только люди из более бедных слоев (такое самоутверждение естественно), но и более богатые и даже очень богатые люди. Это не случайно, потому что средний класс — это не только статистическая характеристика, но и некое представление о «соли земли», о творческой сердцевине общества, которая придает нравственный смысл любой деятельности — экономической, политической, культурной. В таком контексте в России среднего класса скорее нет.

Об элите в последние годы тоже говорят очень часто. И это естественно, поскольку общество без элиты немыслимо. Элита — это не только социологическая совокупность, но и определенная социальная категория, которая ассоциируется всегда с той или иной концепцией, социальным проектом и т. д. А в России?

Советская элита на протяжении семидесяти лет выражала вполне конкретную идеологию, мутация которой сопровождалась обычно физическим или политическим устранением определенной части элиты. Затем, как известно, в стране появился достаточно устойчивый слой контрэлиты: диссидентское сообщество как среда общения. Эта группа не несла в себе явно негативистского в политическом смысле слова импульса, она просто реинтерпретировала происходящее. В конце 80-х — начале 90-х годов возникает принципиально другая ситуация: происходит соединение власти и мыслящей части общества, в результате чего рефлексивная элита утрачивает свои черты, как бы растворяясь в функциональной элите. В обществе исчезает самостоятельное, независимое от власти политическое мышление. Подавляющая часть политической элиты мыслит в это время в терминах власти, даже если она

фактически с ней не связана. Это очень интересная мутация, которая помогает понять многое из того, что мы пережили в девяностые годы, после крушения Советского Союза.

Задача элиты — переосмысление истории, чтобы впредь не наталкиваться на крайугольные камни преткновения

Начиная же с 2000 года сама власть берет на себя функции и функциональной, и рефлексивной элиты. Она самодостаточна в отношении осмысления происходящего в обществе, так как рефлексивная элита не успевает сложиться, и мы находимся сейчас на достаточно опасной развилке, от которой можно двинуться несколькими путями. Один путь мы проходили в имперской России, когда рефлексивная элита постепенно выковала из себя то, что называется русской интеллигенцией, язык которой был принципиально несовместимым с языком власти. Это была игра с нулевой суммой. Второй путь связан с правлением Ельцина, когда элита, как я сказал, утратила собственные черты и превратилась в службу власти. Сейчас возможен третий путь, который, на мой взгляд, только и способен дать обществу некий стабилизатор, когда рефлексивная элита, мыслящая не на языке власти и независимая от нее, тем не менее способна конвертировать свое знание о происходящем в формулы, понятные власти, а власть может адаптировать их к реальным политическим проектам.

Таким образом, мы оказываемся сегодня со всеми названными понятиями в ситуации Алисы в Стране Чудес, когда она была вынуждена участвовать в игре в королевский крокет. Подобно Алисе, мы все еще думаем, что ворота стоят на одном месте и молотки нам послушны, что шары по законам физики после удара движутся туда, куда мы хотим, если правильно ударим. Но крокет ведь королевский... Как вести себя в этой ситуации? Я думаю, надо просто принять ее

как данность. То есть понять, что мы действительно играем не в обычный крокет, а в королевский. Это не особенность России 90-х — начала 2000-х годов, а общее правило развития всех обществ в переходные периоды. И, следовательно, необходимо адекватно относиться к игре, в которую мы играем, понять ее правила и сделать из этого определенные выводы.

Надо реально оценить все то, что нам осталось от советского периода и в смысле культурной парадигмы, и в смысле институтов. Хотим мы того или нет, но мы зависим от них. Поэтому нужна серьезная переоценка прошлого. В первую очередь это относится к понятию демократии. Это не некий идеал, а конкретная модель, позволяющая использовать как преимущества, так и недостатки социальной композиции нашего сегодняшнего общества. Например, мы часто жалуемся на то, что Москва — это некий «нарост» на России, что здесь непропорционально много богатых, а Россия, особенно сельская, остается бедной, даже нищей. Разумеется, это плохо, но не стоит забывать, что именно эта уродливая композиция во многом спасала Россию от потрясений в конце 80-х, в 90-х и в начале 2000-х годов. Современная Москва, если угодно, — это Париж XIX века, когда он был беднее французской провинции; в нем жили тогда наиболее обездоленные слои общества, и Париж производил революции, в которых вынуждена была участвовать и провинция. С Москвой все наоборот, она служила стабилизатором. Но из этого вовсе не следует, что она будет оставаться таковым в предстоящие годы: средний класс, который сверхпропорционально сосредоточен в столице, в политическом центре власти, может оказаться недостаточно надежной опорой. Ведь бунтовать, по закону Токвиля, начинают не тогда, когда жить невозможно, а тогда, когда кажется, что живешь хуже, чем заслуживаешь.

Переоценки требует и гражданское общество. Сейчас по его поводу существуют две сформировавшиеся позиции. Первая — видение гражданского общества как альтернативы государству. И вторая: поскольку в

России, как писал Пушкин, единственный европеец — это власть, поэтому надо сотрудничать с верховной властью, даже если она этого не хочет, и с ее помощью создавать гражданское общество. На мой взгляд, и тот и другой путь ведет в тупик. Более разумно иметь дело не с воображаемой, а с реальной властью во всех ее проявлениях, взаимодействуя с ней и реализуя конкретные проекты. А это невозможно без становления элиты в том смысле, в котором я использовал этот термин, говоря, что ее задача — переосмысление истории, чтобы впредь не наталкиваться на краеугольные камни преткновения.

То, что произошло с Россией в 1917 году и в 1991-м, требует объяснения, и это задача не для школьников, а для всего общества. Без появления некоего относительно непротиворечивого, устраивающего сердцевину общества объяснения истории оно лишится очень важного стабилизатора.

Для этого необходимо учитывать в том числе и культуру самоутверждения, обертонами которой является рост национализма, скинхеды, русский фашизм. Это тоже реальность. Это обертоны самоутверждения, самопознания и, если угодно, самосозидания России как некоего культурного сообщества. Никакая идеология и практика гражданской нации без этого субстрата не могут существовать. Лозунги «Обогащайтесь!» или «Будьте гражданами!» сегодня едва ли кого-то вдохновляют. Как писал Диккенс, «враг рода человеческого в облике льва рыкающего соблазнит разве что любителя сафари».

Эпоха, когда были актуальны призывы перестать разбрасывать камни и начать их собирать, уже в прошлом. Сейчас мы вступили в принципиально другой период, когда важна, по-настоящему значима, созвучна отдельному и коллективному человеческому усилию парадигма отличия краеугольных камней созидания от камней преткновения. Надо выработать технологии, которые позволили бы обходить камни преткновения и в правильном порядке укладывать краеугольные камни созидания.

Политическая коммуникация и модели публичной сферы

Политическая коммуникация включает в себя производство, передачу, восприятие и истолкование информации участниками политического процесса и зависит во многом от той среды, которую можно назвать публичной сферой.

Какая публичная сфера нужна демократическому обществу? И в какой мере то, что мы имеем сегодня в России, отвечает потребностям нашего демократического развития? Прежде чем отвечать на эти вопросы, обратимся вначале к классической либеральной модели публичной сферы, поскольку общественное мнение, в отличие от личного, обладало в либеральной теории явно особым статусом. И при этом, на что я хотела бы обратить внимание, например, в первом издании Энциклопедии Дидро и Даламбера понятие «мнение» было противопоставлено сначала понятию «знание», причем с негативной ценностной коннотацией. А в новом ее издании, которое вышло спустя месяц с небольшим, к слову «мнение» прибавилось определение «общественное» и коннотация строго поменялась. Общественное мнение стало рассматриваться как некий результат коллективного обсуждения, критики, аргументации и обрело совсем другие ценностные характеристики, нежели мнение отдельно взятого человека.

Таким образом, классическая модель исходит из того, что общество состоит из индивидов, обладающих способностью аргументировать свое мнение, понимать друг друга, благодаря чему и возникает публичная сфера, где рождается общественное мнение.

Публичная сфера — это собрание частных лиц, обсуждающих друг с другом и с властью вопросы, связанные с управлением государством, нарождающимся гражданским обществом и т.д., как в дискуссионном клубе, по модели которого создавались самые важные институты демократии, такие как парламент и суд. По существу они тоже представляют собой дискуссионные клубы, где оппоненты стремятся обосновать свои позиции, апеллируя к разуму и к неким универсальным принципам, создавая тем самым общественное мнение, которое обладает позитивной ценностной нагрузкой.

Такая модель может существовать лишь при наличии ряда условий. Во-первых, при относительной автономии публичной и частной сфер. Во-вторых, для этого нужна концентрация публичной власти в руках государства. В-треть-

Ольга Малинова,
научный сотрудник
Института научной
информации по общественным
наукам РАН

их, требуется развитие представительных институтов, в которых сработает общественное мнение. А также эта модель предполагает существование площадок, где возможно непосредственное общение (салонов, клубов, кофеен и т.п.). Теоретически они открыты для всех, хотя на практике их посещает только часть населения, наиболее образованная, располагающая досугом. Но при этом, что весьма важно, остальные тоже считаются потенциальными участниками дискуссии, потому что и они являются носителями здравого смысла.

К сожалению (или к счастью), с конца XIX века происходит существенная структурная трансформация этой сферы. Во-первых, в результате социальной борьбы и расширения избирательного права в политику приходят массы, что коренным образом меняет ее облик. Во-вторых, в XX веке появляется социальное государство и меняется конфигурация границ частного и публичного пространства. Складывается политизированная социальная сфера, в которой уже не индивиды, а организованные группы ведут борьбу за свои интересы и соответствующие ресурсы. То есть прежние формы выражения общественного мнения начинают либо исчезать, либо переживают трансформацию. Наиболее наглядно это видно на примере средств массовой информации, которые превращаются в крупные коммерческие предприятия, приспособившиеся к законам рынка. Например, целью телевизионного ток-шоу становится в этой связи не выражение критической позиции, а поддержание рейтинга программы. Иными словами, развитие, прежде всего аудиовизуальных, СМИ порождает псевдопубличную сферу, в которой политическая коммуникация представляет собой потребление культурного продукта без критического обсуждения. И наш политический выбор все чаще начинает опираться на вкусы и эмоции, а отнюдь не на рефлексивные суждения. Скажем, для избирателей во время выборов становится более важным, как политик выглядит на экране и как он говорит, а не то, что он говорит и какова его программа.

Не могу не сослаться в этой связи на Юргена Хабермаса, который в своей книге «Структурная трансформация публичной сферы» подчеркивает, что публичное пространство во второй половине XX века перестало быть пространством критики, так как превратилось в пространство манипуляции. Когда легитимация власти обретается не столько за счет усилий по доказыванию чего-либо, сколько через массовое распространение лояльности среди пассивных граждан. Разумеется, эти изменения носят вполне объективный характер, но мы получаем в результате совсем другое публичное пространство, которое я назвала бы в отличие от первого — *качественного* — *количественным*. Хотя перед нами фактически те же индивиды, у которых, конечно же, есть свои мнения. Для подобной манипуляции существует целая система посредников — средства массовой информации, партии, другие организации. При этом общественное мнение сохраняет свое значение. Его можно измерять с помощью социологических опросов и другими способами, но по сути это мнение *отдельно взятого человека*, которому энциклопедисты не случайно давали заниженную ценностную оценку, противопоставляя знанию. Это не *качественное* мнение, которое является результатом коллективного обсуждения, аргументации, критики, проговаривания и т.д. Возникает вопрос: способна ли такая публичная сфера обеспечить содержательную коммуникацию?

Очевидно, что с медиатизацией политики формирование мнений посредством личного участия осталось в прошлом. Доступ к публичной сфере не связан сегодня с физическим присутствием, и это коренным образом меняет характер публичной коммуникации. Мы получаем возможность увидеть более широкий спектр событий; голубой экран практически мгновенно переносит нас из одной

точки планеты в другую, и мы сопереживаем тому, что происходит. Круг участников коммуникации расширяется необычайно, аудитория приобретает поистине глобальный характер, что и создает невиданные раньше возможности для манипуляции, которые, впрочем, я бы не стала переоценивать. Ведь восприятие носит избирательный характер и трудно влиять на то, как будет воспринята та или иная информация. Процесс ее усвоения в любом случае индивидуален, вписан в определенные культурные контексты. И тем не менее в условиях количественной публичной сферы общество распадается.

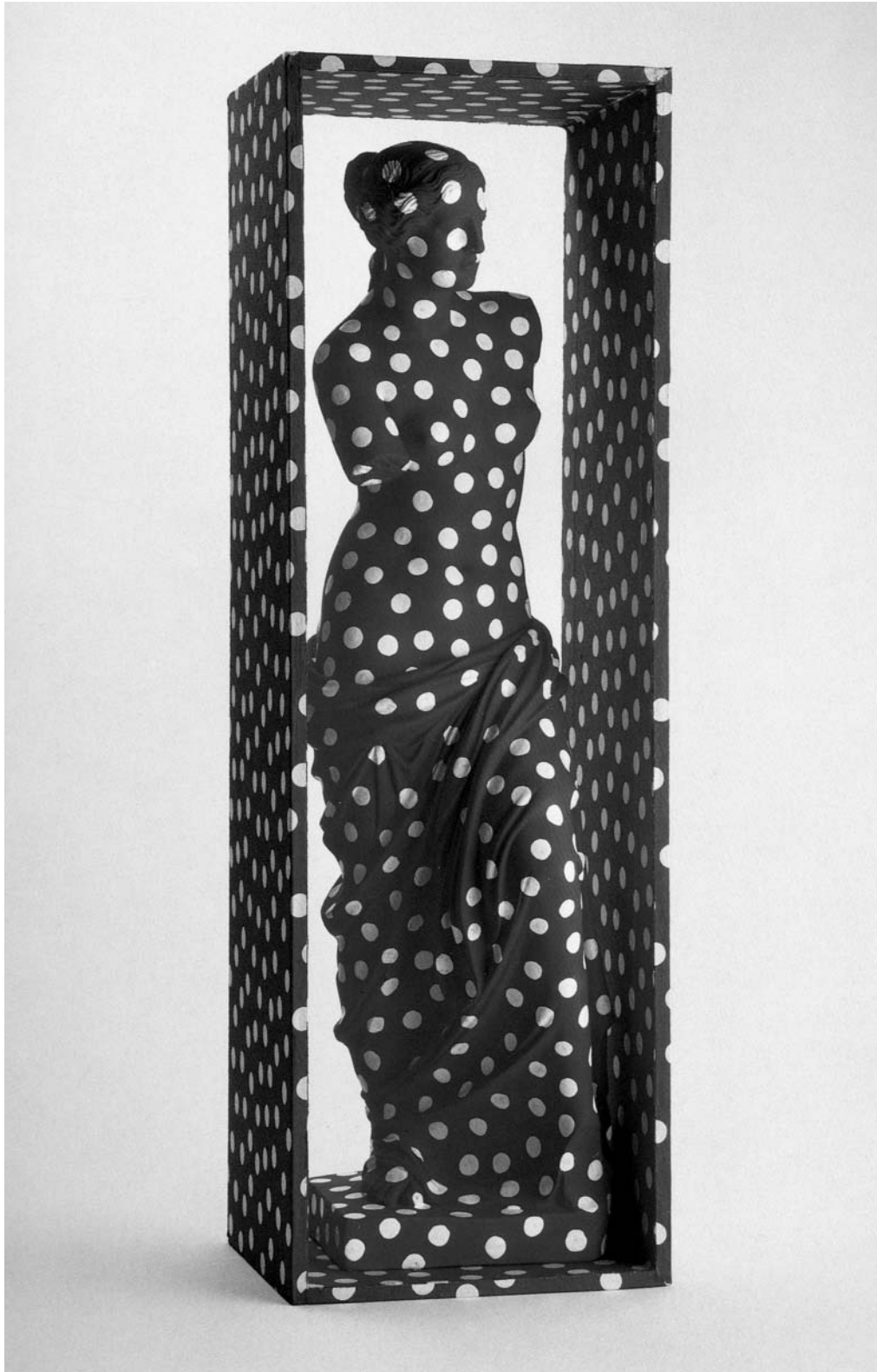
Но действительно ли эта трансформация необратима и мы бессильны повлиять на этот процесс? Возможно, мы оперируем неправильными моделями? Может быть, для описания современного публичного пространства нужны совсем другие принципы, другие модели демократии, другие нормативные представления о том, какой должна быть публичная сфера?

Существующие теории демократии ориентируют нас на разные принципы функционирования публичной сферы, поскольку демократический идеал неоднозначен. Скажем, если демократия, как считают многие, — это власть, которая ответственна перед народом и действует в его интересах, то главными ее качествами оказываются представительность, компетентность и прозрачность. Но возможен и другой подход: демократия — это власть самого народа. В таком случае мы будем ценить не только и не столько ответственность, сколько участие, и у нас появляются другие критерии и требования в отношении публичной сферы. Потому что существуют разные модели демократии.

Во-первых, *представительная* модель. Ее сторонники подходят реалистически к ситуации массового общества и количественного общественного мнения, полагая, что хотя власть принадлежит гражданам, но осуществлять ее должны тем не менее профессиональные политики. Так как рядовые граждане либо плохо информированы, либо не проявляют серьезного интереса к политике, то есть не компетентны. Поэтому их главной функцией является выбор достойных представителей. Нормативным критерием политической коммуникации является в данном случае прозрачность, то есть предоставление полной информации о партиях, кандидатах, принимаемых решениях и т.д. Другой критерий — пропорциональность. Голос тех или иных политиков и партий должен звучать в средствах массовой информации пропорционально тому, как их поддерживают избиратели. И еще одним существенным компонентом этой модели является тезис о важности экспертного мнения. Поскольку политика — удел профессионалов, на них должны работать компетентные и беспристрастные специалисты.

Вместе с тем (так как участники коммуникации — профессионалы, а сама коммуникация — это свободный рынок идей) на этом рынке по законам конкуренции и благодаря критерию пропорциональности можно вполне легитимно исключать сюжеты, представляющие точку зрения меньшинства. То есть эта модель предъявляет жесткие требования к стилю обсуждения. Главным здесь является принцип цивилизованности: ваш оппонент имеет право на другую точку зрения, дискуссия должна быть предельно рациональной. Всякое прояв-

*За годы реформ заметно снизился
социальный статус интеллигенции,
которая является главным производителем
критического политического дискурса*

Йайои Кусама. Скопление точек (самостираание). 1998

ление эмоций не только не приветствуется, но считается дурным тоном. Политическая коммуникация, согласно этой модели, необходима для принятия правильного решения. Когда решение принято, вопрос закрывается.

Альтернатива представительной модели — *демократия участия*. Здесь во главу угла ставится максимальное участие граждан в принятии важных для них решений. Ее сторонники полагают, что, вступая в политический процесс, мы еще не знаем, каковы наши интересы, лишь участие в их обсуждении помогает нам понять, в чем они заключаются. А иначе мы останемся объектом для манипуляции. Понятно, что всеобщее участие — это идеал, который вряд ли будет реализован, но сама приверженность идеалу диктует и в данном случае определенные нормативные критерии политической коммуникации. Важно, чтобы говорили не только профессиональные политики и эксперты. Цель публичного дискурса не в принятии правильного решения, а в свободном обсуждении проблем, когда допустимо проявление чувств и эмоций. Поскольку главное — вовлечь людей в процесс, здесь характерно скептическое отношение к идее консенсуса.

Вариант на ту же тему — модель демократии обсуждения, или *делиберативная демократия*. Эта модель тоже предполагает широкое участие граждан в дискуссиях, но при этом большее значение придается аргументам и убедительности обсуждаемых идей, а не тем, кто их высказывает. Когда мы находимся за столом переговоров, желательно забыть, кто из нас какой властью обладает, и рассматривать себя как равных оппонентов, искренне стремящихся к диалогу, чтобы понять друг друга. Достижение консенсуса в этом случае рассматривается как благо, хотя и признается, что полный консенсус невозможен, и поэтому надо учиться жить в условиях неполного согласия.

И еще одна модель, пришедшая в политическую теорию из феминизма, — *коммуникативная*. Эта модель предполагает конструируемый характер политического процесса. В частности, подчеркивается, что само разделение на публичную и частную сферы в данном случае конструируется в контексте определенной культуры, прежде всего в контексте определенного стиля гендерных отношений. А это значит, что повседневная жизнь — то, что на самом деле важно для людей, — из политической сферы исключается. Для этой модели характерно полное неприятие идеи профессиональной экспертизы, потому что каждый из нас является экспертом в том, что касается его уникального жизненного опыта. Подчеркивается важность разных точек зрения именно потому, что важен индивидуальный опыт идентичности. Отсюда и требования к стилю обсуждения: его нормы не должны сковывать людей в публичном пространстве, поскольку они привыкли разговаривать на своем языке, пользоваться другими способами выражения, и, возможно, не умеют вести аргументированный диалог, не обладая профессиональным образованием. Но это не значит, что они не обладают правом на собственную точку зрения! В качестве дополнения к аргументированному диалогу предлагается такое средство коммуникации, как повествование. Каждый человек может рассказать о своем жизненном опыте, и это рассматривается как важная форма коммуникации. Правда у этой модели есть одно существенное «но»: как только мы начинаем умножать языки, мы получаем ситуацию, когда единое публичное пространство оказывается невозможным.

Таким образом, в нашем распоряжении весьма богатый «репертуар» демократических моделей, которые существенно различаются с точки зрения стандартов коммуникации в публичной сфере. И в зависимости от того, что мы ценим больше, мы можем по-разному относиться к тому, что имеем. Здесь и вста-

ет тот вопрос, который был задан вначале: как оценить то, что происходит с нами, с постсоветским обществом, с Россией? Как оценить состояние нашей политической коммуникации?

Совершенно очевидно, что мы находимся в достаточно уникальной ситуации. У нас публичная сфера только нарождается. В советское время, если она и существовала, то очень сильно отличалась от той, которая сложилась в Европе. В сегодняшней России, по словам Ингрида Освальда и Виктора Воронкова, сформировалась особая публично-частная сфера, появившаяся на границе личной жизни и противостоявшей ей официальной публичной сферы. Поскольку еще недавно действовали параллельные миры, каждый жил со своими правилами. Когда мы знали, что можно говорить среди людей, которым мы доверяли, так как они были нашими единомышленниками, и как нужно себя вести в сфере официальной. Узкая публично-частная сфера играла тогда важную роль, но она была очень специфической: граница, отделявшая ее от официальной публичной сферы, была практически непроницаемой. Поэтому вполне естественно, что и в новых социальных условиях наша публичная сфера тяготеет к фрагментации. Не говоря уже о том, что в советское время у нас была разрушена традиция критической политической мысли, и в условиях развивающейся демократии последствия медиатизации политики сказываются гораздо резче, чем в старых демократиях. А с другой стороны, за годы реформ заметно снизился социальный статус интеллигенции, которая является главным производителем критического политического дискурса. И соответственно те институты, которые должны выполнять эту функцию (в частности, политические партии), в силу особенностей нашего конституционного дизайна и медийного пространства поставлены в условия, когда ничто не стимулирует их к артикуляции внятных политических альтернатив.

Ну и наконец, сама структура наших сегодняшних политических институтов такова, что даже открытая дискуссия не является для них основанием для принятия взвешенных решений. Поскольку те площадки, на которых такие дискуссии проводились, сейчас «схлопываются». И мы получаем ситуацию, когда условия для формирования эффективной публичной сферы скорее отсутствуют, нежели присутствуют. Хотя «точки роста» для качественного общественного мнения все же существуют, но существуют они во фрагментированном пространстве множества коммуникативных площадок, значительная часть которых по-прежнему остается в рамках узкой публично-частной сферы. Поэтому в этой ситуации мы можем и обязаны (только делать это надо целенаправленно) налаживать мосты между разными коммуникативными площадками. Не забывая одновременно о том, что их строительство в рамках гражданского общества — преодоление лишь части пути. Гораздо более сложной задачей является вовлечение в диалог не только партнеров по гражданскому обществу, но и власти. И к этому нужно тоже стремиться. Ибо если нельзя сделать все, это не значит, что нельзя сделать ничего. Когда наши политические институты не могут взять на себя функцию артикуляции ясных целей и принципов, существующие организации гражданского общества, на мой взгляд, могут выполнить эту функцию, занимаясь гражданским образованием и просвещением.

О культуре толерантности в России

Есть ли в России культура толерантности? Попробуем сначала разобраться, что такое толерантность, каковы ее границы и условия существования. Если посмотреть российские словари, то там толерантность и терпимость никак не различаются. А вот в словаре Вебстера толерантность — это симпатия или великодушное отношение к верованиям и деятельности, отличающимся от наших или противоречащим им. Если же мы говорим о терпимости, то, по Далю, это то, что терпят только из милосердия и снисхождения. Итак, толерантность в ее самом максималистском смысле — это даже не черта характера человека, а активная позиция, нацеленная на понимание другой стороны, на диалог, на компромисс.

Есть четыре основных подхода к толерантности: как безразличие, как сосуществование при невозможности взаимопонимания, как снисхождение и как расширение собственного опыта. Четвертая, высшая ступень чрезвычайно труднодостижима. Есть ли предел толерантности? Вряд ли можно говорить о толерантности к насилию, злу, проявлениям различного рода нетерпимости и т.д. Толерантность и терпимость, с одной стороны, беспринципность, безразличие и равнодушие, с другой, — это абсолютно разные категории. Толерантность не должна нарушать права других, поэтому возникает существенный вопрос — допустима ли толерантность к нетолерантности? Можно ли быть толерантным к агрессии, если ей противится все наше существо. Для каждого человека, для каждого социума, для каждой страны есть зоны, где толерантность не допускается.

В связи с определением толерантности интересно прибегнуть к биологической аналогии. Нормальная биологическая толерантность — это отсутствие болезненной иммунной реакции, аллергии, способность адекватно реагировать на стрессы, на лекарства, на внешние раздражители. У некоторых людей бывает очень болезненная реакция на все вредоносное, что попадает извне, их иммунная система очень жестко реагирует, порождая аллергии и т.д. Другая крайность — полное отсутствие реакции иммунной системы на инфекционную атаку, это уже синдром иммунодефицита, СПИД, и он чрезвычайно опасен.

В истории человечества нетерпимость присутствовала всегда. Профессиональное проявление толерантности — это дипломатия. Квалифицированный дипломат обязательно должен быть толерантен, иначе он ни о чем не договорится ни с кем. А проявление нетолерантности — это война. Нето-

Вячеслав Бахмин,
менеджер Швейцарской
программы по правам человека

Брюс Науман. Круг из рук. 1996

лерантность — это нормальная реакция, свойственная биологической природе человека, особенно когда культура не сильно развита, и племя уязвимо, а потому должно ограждать себя от всего чуждого. И если мы сейчас приходим к выводу, что с ксенофобией надо бороться, то это результат длительного процесса развития человека, как существа культурного, образованного, общественного, а не просто принадлежащего природе.

В XVII веке впервые появились идеи необходимости сосуществования людей с разными мнениями, и начался процесс, очень важный этап которого наступил после Второй мировой войны. Мировое сообщество ужаснулось тому, к чему может привести расизм, дискриминация, нетолерантность. Тогда появились Организация Объединенных Наций, Декларация прав человека, и было осознано, что толерантность — это инструмент, препятствующий самоуничтожению человечества. Но на уровне челове-

ческой природы мало что изменилось. Трагедии Шекспира, которые мы до сих пор с удовольствием читаем, показывают, что человеческие страсти и эмоции остались теми же, но общественная мораль и право изменились, и поэтому агрессия и нетерпимость стали в обществе осуждаться. Насилие, пытки, войны стали нетерпимыми.

Мир стал глобален, взаимозависим; ты уже не можешь просто так вооружиться и объявить войну соседу, угрожая лишить его жизни. Появились новые средства коммуникации, и мы уже знаем обо всем, что происходит в мире. Мир живет в некоей неопределенности, связанной с его чрезвычайным многообразием, никто не может обладать монополией на истину, каждый может ошибаться. И в этом мире надо уметь согласовывать интересы, иначе вы просто не сможете жить. Без диалога невозможно найти адекватные решения. Конечно, сама толерантность принимает разные облики в различных странах и контекстах. Нет еди-

ной модели толерантности для всех, она обусловлена историческими, культурными, национальными традициями и нравами.

Толерантности мешают стать нормой поведения многие факторы. Социально-экономическая неустроенность, массовая миграция людей — это болезнь всего мира. Даже в странах Западной Европы, которые изначально были очень открыты к иммиграции, возникли проблемы. Зачастую мигранты приезжают со своими порядками и пытаются законсервировать их не только в своем сообществе, но и распространить на принимающее государство. Тогда возникает противоречие между толерантностью и свободой; между мультикультурализмом, который приветствуется в нормальном мире, и демократическим устройством государства, которое подвергается испытанию.

Нетерпимость — это часть идеологии несвободного общества. Мы знаем, что демократические общества вынуждены быть терпимыми именно потому, что согласование различных интересов составляет фундамент демократического общества. Нетерпимость — это манифестация комплекса неполноценности. Если человек терпим, он чувствует себя уверенно. Это значит, он силен морально и готов спокойно воспринимать мнения других, а не вставать в агрессивную защитную позицию. Иногда говорят, что бедность, социальная неудовлетворенность ведут к нетерпимости, но это скорее попытка найти ей оправдание. С другой стороны, в тяжелые для государства времена мобилизовать нацию помогает образ врага, внутреннего или внешнего. В этом смысле бедность может стать фактором нетолерантности, которая провоцируется государством, чтобы удержать контроль над страной.

Толерантность — одна из составляющих западной культуры, которая уже настолько глубоко укоренилась, что стала органичной частью воспитания западного человека, вынужденного жить в условиях, когда приходится находить решения в конфликтных ситуациях и уметь договариваться.

А что в России? Нетолерантность вообще — это большевизм, но ведь не все в советском наследии плохо. Одним из достижений социализма была межэтническая толерантность. Она была основана на идее интерна-

ционализма, которую культивировал коммунизм, потому что стремился к мировому господству.

В остальном же царила крайняя нетерпимость: политическая, идеологическая, научная, культурная. Пренебрежение правами личности — это уже общее место. Мы прекрасно знаем, что при социализме личность мало что значила, Преступления против личности были в Уголовном кодексе второстепенны по сравнению с преступлениями против государства. Сыграли свою роль также люмпенизация населения и лагерная субкультура, которая была чрезвычайно нетерпимой.

Диссиденты тогда критиковали Запад за переговоры с Советским Союзом, считая, что демократия проявляет слабость, тогда как советское государство понимает только язык силы, а если оно и ведет переговоры, то всегда может обмануть, так как иные ценности, кроме тоталитарных и имперских, никогда не были среди его приоритетов.

Сегодня проблем не стало меньше. Во-первых, отсутствует какой-либо идеологический стержень. Люди не знают, во что верить, углубилось социальное неравенство, региональные диспропорции, обострились проблемы, связанные с миграционными процессами. Все вместе это создает почву для разного рода фобий. Нетерпимость сохраняется внутри власти, которая демонстрирует примеры нетолерантности и язык вражды, а толерантность и личные права человека не стали нормой.

Тем не менее процесс формирования культуры толерантности пусть и вяло, но идет, не без участия гражданского общества, власти и бизнеса, хотя толерантность не стала частью культуры, а потому ее ростки весьма неустойчивы и уязвимы.

Нужно время, терпение и совместные усилия, чтобы их укоренить. При всех отрицательных факторах все могло быть гораздо хуже. Даже в безнадежных ситуациях надо пытаться что-то делать. Вспоминая популярный диссидентский тост: «За успех нашего безнадежного дела!», призываю к совместным усилиям, чтобы толерантность, диалог и компромисс, уважение к мыслящим, чувствующим, верующим иначе, чем мы, стало всеобщей нормой.

Сергей Бурков,
директор департамента внут-
реннего аудита ТНК

Бизнес и власть

Три момента, на мой взгляд, определяют взаимоотношения власти и бизнеса.

Первый — это трансформация собственности. Как она происходит? Путем внеэкономического перераспределения и институциональной коррупции или благодаря созданию гражданского общества, когда политическая власть ограничена правами собственности? Второй момент — государство и бизнес. Какое государство? Ласково грабящее или эффективно взаимодействующее с бизнесом? Можем ли мы говорить о социальной ответственности бизнеса, о частно-государственном партнерстве? И, наконец, третий момент — разграничение управления собственностью и самой собственности как таковой.

Прежде чем перейти к их рассмотрению, зададимся вопросом: что мы реально построили? С формальной точки зрения, у нас есть все признаки рынка. Частная собственность есть? Есть. Конкуренция? Есть. Законодательство, регламентирующее хозяйственную деятельность? Есть. Но если мы спросим себя, чувствуем ли мы, что живем действительно в конкурентной, эффективной рыночной экономике, я думаю, большинство ответит: «нет, не чувствуем». И то же самое относится к признакам демократии, институты которой формально существуют, но, мягко говоря, не работают. Как профессиональный экономист я убежден, что именно экономика во многом определяет происходящее в общественной жизни. А общественная жизнь влияет на развитие экономики.

Напомню в этой связи слова Шекспира из «Макбета» о том, что дурно начатое крепчает злом. Все, что сейчас происходит, во многом, конечно, является последствием решений, принятых в середине девяностых годов. Ведь если бы мы имели в то время действительно контролируруемую систему перераспределения собственности, то, например, не было бы залоговых аукционов. Но как развивались события, когда решалась их судьба? Большинство в Думе (включая депутатов, избранных по одномандатным округам, то есть она была по-настоящему представительной) настаивало на принятии законов, регламентирующих приватизацию крупнейших стратегических объектов, на том, чтобы сделки проводились через парламент. Это был пер-

вый случай, когда Госдума сразу в трех чтениях проголосовала за то, чтобы приватизация происходила по закону, а не по указам президента (что, кстати, противоречило Конституции). Думу поддержал и Совет Федерации. И тем не менее накануне выборов 1995 года власть отдала свои активы практически без конкурса, нарушив тем самым важнейшие положения рыночной экономики. Со 2 ноября по 28 декабря 1995 года прошло пятнадцать аукционов, на которых крупнейшие предприятия были проданы за бесценок. Фундаментальные по-

ложения рыночной экономики о равном доступе к продаваемому ресурсу и равных условиях при определении цены оказались проигнорированы.

Каждый собственник прекрасно понимает, что полученная за бесценок собственность, в обход конкурентов, — всегда риск. Что фактически мы и наблюдаем сегодня, когда смена политической власти и изменившиеся правила игры ставят под сомнение такое ее приобретение. В результате из страны вывозятся капиталы, поскольку собственник, естественно, стремится в этой ситуации сохранить свою собственность и не думает о том, например, чтобы обновлять основные фонды.

Я согласен с теми, кто считает, что рынок — это не свободное ценообразование. Рынок — это когда доход идет на увеличение стоимости, на инвестиции, то есть когда происходит прирост стоимости как частных активов, так и национального богатства в целом. А у нас? Народ недоволен олигархами, потому что не может простить им приватизацию и смириться с тем, что в стране за несколько лет появились мультимиллиардеры. Такого в нормальной экономике не бывает. Но народ относится отрицательно и к попыткам силовиков перераспределить собственность. Потому что ни те, ни другие реально не заботятся о росте его благосостояния, о качестве жизни. Мне вспоминается в этой связи замечание лауреата Нобелевской премии Джо Стиглица, бывшего главного экономиста Всемирного банка: в России, по его словам, возникла немыслимая с точки зрения классической теории ситуация, когда уменьшение валового внутреннего продукта привело к увеличению коэффициента Джинни, или, иначе говоря, к увеличению расслоения в обществе. Такую ситуацию никак нельзя назвать созданием конкурентных рыночных условий.

Возникает вопрос: что можно и нужно предпринять для реальной защиты частной собственности? Мы давно говорим, что пора на каких-то условиях объявить амнистию, подвести черту. Согласиться с тем, что есть, и начать жить по правилам, опираясь на общественное согласие относительно тех прав собственности, которые фактически уже сложились, и отдавая отчет в том, что именно собственность способна ограничивать политическое давление на общество. При этом идет речь, конечно, не о десятке крупных бизнесменов, а о миллионах мелких и средних производителей.

Не так давно Счетная палата объявила о проведенном анализе итогов приватизации. В Москву приглашали крупнейших экономистов; Джо Стиглиц и другие западные эксперты обсуждали проблему легитимизации собственнос-

Практически наши деньги сегодня не работают. У государства нет политики, связанной с перетоком дополнительных доходов

ти. Предлагались достаточно здравые идеи, начиная с разового налога и кончая компенсацией недополученных доходов, причем это должно касаться всего бизнеса. Если общество считает, что нужен, допустим, разовый налог, — необходимо решить, куда пойдут эти деньги. Если в создаваемый фонд,

который выпустит облигации и бесплатно распределит их среди населения, то ими можно будет оплачивать образование, здравоохранение и т.д. Но для этого нужно обеспечить прозрачность бизнеса и повышение

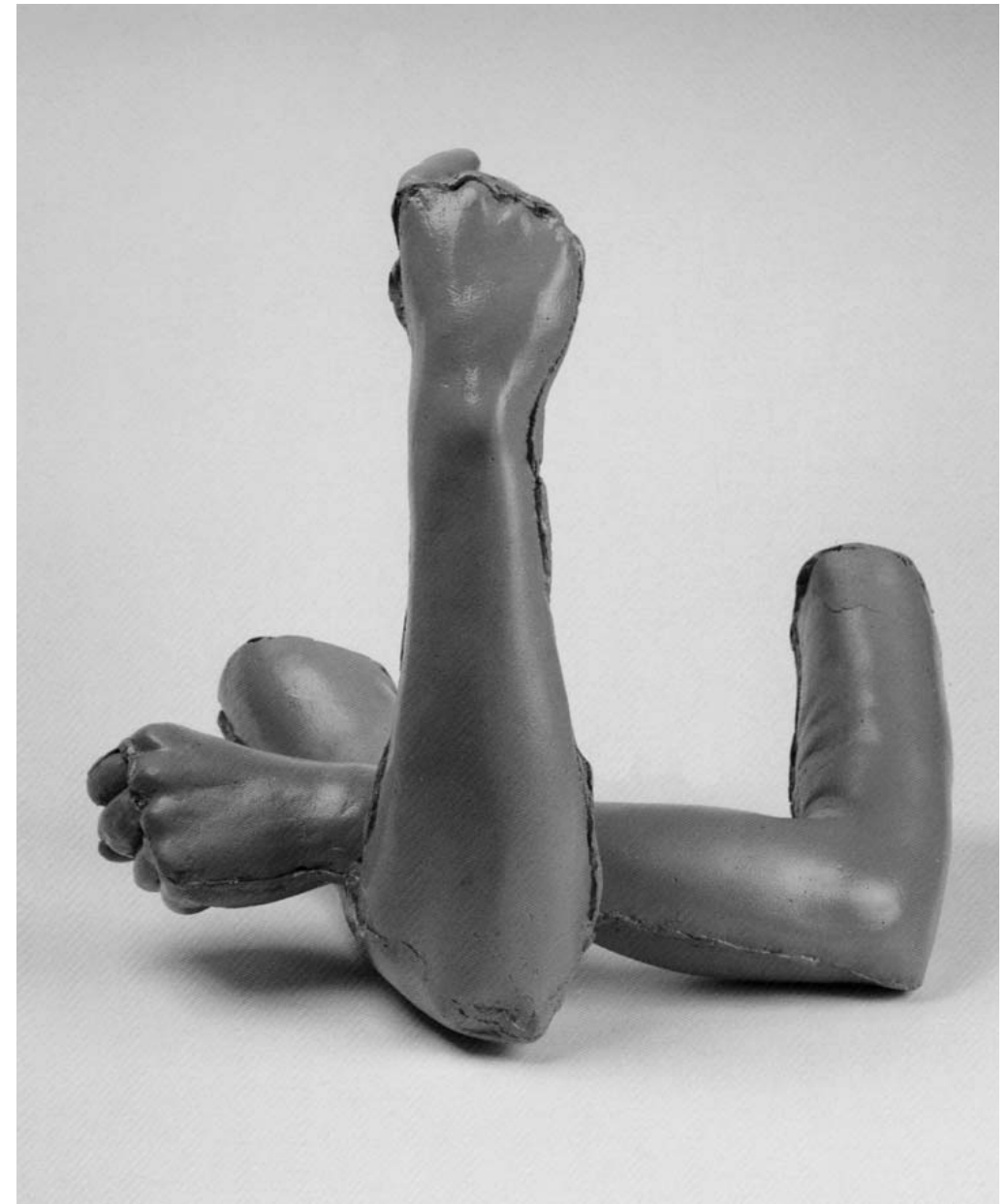
Со времен Адама Смита задача государства состоит в том, чтобы способствовать общественному благу

собираемости налогов, поскольку от них зависят, в первую очередь, реальные доходы государства и гражданина. Тут неприемлемы разовые меры по отношению к отдельным компаниям и к отдельным представителям бизнес-сообщества.

Судя по всему, власть выбрала иной путь, что отнюдь не прибавило доверия к России. Хотя, как это ни парадоксально, инвестиции в страну все-таки идут. Почему и куда? Это еще один ключевой вопрос с точки зрения того, какую экономику мы построили. Инвестиции идут в сырьевую отрасль. Ситуация в Ираке сегодня работает на Россию. Но это ли нам нужно? Как мы расходует доходы, получаемые от инвестиций, от скачкообразного роста цен на энергоносители? Есть ли у нашего правительства реальная государственная политика? Мы не создали, например как в Норвегии, нефтяной фонд, который, будучи передан под управление национального банка, работает на рынке инвестиций, что создает условия для промышленного роста в стране. Мы не создали схему, подобную той, что существовала на Аляске, когда каждый житель получал ежегодно определенную сумму денег. Мы не создали пока ничего. Практически наши деньги сегодня не работают. У государства нет политики, связанной с перетоком дополнительных доходов. Я уже не говорю об инвестициях в обрабатывающие отрасли, которые создают максимальную добавленную стоимость и максимальный доход для государства, — этим тоже никто не занимается.

Что такое социальная ответственность, социальное партнерство? Отрадно видеть, когда крупные и не очень крупные российские компании помогают развитию регионов, направляя часть своих доходов на решение социальных проблем, на благотворительность. Но ведь это не инвестиции. Это всего лишь разовая помощь. А частно-государственное партнерство? Многие востребованные обществом отрасли явно находятся сегодня на грани вымирания. Потому что ни один государственный чиновник фактически ни за что ни перед кем не отвечает.

Между тем еще со времен Адама Смита задача государства состоит в том, чтобы способствовать общественному благу. Куда должно, исходя из этой задачи, оно прежде всего вкладывать свои средства, чтобы в числе прочего поддерживать и эффективный бизнес? В образование, хотя это не дает, разумеется, быстрой отдачи. Однако известно, что социальная эффективность таких вложений, говоря в терминах экономики, выше, чем финансовая отдача, так как тем самым создается основа для развития бизнеса и, соответственно, увеличения

Сафа Лукас. На, получи. 1994–1995

его доходности, а значит, и пополнения бюджета. А что происходит у нас? Министр образования заявляет, что нужно готовиться к переходу в основном на платное частное образование. Но кто обеспечит такое образование? Что это даст с точки зрения, например, повышения квалификации рабочей силы? Учитывая, что образование неадекватно тому спросу, который существует на рынке, не соответствует требованию эффективного развития экономики. Мне импонирует модель, которая применяется сегодня в Великобритании. Там бюджетные средства могут быть израсходованы через частные структуры для удовлетворения общественных нужд. А мы обсуждаем, больше или меньше

нужно налогов, каким должен быть бюджет. Тогда как проблема в том, куда инвестировать уже имеющиеся средства и как обеспечить общественный контроль над инвестициями.

Ответом на эту проблему могла бы стать, в частности, тендерная, конкурсная система распределения заказов. Но еще в середине 90-х годов мы создали экономический источник институциональной коррупции. И пока он существует, я думаю, бессмысленно говорить об эффективности бюджетных расходов. Потому что все знают, как формируются условия тендеров в России, как подаются заявки на участие в них и подводятся итоги при отсутствии публичного контроля.

Теперь что касается разделения функций собственности и управления. Здесь мы тоже встречаемся с целым рядом парадоксов. Наш государственный сектор экономики с точки зрения управления крайне неэффективен. Государство лишь по статусу является собственником, реально оно не владеет своими активами и не получает дохода. Ситуация, которая и является источником коррупции. Не влияет оно и на принятие ключевых решений, в том числе в крупнейших корпорациях со своим участием, и длительное время не получало дохода от своей доли капитала. Так же как не влияет и на инвестиционные программы и не получало доходы от огромного количества (порядка десяти тысяч) государственных унитарных предприятий на федеральном уровне. На региональном уровне их еще больше.

Что делать государству со своими активами? Продолжать их продавать или оставлять себе? Выход в том, чтобы на всех уровнях — федеральном, региональном и муниципальном — вначале прийти к согласию, определить, кто какие функции выполняет. А после этого следует определить объекты, находящиеся в собственности, — с учетом общественных задач, которые на основании закрепленных активов должны выполнять соответствующие уровни власти. Всему остальному надлежит «уйти в рынок». Поскольку государство не способно эффективно управлять, нужно максимально приватизировать то, что не служит выполнению государственных функций.

Можно ли говорить, что существует понимание, как это делать? Этому надо учиться. Необходимо учиться зарабатывать на активах доходы. Если у государства есть потребность в реальном управлении, делать это следует иначе. Можно подумать, например, как эффективно использовать доходы от той же приватизации. Длительное время они шли на текущее потребление («проедались») или на погашение внешней задолженности. В этих случаях деньги не работают, не создают дополнительного дохода, в отличие, скажем, от инвестиций в образование и в инфраструктуру. Вспомним, например, к какому бурному экономическому росту привела в свое время программа строительства дорог в США...

Публичный контроль над использованием активов необходим на всех уровнях. Почему в частных компаниях возможна нормальная организация конкурсов и тендеров? Потому что важнейшим параметром для них является прирост стоимости за счет сокращения издержек в результате внутреннего контроля, без которого не может эффективно работать ни одна компания. Именно благодаря такому контролю выстраивается ее менеджмент, и за него компания отчитывается перед акционерами.

С точки зрения формирования бюджета в государстве и в бизнесе работают одни и те же механизмы. Начало всему — инвестиции, которые должны быть

обоснованы: на что их тратить. Речь идет не просто о правомерности расходования бюджетных средств, а об эффективности расходов. Но чтобы понять, эффективны расходы или нет, необходимо определить и общественно согласовать параметры эффективности. Вкладывать можно в образование, строительство дорог, другое производство, необходимое региону. Но обязательно должен быть общественный контроль.

И последнее. К сожалению, то, что мы видим сегодня в политической жизни, не может не настораживать.

Власти хотят законодательно закрепить монополию фактически одной партии, игнорируя печальный опыт прошлого. Несмотря на то, что у «Единой России» нет ни внятной социальной платформы, ни целей, которые объединяли бы людей. Она не является реальным лидером. А когда и в регионах парламентские выборы будут проходить практически по спискам, согласованным сверху, то придется забыть и об эффективном бюджете, и о контроле, а главное — об эффективном расходовании бюджетных средств.

Но чтобы не заканчивать на такой печальной ноте, добавлю, что приватизация 1994–1995 годов имела все же и положительные последствия. Российский бизнес, что бы о нем ни говорили, стал ответственнее, начался процесс консолидации активов. Связано это с тем, что когда, например, холдинг выставился в то время на продажу, он зачастую оказывался «пустышкой»: в дочерних компаниях его капиталы уже были распределены. И бизнесу приходилось предпринимать различного рода ухищрения, чтобы вернуть их, завладеть совокупными активами. Сегодня этот процесс консолидации активов, переход на единую акцию, формирование юридических лиц, которые аккумулируют активы, продолжается. Их владельцы регистрируются уже не где-нибудь в офшорных зонах, а в российских регионах. Постепенно это позволит сделать более прозрачными ценообразование, взаимоотношения внутри компаний с точки зрения налогообложения, повысит так называемую эффективную ставку налогообложения. Но каким образом государство будет распределять свои доходы, как обеспечит открытый и публичный контроль над ними, остается неясным.

Государство должно принять какие-то решения, прежде всего в области промышленной политики. Мы не можем рассчитывать, что ситуация с высокими ценами на рынке энергоносителей продлится достаточно долго. Все может измениться. Поэтому важно определить, где мы находимся и что следует реально предпринять в части подтверждения прав собственности, чтобы двигаться дальше, в том числе и в сфере формирования гражданского общества. Я уверен, что легитимная частная собственность поставит пределы многому из того, что, к сожалению, делают наши политики сегодня.

Все знают, как формируются условия тендеров в России, как подаются заявки на участие в них и подводятся итоги при отсутствии публичного контроля

Абдулла Истамулов,
Центр стратегических
исследований и развития
гражданского общества
на Северном Кавказе –
«СК-Стратегия»

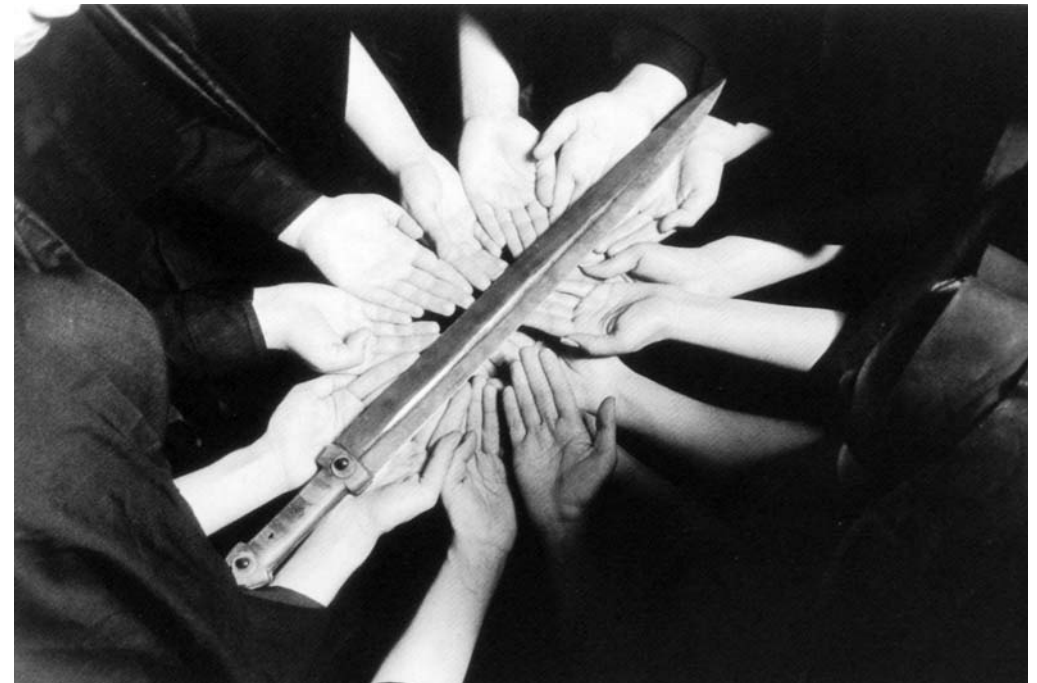
Борьба с религиозным экстремизмом как шанс возрождения российской демократии

Всеобщая взволнованность стремлением Президента РФ укрепить свои властные полномочия в связи с трагедией в Беслане, к сожалению, уводит внимание общества от сути вопроса, которая заключается в том, что у России пока нет общенациональной стратегии противодействия религиозному экстремизму.

Можно по-разному относиться в этой связи, например, к отмене выборов губернаторов, однако не стоит забывать, что основа для этого решения была заложена еще в 1996 году, когда «независимые СМИ» и бизнес-сообщество переизбрали Бориса Ельцина на второй срок, несмотря на его некомпетентность и крайнюю непопулярность. Поэтому сегодня представители бизнеса могут сколько угодно демонстрировать соответствие западным корпоративным стандартам, а СМИ ностальгировать о былой свободе. Во-первых, уже в 1996 году можно было оценить степень интеграции бывших офицеров спецслужб в бизнес-структуры и структуры исполнительной и законодательной власти. Во-вторых, данная тема до 1999 года не являлась предметом широкой дискуссии и мало кого интересовала. И, в-третьих, ни бизнес, ни демократическое крыло исполнительной власти ельцинского периода явно не стремились к созданию влиятельной демократической партии, опирающейся не на интеллектуалов и правозащитников, а пользующейся реальным представительством в Думе и популярностью среди населения.

То есть я хочу тем самым сказать, что если бы бизнес в то время финансировал не только политические проекты ельцинской администрации, а уделял больше внимания организациям гражданского общества и поддерживал их, то Ходорковский не сидел бы в тюрьме, а население не требовало «экспроприации экспроприаторов». Так же как не было бы необходимости и в создании «управляемой демократии». Терроризм по-русски — это кровавые конфликты, уходящие корнями в нашу историю, прежде всего в историю нашей бюрократии, и главная задача сегодня состоит в осознании того, что его угроза действительно затрагивает каждого из нас, включая и бизнесменов, и журналистов, и демократов.

Содержанием антитеррористической кампании на Северном Кавказе, с точки зрения Центра «СК-Стратегия», должны стать в первую очередь решение социально-экономических проблем, программы по трудоустройству молодежи и

Шерин Несхат. Все демоны – бегите. 1995

активизация институтов традиционного ислама. То есть те задачи, которые вписываются в провозглашенный Президентом РФ курс на появление у бизнес-сообщества социальной ответственности. И учитывая, что именно социальный аспект борьбы с терроризмом позволяет ему формировать в этих условиях соответствующий имидж.

Задачей же гражданского общества и его представителей в данном контексте является, на мой взгляд, предложение конкретных антитеррористических программ социального и общественно-политического характера и сотрудничество с теми специалистами по PR-технологиям, которые ломают голову над социально ответственным имиджем своих клиентов. К примеру, продуманная программа помощи в образовании и трудоустройстве молодежи из социально неблагополучных семей Северного Кавказа стопроцентно может помочь предотвращению терактов. Если не забывать о том, что молодежь из социально неблагополучных семей Дагестана или Ингушетии подвергается интенсивной идеологической обработке со стороны экстремистов и значительный про-

цент этих молодых людей пополняет местные джамааты со всеми вытекающими отсюда последствиями. Бизнес же вполне способен, неся незначительные затраты, вырвать молодежь из этой среды, используя в том числе и рекламу в СМИ для презентации или продвижения своих товаров и услуг.

Что касается социально-политических программ, то если программа образования и трудоустройства будет сопровождаться при этом просветительской деятельностью с использованием ресурсов местных муфтиатов по распространению знаний о вреде ваххабизма, то и в этом случае эффект будет очевидным. При должном контроле за осуществлением программ и широком географическом охвате можно и в данном случае добиться реальных успехов в борьбе с терроризмом, по крайней мере ограничить кадровые ресурсы экстремистов и свести на нет их пропаганду. Приведенные примеры — лишь малая толика из того, что можно было бы сделать.

Теперь что касается ресурсов и способностей самого гражданского общества. Даже при нынешней неразвитости его инфраструкту-

Шерин Несхат. Молитва о чуде. 1995

ры и отсутствии стабильных источников финансирования внутри России его роль в активизации борьбы с терроризмом для меня также вполне очевидна. Именно потому, что финансирование и поддержка западных фондов и международных организаций ориентирована сегодня в основном на становление неправительственных организаций, борьба с терроризмом может стать той движущей силой, которая способна мобилизовать наши гражданские инициативы для решения главной проблемы страны. К счастью, в России уже существуют организации, которые вполне могли бы дать толчок этому процессу. Санкт-Петербургский центр «Стратегия», располагающий уникальными методиками и большим опытом в сфере гражданского образования, к примеру, мог бы стать инициатором просветительских программ. Форумом для диалога и координации работы с бизнес-сообществом и региональными элитами вполне могла бы стать Московская школа политических исследований. Этот список можно продолжить.

Таким образом, суть стоящей перед нами проблемы я бы сформулировал так. Поскольку специалисты по управлению имиджем и репутацией российских компаний заинтересованы сегодня в освещении позитивного имиджа своих клиентов и не занимаются разработкой и внедрением названных программ по борьбе с терроризмом, постольку инициатива в этой области должна исходить от демократических лидеров и гражданских организаций. Именно они, опираясь на контакты в деловом сообществе, могут убедить представителей бизнеса в необходимости финансирования данных программ и их полном соответствии идеям социальной ответственности. Исполнителями данных программ должны стать наиболее эффективные организации гражданского общества. Только в результате этого можно возродить демократическое движение как конструктивную силу, располагающую широкой народной поддержкой и занятой решением наиболее острых проблем страны.

Конституционные преобразования в современных демократиях

Томас де ла Куадра-Сальседо, профессор Мадридского университета

Что такое конституционные реформы и к чему они ведут? Имеют ли современные демократии какие-либо основания для конституционных реформ?

Если мы возьмем традиционные конституции, скажем Соединенных Штатов Америки или Франции, мы увидим, что, несмотря на то что ситуация со времени их принятия изменилась, существенных изменений основные законы не претерпели. Тогда как в Италии, например, конституционная реформа происходила, что было связано с кризисом политической системы, с коррупцией.

Глобализация — важный фактор для конституционных реформ. Испания включилась в европейскую экономику, однако Конституция Испании, принятая в 1978 году, уже тогда предусмотрела возможность передачи части суверенитета в пользу какого-то наднационального института. Мы уже тогда думали о вступлении в Европейский союз, поэтому в конституции заложили возможность передачи части полномочий Брюсселю. Каков должен быть состав шоколада или какие требования предъявлять к автомобилям — теперь решается на международном уровне. Глобализация требует от стран предусматривать возможность определенных конституционных перемен.

Другой вопрос: новые технологии информационного общества. Требуют ли они перемены конституции? В некоторых странах, например, ставится вопрос: можно ли управлять делами государства через ежедневный референдум, через компьютерную сеть или Интернет, где любой гражданин может высказать свое мнение: хочет ли он платить больше налогов или настаивает на строительстве шоссе? Предполагается, что такого рода дискуссия — это составная часть современной демократии. Однако таким образом можно разрушить, уничтожить политику как таковую. Коллективные рассуждения о потребностях общества начинаются с рассуждения, что лучше, что хуже. Искусство же политики — это искусство выбора того, что лучше. И если люди привыкнут, что политика заключается в том, что каждое утро вас будут спрашивать, чего вы хотите — построить новое шоссе или новый мост, то ответственности власти в обществе не будет. Что важнее — образование, здравоохранение, шоссе или в обратном порядке — приоритеты должны быть определены, но иерархия должна быть четкой. Если такая демократия — через референдум по Интернету — раз-

рушит идею политического компромисса и ответственности власти, то мы не будем знать, с кого спрашивать впоследствии за ту или иную программу, которая построена на основе этих чаяний и пожеланий. Поэтому новые технологии, наверное, обязывают нас к каким-то переменам, но это не может быть моделью или основанием для конституционной реформы.

Есть ли какие-то социальные перемены, которые требуют конституционных реформ? Если говорить не конкретно об Испании или России, а с европейской точки зрения, можно увидеть перемены в связи с так называемым мультикультурализмом. Россия исторически более мультикультурна, чем другие европейские общества, где сегодня остро ставится вопрос иммиграции из африканских, южноамериканских стран, стран Восточной Европы. Многие приезжают в Европу на работу и здесь возникают мультикультурные проблемы. Это уже не столь однородное общество, как раньше. И это может иметь в будущем, с точки зрения конституции, определенные последствия. Таким образом, социальные перемены, конечно, могут предопределять конституционные изменения.

Наши размышления о необходимости конституционных реформ с точки зрения материальной более или менее мною очерчены. Но не менее важны вопросы о сущностном содержании реформ — о способе их проведения в современном обществе. Есть какие-то различия современной конституционной реформы по сравнению с прошлым? Я думаю, что такие различия могут быть. Возможно, мы сейчас больше работаем через консенсус — реформа не навязывается одной частью общества другим. Реформа не может быть подобна однодневному цветку или бабочке, век которых недолго длится. Эффект от конституционных реформ рассчитан на длительную перспективу, поэтому требуют консенсуса общества. Таким образом, конституционные реформы в настоящее время основываются на поиске адекватных решений, обеспечивающих долгосрочный эффект и рассчитанных на поддержку большинства членов общества.

Идея реформы ведет нас к дилемме, которую должен решить каждый из нас: каковы по сути основания или причины для изменения конституции? Ведь реформы могут принести как позитивные результаты, так и неблагоприятные: в обществе могут возникать факторы, которые в краткосрочной перспективе приведут к конфликту в общественном согласии, нарушат консенсус, общественный договор. Ведь мы подвергаем сомнению основной закон жизни государства — конституцию, поэтому издержки здесь могут быть очень серьезные. Но верно и то, что лучше вовремя провести реформу конституции, чем жить с плохой конституцией, — это может стать балластом на долгое время. Дилемма состоит в том, чтобы принять решение о том, что лучше — добиться цели, которая кажется нам правомерной и правильной, или впасть в сомнение в какой-то момент. Консенсус и общественный договор в отношении конституции — это основа доверия в обществе. Поэтому возникают дебаты, дискуссии о том, какие у нас гарантии, действительно ли реформа улучшит политические условия в стране?

Естественно, речь идет не об изменении всей конституции, а о том, чтобы реформировать какие-то ее положения. Скажем, децентрализация территориальной власти, или президентская система, или парламентские выборы, или система контроля за конституционностью законов, но не изменение всей конституции целиком — это намного сложнее. Я не буду затрагивать юридические и правовые вопросы, хотя я и профессор права. Думаю, что нас интересует другое, тем более что есть различия в испанской, европейских и российской правовых системах. Давайте поразмышляем с политической точки зрения. Конституционная реформа имеет материальное измерение — что мы рефор-

мируем, как это сделать, как к этому приступить, какие процедуры для изменения конституции применяются в мире? Я не буду углубляться в эти вопросы — просто поразмышляю о разделении конституций на гибкие и жесткие. Гибкие конституции — это те, в которых конституционные реформы достаточно легко осуществимы, скажем итальянская модель: конституцию можно реформировать специальным законом, в конечном итоге, конституция — тоже всего лишь один из законов.

Конституция в Испании средняя между гибкой и жесткой, потому что для каких-то вопросов требуется

очень жесткая процедура, скажем роспуск Кортеса (парламента) требует выбора нового состава, избрания комиссии и потом референдума. Это, конечно, усложняет изменение некоторых положений конституции, но есть разделы, где реформа проводится намного проще. В Испании только один раз проводили реформу конституции, и она была связана с Маастрихтским договором. Договор был принят всеми странами Европейского союза (кроме Дании, которая ратифицировала его только со второй попытки) и предоставлял гражданам всех стран-членов ЕС возможность выставлять свои кандидатуры на местных выборах. Они получили право не только избирать, но и быть избранными на пост мэра, членов городского совета, муниципалитета. Это почти во всех странах, включая Испанию, вступало в противоречие с конституцией, где избирательное право признавалось только за испанцами или гражданами конкретной страны. Надо было менять конституцию, и мы сделали это очень быстро — процедура была похожа на принятие нового закона. Это гибкая система, но в других вопросах она намного жестче.

Чего не может быть ни в одной из демократических систем — это вообще реформирования конституции. Запрет конституционной реформы был бы равнозначен признанию того, что суверенный народ отрекся от своего суверенитета, потому что обязуется в будущем не решать вопросы, касающиеся своей судьбы. По сути это напоминало бы то, что средневековые и более современные авторы называли *paetum subjeksiones*, то есть в какой-то исторический момент народы могли безвозвратно передать королю или царю право править собой. *Paetum subjeksiones* очень любили приверженцы абсолютизма. Так вот, гибкие и жесткие конституции — это формальный фактор, который показывает, что все страны задумывались о положительных или отрицательных результатах конституционной реформы. Одни делают процедуру изменения конституции более простой, другие ее затрудняют.

Конечно, идеальных конституций не бывает, поэтому может возникнуть необходимость изменения любой конституции. С одной стороны, возникает вопрос: зачем мы вообще стремимся к идеалу, если ничего идеального в мире нет? Зачем идти по пути совершенствования, который все равно нас к идеалу не приведет? Но есть и более оптимистическая точка зрения: надо все-таки реформировать конституцию в тот момент, когда это необходимо, чтобы все-таки стремиться к идеалу. Вопрос в том, каковы издержки, какова цена таких перемен. Это важный вопрос, потому что, повторяю, постоянно улучшая конституцию, мы будем нарушать общественный договор, консенсус в обществе. Чего все-таки мы должны ждать от конституции, что мы можем требовать от нее? Конституция должна защищать нас от злоупотреблений властью, гаран-

*Реформа не может быть подобна
однодневному цветку или бабочке, век
которых недолго длится*

тировать наши права и свободы. Но помимо этого конституция должна выражать стремления и чаяния народа, отдельных людей. Но кто такие эти люди, какие стремления у народа вообще? Однородны ли эти стремления? Далеко не всегда они однородны, и если мы рассматриваем народ в целом, не можем сказать: чего хочет один, хотят и другие. Поэтому здесь возникает проблема умеренности, и мы должны взвесить, какие реформы нам все-таки нужны. Конечно, у народа могут быть различные, даже противоречивые устремления.

Второй важный вопрос — какие правила игры мы будем менять? Кто-то отдаст приоритет вопросам, касающимся избирательной системы или формы правления — президентской или непрезидентской. Другие поставят существенные вопросы, скажем, связанные с правами третьего или четвертого поколения, социальными правами, социальным страхованием, здравоохранением — это вопросы более деликатные. До какой степени может продвигаться страна в обеспечении этих прав, зависит от ее экономического состояния. Мы констатируем, что всегда есть преимущества и всегда есть какие-то недостатки или затруднения при изменении конституции. Любая конституционная реформа имеет определенную цену, потому что возникает столкновение интересов. И зачастую эту цену надо платить, потому что преимущества оказываются важнее, чем цена. Издержки всегда есть. Я вам расскажу о конкретном испанском примере. Нашей конституции 25 лет, и это успешная конституция, очень любимая испанским народом. Но сейчас социалистическая партия предлагает конституционное реформирование сената. В нашей конституции сказано, что сенат — это палата территориального представительства, но по сути это вторая верхняя палата, палата второго чтения законов. Это не аристократическая палата, а в какой-то степени повторение первой палаты. Это не бундесрат германский, который имеет территориальное представительство. Правящая партия противится этому изменению в конституции, поскольку цена, по мнению правящей партии, слишком велика. Как выйти из такой ситуации? Я согласен с реформой, но надо посмотреть, какие есть аргументы против, посмотреть историю испанской конституции.

Впервые в своей истории мы добились полного консенсуса всех политических сил, потому что в XIX и XX веках все испанские конституции одна часть народа навязывала другой. Но наша нынешняя конституция — это действительно конституция консенсуса всех частей общества, и, возможно, этот факт как раз и вызывает верность, преданность людей конституции, потому что они даже когда спорят на улице, говорят: «Я тебя отведу в Конституционный суд» или «Конституция тебе этого не позволит». То есть конституция стала своего рода важнейшим фактором повседневной жизни. Простые люди, люди с улицы воспринимают конституцию как важнейший закон, чувствуют, что конституция их защищает. Это, наверное, огромный успех нашего Основного закона. Очень важно, что он принимался при общей договоренности. Вы знаете, что мы тогда выходили из диктатуры. Я был в оппозиции к диктатуре, меня несколько раз арестовывали за это. И те, кто был в оппозиции, как и я, думали, что наш новый режим, новый строй рождается из развалин старого. Но были силы, которые хотели продолжать дело диктатора, и нам надо было как-то войти в демократическое состояние. Были, конечно, очень большие противоречия, но мы добились какого-то взаимного доверия для начала этого процесса и назначения свободных выборов.

В начале работы над конституцией был очень любопытный момент. Те, кто был у власти, правительство, являлись хоть и легитимными, но представителями старой власти — диктатуры. Нам говорили, что правительство разработает проект конституции, который передаст в парламент для утверждения.

Джозель Шатифо. Дом в поле. 1975–1976

Но парламент настоял на том, что конституция с самого первого дня должна готовиться с согласия всех политических сил, все должны участвовать в ее разработке. Правительство откликнулось на такое предложение. Оппозиция понимала, что в тот момент у правительства было парламентское большинство и оно могло навязать свои взгляды по многим пунктам, но в обществе была достигнута договоренность. И то, что народ отождествляет себя с конституцией, любит конституцию, это результат того, что каждый уступил в какой-то части своих убеждений, чтобы договориться по главным вопросам, чтобы правила игры и основное содержание конституции принималось всеми. И мы спрашиваем: надо ли такую конституцию трогать, или цена будет слишком велика? Можно ли конституцию менять бесконечно? Когда у кого-то будет большинство на выборах, снова будут менять конституцию? Все это девальвирует конституцию как что-то стабильное, надежное. Это контекст, в котором происходит полемика о реформе сената в Испании. Я поддерживаю реформу сената, но думаю, что если при его реформировании не будет договоренности между оппозиционной партией и региональными партиями, которые в 1978 году договорились по конституции, то, наверное, не стоит ее изменять, потому что с социальной и политической точек зрения здесь не будет консенсуса. Это пример деликатности балансирования между политическими преимуществами и недостатками вторжения в конституцию, или ценой которую надо за-

платить. Из моего политического опыта (я был министром территориальной администрации, потом — юстиции, был преподавателем университета и остаюсь университетским профессором, во времена диктатуры я боролся с ней) следует: нельзя вести переговоры, если их цель — навязать свою точку зрения. Нужно выслушать другую сторону, попробовать договориться, достигнуть консенсуса. Конечно, в результате это будет не совсем то, что вы хотите, но если это касается сущностного вопроса (скажем, вы добиваетесь, чтобы какой-то закон был поддержан обществом), вам надо договориться, чтобы окончательное решение удовлетворяло всех или большинство. Раньше я думал, что искусство политика заключается в навязывании своей правоты. Но навязывая свою точку зрения, вы сталкиваетесь с мнением остальных граждан, и политическая цена вашего упорства будет огромна. Между вашей правотой и политическими преимуществами должен быть компромисс, чтобы добиться легитимности и консенсуса.

Что же все-таки важно для конституции, для ее реформирования? Думаю, что в настоящий момент есть важнейший аспект во всех конституциях, если исходить из 14-й статьи Всеобщей декларации прав и свобод человека Французской революции, где говорится, что если в стране нет разделения властей, гарантий прав, у этой страны нет конституции. Но трудность утверждения этих принципов в тот момент состояла в том, что речь шла о власти короля, которому тогда еще голову не отрубили. Аббат Сьейес в трактате о том, что такое государство, разделил его на три сословия: знать, духовенство и народ. Третье сословие, народ, это — все, остальные не значат ничего, поэтому третьему сословию, народу, нужно отдать всю полноту власти.

Первый трактат «В защиту демократии» — о том, что в народе коренится вся власть и в парламенте только народ вырабатывает законы, — Сьейес написал за 10 лет до Бородинской битвы. И он же написал Наполеону конституцию 1808 года, где власть народа была сведена к минимуму и отдавалась консулам и Наполеону. Человек, который требовал власти для народа, для третьего сословия, когда над его шеей висел нож гильотины, начинает думать, как обезопаситься от абсолютизма большинства. И весь XIX век и часть XX-го как раз посвящаются тому, как ограничить власть не короля, а просто большинства. Конечно, ограничения — это права и свободы, и Конституционный суд также предполагает такие ограничения. Об этом думает и современная демократия, это связано с ценностями, с основными правами, с гарантиями социального благосостояния, социального страхования, социальных услуг и гарантий с точки зрения законодательных процедур. Демократия, которая была мажоритарной, скажем, во времена Сьейеса, потом становится контрмахоритарной — она не доверяет большинству. Об этом — книга американского ученого Элли «Демократия и недоверие»: большинства уже начинают бояться, и мы ограничиваем его власть. Мы говорим: на рассвете никому нельзя отрубать голову. И в другое время тоже. Должны быть суды, должны быть гарантии основных прав, записанных в конституции. Стоит ли менять основные права, или они уже достаточно признаны? Есть какие-то сущностные права, скажем, децентрализация власти, децентрализация территориальная. Стоит об этом поразмышлять также, видимо, с точки зрения конституции. Я говорю сейчас о России, например. Во Франции тоже пытаются сейчас затеять кое-какие реформы в связи с регионализмом. Есть процедурные, формальные вопросы, которые связаны с политической системой. Мы говорим о президентской республике или о парламентской республике? Что лучше, что важнее — одна форма или другая? Каковы их преимущества и недостатки? Если у нас прези-

дентская республика, может быть, нам надо ввести какие-то элементы, которые ограничили бы власть президента, приблизили нас к парламентской республике, к демократии. Или, наоборот, если у нас парламентская республика, внести какие-то «президентские» элементы? Или, скажем, избирательная система — надо ее менять, нужно ли это? Какие преимущества это даст? Или, может быть, нанесет вред?

Во всех этих реформах, возможно, есть определенный критерий или принцип. Как разрешить противоречие между эффективностью и гарантией прав? За что мы вообще? За эффективность?

Скажем, чем больше власти

у президента, тем эффективнее он будет ее применять? Но при этом могут нарушиться чьи-то права, могут быть злоупотребления властью.

Если мы даем абсолютную гарантию прав, есть риск, что это будет очень дискуссионная демократия, неэффективная и неоперативная. Надо балансировать между этими двумя переходами. Мы, конечно, не должны впадать в уныние и говорить: ничего не получается. Всегда есть «за» и «против». Вспомните либерального мыслителя Исая Берлина, который в одном из своих произведений «Искавленность», или «Искавленные пути человечества», или «Искавленные пути мышления человечества» пишет по поводу рецептов Макиавелли, которые тот предлагает государям (им все время советовали быть благочестивыми и справедливыми). И вдруг Макиавелли говорит, что доброта и справедливость не всегда совместимы друг с другом. Допустим, государь благочестив, но он должен быть и жестким, он должен быть справедлив. Макиавелли показывает, что не все совместимо, не все можно примирить. И наш человеческий опыт это показывает. У нас есть хорошие друзья и они, скажем, враги наших других хороших друзей. Это нам не нравится, но такова ситуация, и мы должны с этим считаться. И это та самая искавленность человечества, о которой говорит Берлин. И мы сейчас в такой же ситуации находимся. Скажем, эффективность власти — это хорошо, но это иногда противопоказано, потому что ведет к риску злоупотребления властью, поэтому нам надо всегда искать баланс, золотую середину. И необходимость поиска этой золотой середины нужно осознавать.

Конституционные реформы в передовых странах стремятся не только к каким-то новым открытиям или изменениям, но и к углублению качества демократии, к тому, чтобы стимулировать активность общества, в котором иногда возникает некоторая апатия. Скажем, люди говорят: сейчас не время великих французских революций. Мы просто боремся за то, чтобы система хорошо работала, чтобы функционировали общественные службы, чтобы здравоохранение и образование были доступны, чтобы были хорошие дороги. Возможно, это не великие революционные события, которые поднимают весь народ на баррикады, — мы уже не боремся за это. Мы боремся за углубление качества демократии. Боюсь, я не дал никакого ответа на те проблемы, которые волнуют людей в России. И я даже не осмелился бы это делать. Каждый народ, каждая страна должны получить свой собственный ответ. Я просто попытался изложить модель этих проблем и постарался, чтобы мы осознали обстоятельства, связанные с конституционной реформой, обсудили эту тему. И я надеюсь, что Россия и россияне обязательно найдут верный путь для светлого будущего.

*Хартия по правам человека —
это политический пакт для будущего,
который может нас всех объединить*

Пресса и демократия

Саймон Уолтерс,
редактор отдела политики, «Мейл он Сандей»

Независимая пресса должна не только информировать читателя, но и защищать демократию. У нас в Британии самый старый парламент в мире и самые старые традиции свободной прессы, и именно ее свобода во многом способствовала тому, что в стране сформировалось стабильное общество.

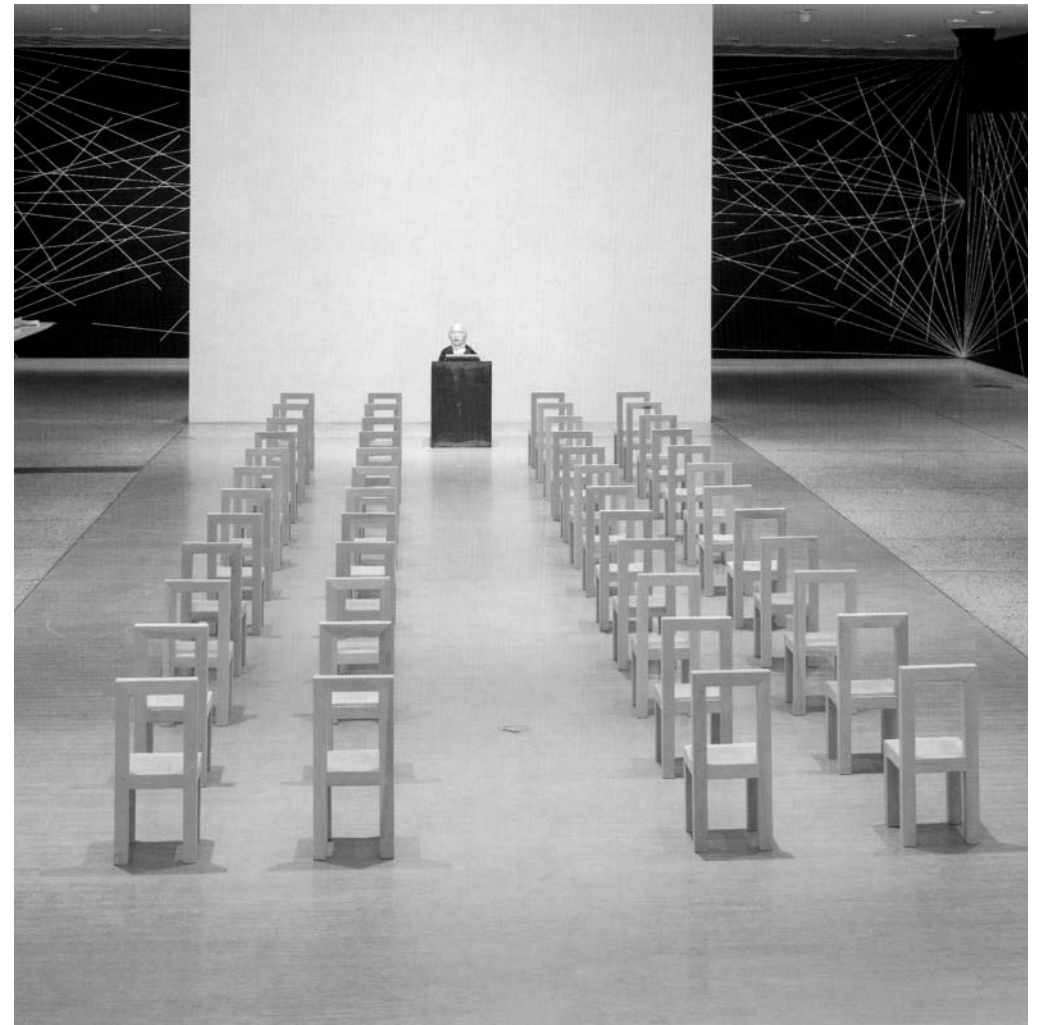
Пресса в Британии разнообразна, у каждого издания есть своя программа и свой выбор. Например, газета, которая поддерживает лейбористов, правительство и имеет огромный тираж, может в связи с ситуацией в Ираке изобразить Тони Блэра на своих страницах с надписью: «На его руках кровь». А другие газеты, скажем правая «Дейли Телеграф», которая обычно выступает против правительства, на первой полосе может опубликовать материал в его поддержку, когда идет речь о Соединенных Штатах.

В нашей стране 9 национальных газет, в том числе «Сан» с тиражом 5 млн. экземпляров. Ее читает примерно половина населения Великобритании. Есть так называемые качественные газеты — «Таймс» и подобные ей. Эти газеты имеют полную свободу. У них своя позиция, свое мировоззрение. Они могут быть правыми, левыми или центристскими. Что касается их мировоззрения, то они, конечно, не следуют слепо каким-то программам, а сообщают факты и излагают по их поводу свою точку зрения. В Британии три телевизионные станции: од-

на финансируется правительством, но фактически не контролируется им — это Би-би-си, и две независимые станции.

Обычно мы сообщаем факты и отдельно даем комментарии. Возьмем газету, в которой я работаю, — «Мейл он Сандей». В основном мы справа от центра, но не всегда. Обычно эта газета поддерживала Маргарет Тэтчер, но не во всем. Мы были скептически настроены в отношении Блэра, когда он поддерживал войну в Афганистане, но, с другой стороны, «Мейл он Сандей» была первой в мире газетой, которая сообщила о содержании пленных талибов в лагере Гуантамо. Как правило, мы поддерживаем союз с Соединенными Штатами, но всегда были независимыми, и всегда придерживаемся своей точки зрения.

Как я, политический журналист, работаю, выполняю свои профессиональные обязанности? Утром я обычно говорю с редактором, мы обсуждаем, что на сегодняшний день является наиболее важным. Затем иду в Палату общин, где работаю почти все время: звоню политикам или государственным служащим, которых знаю лично. Может быть, я пообедаю с каким-нибудь политиком, пропущу стаканчик вина, ну два, не больше — иногда помогает. Днем я, может быть, послушаю какие-нибудь политические заявления в Палате общин, проведу брифинг или нам даст брифинг пресс-секретарь на Даунинг-стрит — сообщит с правительственной точки зрения о том, что произошло. И если мне повезет, к концу дня у меня уже есть материал для

Деннис Опенгейм. Лекция №1. 1976–1983

статьи о каком-то важном событии или о том, до чего я докопался.

Очень трудно общаться с бюрократами, с официальными лицами. Большинство официальных лиц даже получают инструкцию не разговаривать с прессой, и они не разговаривают. Гораздо легче говорить с политиками. Но и политики на это не очень охотно идут — это не простая задача. Одно преимущество, что у нас в Британии очень сильная оппозиция, как на национальном, так и на региональном уровне. Многие ее представители избираются на какие-то должности и снабжают нас информацией о том, что происходит не в оппозиционном, а в реальном пространстве; именно они по-

могают нам критиковать региональные власти и таким образом раскрывать, как функционирует система.

На самом деле свободная пресса может процветать только там, где есть действительно свободная политическая система, свободно избираемое правительство, свободно избираемая оппозиция. И единственный способ, с помощью которого вы можете двигаться в этом направлении, — все больше и больше избирать политиков на национальном и региональном уровнях. Чем больше демократии, тем больше информации.

Как и в любой другой профессии, в журналистике есть определенные правила — это игра, а любая игра требует правил. Во-пер-

вых, есть очень жесткий закон о сообщении ложной информации. Если вы публикуете ложные сведения, то газету оштрафуют. Есть также профессиональный кодекс поведения. Не знаю, как обстоит с этим дело в

В Британии никогда политики не платят журналистам за публикацию, это позор и для журналиста, и для редактора, и для политика – и того, и другого, и третьего выкинут

России, но в Британии с политиком можно говорить двумя разными способами. Если вы беседуете официально, все сказанное можно опубликовать в печати. А есть так называемые частные разговоры – не для протокола, и тогда вы можете использовать материал, но без ссылок на его источник. Большинство журналистов подчиняются этим правилам. Почему? Да потому что, если вы нарушаете правила, с вами политик больше разговаривать не будет.

В Британии никогда политики не платят журналистам за публикацию, это позор и для журналиста, и для редактора, и для политика – и того, и другого, и третьего выкинут. Политические партии могут потратить деньги на рекламу. Обычно они не публикуют ее в газетах, а устраивают на телевидении под соответствующей рубрикой, но у нас нет политиков, которые покупают прессу, чтобы она благоприятно о них сообщала. Конечно, политик может дружить с владельцем газеты, и какая-то степень коррупции может возникнуть, но не системная коррупция. Я думаю, что в России вы проходите период развития, работаете над своими правилами и своим кодексом этики. Потребуется какое-то время, и в конце концов вы обнаружите, что самые дикие проявления прессы станут умеренными. Но политики должны понять и принять, что пресса может выражаться о них грубо, когда они ведут себя неправильно, и у прессы есть на это право.

В 1950-е годы, когда в Британии только начали показывать политические программы по телевидению, интервьюер был очень почти-

телен по отношению к политику, он мог начать свою передачу так: «Премьер-министр, мы очень признательны, что вы согласились прийти на нашу программу; народу хотелось узнать вашу точку зрения по поводу образования, большое спасибо, что вы пришли». А сегодня самый известный у нас интервьюер ведет себя агрессивно, даже грубо. Он как-то брал интервью у министра внутренних дел и шестнадцать раз подряд задавал один и тот же вопрос. Он понимал, что перед ним очень

важный министр, но считал, что тот недостаточно четко и корректно отвечал на его вопрос, говорил неправду, и поэтому долбил ему один тот же вопрос. И когда я с ним потом разговаривал, он сказал, что когда берет интервью у какого-нибудь политика, у него в голове крутится одна мысль: врет ему человек или не врет, а если врет, то отчего врет, что скрывает? Некоторые люди любят жанр интервью, иногда жалуются на поведение журналистов – почему перебивают политика? Какая наглость! Пускай он выскажется до конца! Разумеется, нужно пытаться найти баланс, но сложности в отношениях между политиками и журналистами будут неизбежно. Сообщения журналистов о политике изменили свой характер за последнее время. Сейчас средства массовой информации стараются разговаривать с политиками постоянно, и политическая журналистика также изменилась. Почему? Потому что есть несколько крупных тем, за которые мы несем ответственность. Например, когда еще была «холодная война», для журналистики, для газет это было замечательное время – всегда был материал, было о чем писать и что показывать. Сегодня же не так много тем, которые освещает международная журналистика, – нет борьбы идеологий. И с развитием СМИ и телевидения политики получают преимущества от стиля, а не от содержания. Что я имею в виду? Политиков раскручивают средства массовой информации. Клинтон или Тони Блэра наверняка волнуют цвет галстука или прическа, как они будут выглядеть на экране, а не только содержание их

Джонатан Борофски. Люди, бегущие на 2, 616, 216. 1979

заявлений. Все это привело к тому, что правительство все более изощренно начинает руководить СМИ. Многие в Британии считают, что самое влиятельное лицо в стране вовсе не Тони Блэр, а его пресс-секретарь, правда, бывший – Алистер Кэмпбелл. Лейбористская партия великолепно манипулирует средствами массовой информации. До определенного момента это нормально, так и должно быть. Правительство есть правительство, оно должно сообщать избирателям о том, что делает, публикуя материалы о своей работе, проводя пресс-конференции, брифинги и т.д. Разработана целая система, которую я считаю не совсем порядочной, потому что в итоге политики вывели новую породу специалистов – так называемых спин-докторов, мастеров по раскрутке новостей. Наш пресс-секретарь консультирует премьер-министра по поводу его выступлений, наиболее удачных заголовков к публикуемым материалам. Его власть основана на информации, и это огромная власть. Журналистам нужна информация. Допустим, мне звонит тот же Кэмпбелл (он делал это не так уж часто) и говорит: «Саймон у меня для тебя есть замечательный материалчик, завтра о нем будет официальное сообщение премьер-министра: мы объявляем войну», – или примерно что-нибудь в этом

роде. Я журналист, а для журналиста информация главное. И, конечно, я обязательно напишу статью об этом – мне это нужно. Но если я получу такую привилегированную информацию от Алистера Кэмпбелла, то буду ограничен в своей свободе писать не только о нем, но и о правительстве. Журналистам нужно очень осторожно подходить к своим отношениям с правительственными чиновниками.

Я не думаю, что журналист должен доверять политической системе. В таком случае он начинает сам претендовать на некую политическую роль. Хотя, разумеется, и в нашей журналистике существует разделение труда: есть политические комментаторы и есть репортеры, которых в первую очередь интересуют факты, и они рассказывают о том, что происходит на самом деле, – я принадлежу ко второй категории. Поэтому я не рассматриваю свою профессию и свою работу как нацеленную на поддержание доверия к политикам – это не для меня. Граждане должны сами решать, кому они будут верить, а кому нет.

Отличительной характеристикой политики в Великобритании уже сто лет или больше является отсутствие экстремистских партий. Был, правда, один эксцентрик, лидер фашистов, это было еще до Второй мировой войны. Но почему-то с тех пор у нас экстремист-

ских партий ни правого, ни левого толка нет. Были небольшие фракции, но никакой серьезной роли они никогда не играли. Вполне возможно, что причина в том, что у нас свободная пресса. Экстремистам очень трудно в такой ситуации получить поддержку, то есть вести пропаганду. В двух-трех газетах, и то на короткое время, но в десяти, двадцати, ста газетах — исключается. Невозможно. Именно в этом сила британской прессы.

Я иногда думаю, что германские СМИ во времена Гитлера — это полная его копия. В те годы о нем ходило много самых разных анекдотов, и если бы карикатуры на него появлялись в газетах, то вряд ли за него проголосовали...

Конечно, пресса несет полную ответственность за то, чтобы не вызывать опасного развития ситуации. К примеру, если журналист узнает, что Британия собирается завтра сбросить бомбу на Багдад, то первый инстинкт журналиста, естественно, сообщить об этом в газете. И чем скорее, тем лучше. Но с другой стороны — ведь это может поставить под угрозу национальную безопасность самой Британии. И хуже будет не Ираку, а Британии. Когда люди говорят или спрашивают об ответственности прессы, я всегда отвечаю: да, пресса всегда несет ответственность за такие важные сообщения. Но я не думаю, что у прессы есть ответственность, скажем, перед каким-то политиком.

В Британии мы давно дискутируем, должны ли журналисты освещать частную жизнь политиков? Но и после того, как в результате этих дискуссий были приняты ограничения для прессы, существуют исключения. Например, политик участвует в предвыборной кампании и заявляет, что он христианин, счастливо женат, что у него двое или четверо замечательных детей, а потом оказывается, что у него любовница... Поскольку в политике придается большое значение нравственности личности, естественно в газетах напишут, что он лицемер. Да, у прессы есть сознание ответственности, но двигаясь по этому пути, вы начинаете понимать, что и политики должны отвечать за свое поведение.

Я бы защищал свободную прессу до конца, но я соглашусь и с тем, что у нее есть ответственность, обязанность действовать определен-

ным способом. Пресса свободна только потому, что существуют границы, устанавливаемые самими журналистами. При этом я имею в виду комиссию по жалобам на прессу, которая в Британии состоит из редакторов, а не из правительственных чиновников. Если какое-то частное лицо или политик считают, что журналисты с ними скверно обошлись, что пресса обманула читателей, они могут обратиться в эту комиссию, и она призовет журналиста к ответу, требуя соблюдения существующего кодекса.

В Британии как-то проводился опрос, который выявил, что среди тех, кому доверяет общество, политики оказались на последнем, а журналисты на последнем месте. Журналистов у нас не очень-то уважают, отчасти из-за того, что они действительно люди немного диковатые, но до какой-то степени они и должны быть такими. Если читателю слово в слово повторять то, что сказал политик, то это вряд ли ему будет интересно. То есть я хочу сказать, что наша пресса — это не та образцовая модель, на которую нужно обязательно ориентироваться в качестве примера. Важно, чтобы журналисты и политики уважали друг друга и придерживались принципов.

Свободная пресса грешит многим, в том числе и британская, поскольку известно, что у демократии масса недостатков. И тем не менее журналисты нужны политикам для того, чтобы сообщать то, что они хотят. Но журналисты пытаются при этом докопаться до правды, выяснить, что происходит за сценой. И совершенно естественно, что между теми и другими возникают трения. Политики всегда жалуются на прессу. Кто-то сказал, что политик, который жалуется на прессу, это все равно, что моряк, который постоянно все сваливает на море или плохую погоду. Отношения между политиками и журналистами я бы сравнил с отношением между собачкой и фонарным столбом. И горжусь тем, что я играю роль фонарного столба. В результате от меня может даже немного попахивать. Но тот светильник, который загорается на этом столбе, даже если он иногда слабый и неправильно сфокусированный, как раз и освещает темные углы демократии. В этом и заключается функция свободной прессы.

В современном мире — во всяком случае там, где есть государство, — живут по законам. Юридические нормы стали каркасом, на котором держится человеческое сообщество.

Но далеко не всегда и не везде система правовых норм соответствует тому, что Монтескье называл духом закона. Право — сложная материя, которую нельзя сводить лишь к принятым в установленном порядке общеобязательным нормам и правилам.

Законодательство перестает действовать вне правовой культуры.

Для страны, меняющей модель своего социального развития, проблемы права особенно важны. В России за последние пятнадцать лет кардинально изменились общественные и государственные институты, содержание законов, нормотворческая практика.

Складывается новый тип правовой культуры, и процесс этот далек от завершения.

Перемены продолжаются, и их необходимо постоянно обсуждать, анализировать, осмысливать. Публикацией статьи выпускника Московской школы политических исследований Ирины Сурковой мы открываем новую рубрику в журнале. Ирина живет в Ставрополе. Тем ценнее и интереснее для нас ее видение одной из актуальных проблем.

К вопросу о реализации принципа разделения властей

Ирина Суркова, адвокат,
доцент Ставропольского государственного университета

Разделение государственной власти на классическую «триаду» — законодательную, исполнительную и судебную — базируется на правовой норме-принципе статьи 10-й Конституции Российской Федерации. В ней сказано, что органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Между тем, как показала российская правовая действительность, на практике характеризовавшаяся вначале не всегда согласованной работой исполнительной и законодательной ветвей власти, а зачастую и их противостоянием, эта идея обернулась после последних думских выборов слаженным тандемом Правительства России и думского конституционного большинства. Что позволяет ему в кратчайшие сроки принимать законопроекты, внесенные исполнительной властью без учета обязательного мнения и согласования с государственными органами субъектов Российской Федерации. В этой связи обращение к вопросам правовой регламентации разделения властей мне представляется особенно актуальным.

В этой же плоскости лежит и проблема законодательного оформления полномочий Президента Российской Федерации. Постараюсь на скучном языке юриспруденции рассказать о том, что в данном случае является предметом научных дискуссий.

В нашей Конституции прописаны основные органы и должностные лица, на которые возложено осуществление государственной власти в стране. Однако Основной закон не всегда точно определяет их место в той или иной ветви власти. Это следует, частности, уже из названий глав — 4-й, 5-й, 6-й и 7-й — Конституции РФ: «Президент Российской Федерации», «Федеральное собрание», «Правительство Российской Федерации» и «Судебная власть». Мы видим, что лишь 7-я глава посвящена судебной власти. Тогда как статья 94-я гла-

вы 5 императивно устанавливает, что Федеральное собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом, согласно статье 110-й главы 6 правительство осуществляет исполнительную власть, а статья 80-я главы 4 устанавливает, что Президент Российской Федерации является главой государства.

Законодательной же базы, которая регламентировала бы правовое положение Президента, не существует. И именно этот вопрос – о необходимости принятия соответствующего федерального закона – обсуждается в последнее время в научной литературе. Принимая во внимание, что в своей деятельности он руководствуется только конституционными нормами главы 4 Конституции, а, как известно, на первых порах функционирования института президентства были случаи присвоения президентом компетенции законодательных органов. В качестве примера сошлюсь на ситуацию, когда Указом Президента Б.Н.Ельцина от 24 декабря 1993 года N 2287 «О приведении Земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» были признаны недействующими нормы Земельного кодекса РСФСР. То есть президент фактически осуществил тогда законодательное регулирование, а Конституционный суд РФ (Определение от 6 июля 2000 года «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Волгоградской областной думы о проверке конституционности пункта 1 и абзаца второго пункта 3 названного указа президента) и Федеральное собрание РФ легализовали этот факт.

Непринятие до настоящего времени федерального конституционного законодательного акта, регламентирующего правовой статус Президента РФ, объясняется в первую очередь отсутствием указания на необходимость такового в Конституции РФ. Хотя в отношении Правительства РФ, например, этот акт существует (пункт 2 статьи 114-й Конституции императивно устанавливает, что порядок деятельности Правительства определяется федеральным конституционным законом). Тогда как Федеральное собрание осуществляет законодательную деятельность, также руководствуясь только конституционными нормами, поскольку специального закона о его деятельности нет.

Таким образом, очевидно, что разграничение полномочий ветвей государственной власти, разделение компетенции высших государственных органов на законодательном уровне весьма актуально. Так же как назрела необходимость и в более четкой законодательной регламентации статуса Администрации Президента РФ. Учитывая, что в ее компетенции находятся сегодня контрольные функции за исполнением федеральных законов (в части, касающейся полномочий Президента, например по обеспечению прав и свобод человека и гражданина*), а также президентских указов и решений**. На практике это может означать постепенное превращение Администрации из органа, обеспечивающего деятельность главы государства, в самостоятельный орган, осуществляющий правоприменительную деятельность.

Процесс регулирования статуса Президента РФ как главы государства, не относящегося ни к одной из ветвей власти, возможен только при полноценном законодательном оформлении деятельности всех высших органов государственной власти. Однако принятие соответствующих законов, прежде всего о

* См.: Положение о контрольном управлении Президента Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 8 июля 2004 г. N 729.

** См.: Положение "Об Администрации Президента РФ", утв. Указом Президента РФ от 6 апреля 2004 г. N 490.

Мария Александрова. Ведущий. 1999

Федеральном собрании и Президенте РФ (при этом закон должен зафиксировать правовой статус и компетенцию его администрации) не возможно без внесения в Конституцию России дополнительных норм.

Правотворческая компетенция органов исполнительной власти и Президента РФ также является дискуссионным вопросом. Речь в данном случае идет о границах нормативного регулирования этих субъектов. Как я уже сказала, в соответствии с Конституцией наш президент является главой государства и не относится ни к одной из ветвей государственной власти. И именно это дает ему право, согласно статье 90, издавать в том числе указы и распоряжения, обязательные для исполнения на всей территории Российской Федерации. Что в свою очередь дает основание считать эти акты нормативно-правовыми, то есть источниками права. Но при этом нет норм, регулирующих пределы самих правотворческих полномочий (предметов ведения) президента. Определенная правовая традиция по этому поводу лишь складывается, вклю-

чая в себя прежде всего полномочия, определенные статьей 83-й Конституции РФ.

Теперь что касается Правительства РФ, постановления которого тоже имеют нормативный характер. Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» от 17 декабря 1997 года № 2 предусматривает, что его постановления и распоряжения издаются на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов и нормативных указов президента (ст. 23). На мой взгляд, более правильным был бы вариант их издания только по вопросам, четко определенным в законодательстве, без такого расширительного определения предмета правотворчества.

Нормотворческой деятельностью, помимо Правительства РФ, занимаются также федеральные органы исполнительной власти. Между тем сосредоточение правотворческих и правоприменительных функций в одних и тех же органах до последнего времени являлось явно порочной практикой, так как «правила игры» устанавливались по существу одним игроком.

Указом Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 20 мая 2004 года № 649 была предпринята попытка разделить между ними правотворческую компетенцию, компетенцию по контролю и надзору, по управлению государственным имуществом и по оказанию государственных услуг. Нормативно-правовое регулирование должны осуществлять в настоящее время только министерства, которые не наделены функциями по контролю и надзору, за исключением контроля за деятельностью находящихся в их ведении федеральных служб и федеральных агентств.

Обращаясь к конституционной модели разграничения государственной власти, необходимо отметить, что Конституция устанавливает разграничение лишь законодательной компетенции между Федерацией и ее субъектами, в ходе реализации которой осуществляется разграничение исполнительной и судебной, а также последующая конкретизация законодательной компетенции*. Законодательная компетенция разграничена по предметам ведения в статьях 71–73 Конституции РФ. Однако за период одиннадцатилетнего действия Основного закона положения названных статей так до конца и не были реализованы. Особенно болезненными являются вопросы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, определенные в статье 72-й, когда зачастую применяется практика «опережающего» регионального нормотворчества. Ярким примером этого может служить экологическое законодательство, поскольку вопросы владения, пользования и распоряжения природными ресурсами находятся в совместном ведении, а федеральное законодательство в этой сфере далеко от совершенства. Пробелы в законодательстве восполняются на региональном уровне (причем как представительными, так и исполнительными органами государственной власти), хотя при принятии концептуально нового федерального законодательства в области природопользования и охраны окружающей среды, региональное законодательство должно также изменяться.

Одним из инструментов разграничения названных полномочий должны были стать соответствующие договоры и соглашения. В последнее время их регламентация также подверглась значительному изменению, что связано с отменой федерального закона (ФЗ) «О принципах и порядке разграничения

* См.: Черепанов В.А. Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами. - М.: МЗ-ПРЕСС, 2003.

предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» от 24 июня 1999 года № 119 и существенными изменениями ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 года № 184. Действующая редакция ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предполагает возможность заключения договоров о разграничении полномочий только тогда, когда оно производится иначе, чем это установлено

федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации и обусловлено экономическими, географическими и иными особенностями субъекта РФ. В таком срочном (до 10 лет) договоре должны обязательно определяться условия и порядок осуществления полномочий, конкретные права и обязанности сторон, срок действия договора, порядок его продления, а также основания и порядок досрочного расторжения договора. При этом договор о разграничении полномочий имеет силу федерального закона.

Соглашения, по смыслу закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов...», заключаются с целью передачи федеральными органами исполнительной власти части своих полномочий исполнительным органам власти субъекта РФ. Такие соглашения заключаются в случае, если осуществление части полномочий не может быть возложено федеральным законом в равной мере на исполнительные органы власти регионального субъекта. Причем федеральные органы исполнительной власти, передавшие путем заключения соглашений осуществление части своих полномочий, контролируют соблюдение условий этих соглашений и несут ответственность за их осуществление. Утверждаются они постановлениями правительства.

Оправданность такого порядка заключения договоров о разграничении полномочий и соглашений между равноуровневыми органами исполнительной власти покажет только правоприменительная практика. Однако в некоторых случаях она наверняка может привести к положительному результату, в том числе и для субъектов РФ с нестабильной социально-экономической, политической или экологической ситуацией.

Предпринятая мной попытка анализа реализации конституционных положений о разделении властей, разумеется, не претендует на полноту. Я обратила внимание лишь на некоторые спорные моменты проблемы правовой регламентации статуса высших должностных лиц и органов государственной власти России.

*Непринятие до настоящего времени
федерального конституционного
законодательного акта,
регламентирующего правовой статус
Президента РФ, объясняется в первую
очередь отсутствием указания
на необходимость такового
в Конституции РФ*

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

Александр Нольде. М.М. Сперанский*

Жизнь и труды Сперанского послужили темой многочисленных исследований. С его деятельностью встречается всякий, кто задумывается над основными вопросами государственного развития России в XIX веке. Связанные с его именем конституционные проекты, оставшиеся неосуществленными, коснулись предметов, к которым наша общественная мысль всегда обращалась с неослабевающим интересом. Трудно назвать другого русского государственного деятеля начала XIX века, который оставил после себя такое богатое наследие, как Сперанский.

От судьбы Сперанский получил удел любимца богов, счастье, открывшее широкий простор для приложения дарований, и невзгоды, вызывающие сочувствие и интерес потомства. Слава его деяний усилена и окружена сиянием крупных исторических событий, к которым он был причастен, но эта слава создана им самим, его трудами и талантами. Если Россия XVIII века может гордиться великим ученым, благодаря личным дарованиям проложившим себе пути высшему служению науке, то в начале XIX века таким же самородком, на других поприщах, был Сперанский.

План преобразования считался документом в высшей степени секретным. Оригинал его, то есть окончательный проект, еще в начале 1812 года находился в кабинете императора. Сперанский, указывавший на это в своем первом письме к Александру из ссылки (из Нижнего, в марте 1812 г.) не мог бы знать об этом, если бы к плану иногда не обращались еще в 1812 году. Французский перевод был сообщен принцу Ольденбургскому, а в кабинете самого Сперанского сохранились бумаги, в описи представленные «в собственные Его Императорского Величества руки» (пункт 9), озаглавленные «Проект уложения государственных законов в Российской Империи о державной власти, о правилах избрания Императора, ежели бы линия законных наследников пресеклась и пр.». Нет указаний на то, чтобы записка эта в полном объеме поступила на обсуждение какого-либо совещания, специально для этой цели образованного, или была сообщена кому-либо на заключение. С ней, вероятно, были ознакомлены только отдельные, очень немногие лица по прямому выбору Александра,

и с их стороны могли быть высказаны различные замечания, до нас не дошедшие. Но записка содержала конспект реформ, и для осуществления их надлежало установить их последовательность и постепенность. Сперанский советовал, как видно из других документов, не терять времени и действовать без всякой торопливости, открывать установления не прежде, как все образование его будет изготовлено, и переход от настоящих учреждений к новым устроить так, чтобы он казался самым простым и естественным, «чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтобы ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться, ежели бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия».

Вторым по очереди предметом, которого должно было коснуться преобразование, была реформа министерств. Она была связана с переустройством Совета. Выше уже показано, что Сперанский признавал существовавший порядок неудовлетворительным. Проект нового устройства был разработан им самолично; за время службы в министерстве внутренних дел он убедился в деловом несовершенстве существовавшего тогда переходного порядка от коллегиального к единоличному управлению, который зафиксирован в учреждении министерств 1802 года.

Уже в июле 1803 года министр внутренних дел Кочубей представил государю доклад, содержащий оценку работы новых ведомств, и несомненно доклад был написан Сперанским. Министр стоял далеко от работы своего ведомства; работа по существу производилась в коллегиальных учреждениях, а «департамент», числившийся в каждом министерстве, был только органом сношения с учреждениями, подведомственными министру, и не был органом управления. Отсюда проистекала медленность делопроизводства, множество форм, недостаток ответственности у подчиненных исполнителей. Для осуществления полного преобразования всего государственного механизма требовалось прежде всего отлить и отделать отдельные части будущей машины, а сборка их должна была произойти впоследствии, когда все разрозненное могло стать на свое место и вся машина завертелась бы полным ходом.

Реформа министерств распалась на две части. Прежде всего, устанавливался круг ведомства каждого из них, то есть государственные дела распределялись по этим ведомствам; затем надлежало создать общее учреждение министерств, то есть определить их управление, состав, порядок производства дел, пределы власти и т.п. Соответствующие проекты были разработаны при самом деятельном участии Сперанского и поступили на рассмотрение особого Комитета, состоявшего из председателей Государственного совета и его департаментов.

Распределение дел по министерствам было построено на том начале, что исполнительный порядок есть приведение в действие закона, и разделение управления должно быть такое же, как и разделение законов. Пять главных функций государства различал Сперанский: а) внешние сношения, чему соответствовало министерство иностранных дел; б) устройство внешней безопасности — министерства военное и морское; в) публичная экономия, то есть народная промышленность и финансы, чему соответствовали министерства внутренних дел и финансов; д) устройство внутренней безопасности — министерство полиции; е) устройство и надзор суда — министерство юстиции. Кроме того, в особые управления были выделены дела народного просвещения, иностранных исповеданий, почтовые и путей сообщения, особняком стоял контроль.

Разделение государственных дел было обнародовано в манифесте 25 июля 1810 года. Год спустя было издано общее учреждение министерств (манифест 25 июня 1811 г.), проект которого обсуждался и в Комитете, и в Государственном со-

* Глава III «Осуществленная реформа» печатается с сокращениями.

вете и прошел в общем гладко. Замечания «председателей» были весьма малосодержательны и не существенны; в Совете также не было произведено крупных перемен. Больше прений вызывали проекты учреждений отдельных министерств, которые изготовлялись отдельными ведомствами и затем исправлялись Сперанским по замечаниям Комитета. Таких сношений с министрами было у него немало, и, должно быть, они доставляли ему много хлопот. «Здесь каждый министр, — писал он потом Александру из Перми, — считая вверенное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми, и деньгами. Тот, кто прикасался к сей собственности, был явный иллюминат и предатель государства, — и это был я. Мне одному противу осьми сильных надлежало вести сию тяжбу. У одного министра финансов <Гурьева>, не говоря о других, убавлены целые два департамента и сверх того несколько отделений и таким образом уменьшены штаты ежегодно более ста тысяч рублей». Приходилось много переделывать в проектах — «можно ли сего достигнуть, не прослав душепителем всякого добра, человеком опасным и злонамеренным».

Дело двигалось медленно, так что одновременно с общим учреждением были обнародованы частные только для министерств финансов и полиции. Сперанский прекрасно знал, что не было разницы между положением министерств в 1811 и в 1813 году, когда он писал свое оправдание, знал он также, что конституция России не была дарована и что, следовательно, в ряде государственных установлений они занимают совсем не то место, которое для них предназначается.

От этого пострадали прежде всего основные идеи, столь определенно проводимые в плане Сперанского «идея законности» и идея политической свободы. Было создано новое и более совершенное, чем прежнее, орудие для верховной власти, которая осталась такою же полновластною, какою и была раньше. По учреждению 1811 года каждое министерство представляет собою как бы пирамиду, во главе которой поставлен министр; ему предоставлена некоторая распорядительная власть, и по всем делам своего ведомства он, и только он, сносятся с высшими властями. Обратное, прямо и непосредственно через него эта высшая власть может действовать на все дела его ведомства; воздействием на вершину приводилась в движение вся пирамида, самое слабое давление на вершину отражалось и на ее дне.

Для успешного производства дел ведомство делится на департаменты, которые дробятся, в свою очередь, на более мелкие подразделения, и министр имеет дело с одним, ему прямо подчиненным лицом, а начальник среднего ранга — с еще более малым чиновником. Одним словом, каждое «дело», каждая «бумага» проходила путь, по крайней мере в теории, простой и быстрый; с точки зрения бюрократической, каждое дело, попадая в руки мелкого чиновника, «усовершенствовалось» по мере обработки и в наиболее совершенном виде доходило до главы ведомства и от него шло дальше. Всегда можно было найти «ответственное» перед своим начальством лицо, всегда можно было на него воздействовать; прежние, столь искусно использованные прикрытия, за которыми прятались прежние приказные, вроде коллегий и присутствий, были устранены. При министерствах, правда, сохранились совещательные учреждения, советы и т.п., но роль их была строго ограниченная, и компетенция тоже.

«Министерство», в смысле суммы исполнителей, было послушным орудием в руках своего главы, — иным оно и не должно быть, эта мысль проходит через все частности и детали устройства, а цель их, «чтобы доставить законам скорое и точное исполнение», должна была обеспечиваться ответственным положением этого главы. По плану преобразования надзор осуществлялся Государственной думой.

Многое можно было бы приводить за и против такой постановки министерской власти в общем плане преобразования, можно предлагать различные коррективы для обеспечения законности ее действия в целом и деятельности отдельных министерств как ведомств, но здесь важно напомнить, что та форма, в которую практически вылилось это детище Сперанского, не выражает основной его мысли и что построение такого бюрократического механизма, несомненно искусное, произошло при обстановке, на которую он не рассчитывал.

А затем жизнь взяла свое, Сенат не был преобразован; Комитет министров, по плану Сперанского подлежавший совершенному упразднению, напротив, приобрел еще большее влияние. Благодаря этому создалась ширма, отгораживавшая монарха от других установлений, также не бесполезных для охранения, хотя бы и в скромных размерах, начала законности. В Комитете министров, говоря словами декабриста Батенькова, «как на большой дороге толпились все неурядицы, беспорядки и несправедливости», «ничего не можно было придумать к прикрытию всех беспорядков перед государем и к обнажению его одного лица перед народом». Мелкие сошки сумели сделать себе новые лазейки из новых материалов, которые они, конечно, разыскали в учреждении министерств, и бюрократический порядок, столь искусно задуманный Сперанским, в этих опытных руках получил совсем не то направление, ради которого был устроен. А еще позднее, в конце царствования Александра, Аракчеев заслонил собою все, и Совет, и Комитет министров, да и всех отдельных министров, если не считать министра иностранных дел и финансов. Коротко говоря, вследствие незаконности преобразования на практике получилось как раз то, чего хотел избежать Сперанский, сочиняя свой план; правление самодержавное было облегчено внешними формами закона, в существе его осталось то же пространство, как раньше, и, пожалуй, даже еще большая сила; оно сделалось, если можно так выразиться, еще интенсивнее, оттого что получило более усовершенствованные орудия. К истинному нашему несчастью, страшное орудие угнетения, выкованное военной диктатурой посреди хаоса революции, водворено в стране, где в течение веков народ работал над созданием ничем неограниченной верховной власти и где — вот тут только ошибся Кавелин — по самому составу общественных элементов политические социальные перевороты невозможны. Но следует признать, что в существе своем всякое усовершенствование государственного управления в монархии абсолютной практически должно приводить к усилению, может быть и временному, самовласти, и что в частности возможность такого исхода чувствовал сам Сперанский, но вовсе его не желал; это случилось, но против его воли.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ускользающий мир. Коллектив авторов.

Название этой книги подчеркивает особенность современного мира и общества — их изменчивость, сложность их познания. Но совершенно очевидно, что познание необходимо, ибо стремительные перемены в нашей жизни несут с собой отнюдь не только новые блага, но и новые вызовы и угрозы, побуждающие науку, общественную мысль искать возможности воздействия на социальное развитие. Однако и такое воздействие — проблема чрезвычайно сложная, дискуссионная, поскольку оно само по

себе может диктоваться той «пагубной самонадеянностью», которая уже принесла людям немалые беды. В своих интервью авторы книги – специалисты в различных областях знания, представляющие новые поколения исследователей (от 25 до 50 лет), – размышляют о новых реальностях России и мира, о потенциале креативности современной российской общественной мысли. Все они в той или иной мере уже заявили о себе в сфере науки, политики, бизнеса, общественной, культурной, духовной деятельности.

ПРОГНОЗИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ НЕВОЗМОЖНО*

М.Ф. Черныш,

социолог, кандидат философских наук

– Михаил Федорович, вам как социологу близок сегодняшний дискурс о взаимосвязи глобальных процессов и особенностей включения в них России, о кризисе цивилизации, переходе человечества в качественно новое состояние? Вы озабочены этим?

– Если честно, то, находясь здесь, в России, в Москве, можно сказать, на мировой периферии, я этого качественно нового состояния человечества не отмечаю. Да, проявляются важные тенденции, идет развитие информационных технологий, письма теперь можно друг другу слать по электронной почте, в Интернете газеты читать. Но вот качественно нового состояния я не наблюдаю. Идет, конечно, процесс глобализации, а значит, все, что происходит в современном мире, влияет на нашу жизнь. Но в самой этой жизни за последнее время произошло столько всякого рода катаклизмов, что вычленив момент глобализации, определить, в чем он, собственно, состоит, довольно сложно. Я озабочен, скорее, проблемами нашего российского общества.

– Но вовлеченность в процесс глобализации все-таки объективна.

– Ну да, безусловно. Хотя я не стал бы рассматривать это как некое абсолютно новое явление. Все началось, наверное, с «оттепели», с того времени, когда на советских экранах появились иностранные художественные фильмы, а на полках магазинов – западные книги, когда имена зарубежных писателей, актеров стали обиходными, популярными в нашем обществе. Вот тогда, по мере постепенного включения в мировую культуру, обретения населением новых ценностей, уже можно было бы говорить о нашем вовлечении в процесс глобализации. А под новыми ценностями я подразумеваю прежде всего ценности потребления – консюмеризм. Наше общество становилось консюмеристским, ориентированным на потребление.

– Уже в 60-е годы?

– Да, эволюция началась в 60-е годы. Безусловно. Именно тогда на съезде партии было сказано, что главная цель КПСС заключается в постоянном и неуклонном подъеме жизненного уровня трудящихся. Поменялись приоритеты. Если раньше речь шла о мировой революции, коммунизме, достижении социальной гармонии, то теперь – о подъеме жизненного уровня как главном законе социализма. По сути, было объявлено, что да, коммунизм существует только как горизонт, а достижимой, реальной, отвечающей интересам и потребностям большинства населения целью является рост жизненного уровня. Началась переориентация общества на консюмеристские ценности.

* Печатается с сокращениями.

– То есть вы считаете, что у нас шло (и идет?) эволюционное развитие? Никакого качественного скачка, никаких «свежих ветров» перестройки – просто новый этап эволюции общества?

– Я считаю, что да. Перестройка явилась не столько началом чего-то, сколько завершающей фазой того процесса, который обозначился значительно раньше. Я воспринял ее как пролог к какому-то будущему катаклизму. Стало очевидно, что реактор разгоняется и рано или поздно рванет.

– Обратимся к вашей основной теме. В среде социологов вы известны как исследователь социальной структуры общества, процессов его дифференциации. Вами действительно движет научный интерес, личная заинтересованность в углублении анализа этой темы?

– Структурные проблемы меня серьезно интересуют, и прежде всего потому, что в этом я вижу некую ячейку анализа нашего общества, его нынешнего состояния. Уровень социальной дифференциации, который мы сейчас наблюдаем, – это ключевая проблема, обрастающая массой других проблем. Например, проблема среднего класса. Почему в России нет среднего класса? Ведь нельзя же говорить о том, что у нас недостаточно ресурсов, – это неправда, у нас довольно богатое общество. Но проблема социальной дифференциации – это еще и проблема формирования определенной системы ценностей, целевых ориентаций. Мы сейчас классовое общество, уровень социального неравенства в котором предопределяет наличие замкнутых социальных групп. Поэтому различны и формы представительства их интересов в институтах государства. Если взглянуть на Государственную думу и задуматься: чьи интересы воплощают те партии, которые сейчас в ней представлены, скажем «Единая Россия»? Среднего класса? Нет, интересы бюрократии. А Коммунистическая партия? Опять-таки интересы бюрократии, никак не рабочих. Она почти всегда подписывалась под бюджетами, в которых интересы рабочих не фигурировали, и поддерживала документы, которые шли вразрез с этими интересами. Тоже партия бюрократии, но другой – бюрократии среднего уровня, скорее провинции, нежели федеральной, московской.

– Служащих, чиновников, которых обычно как раз называют средним классом и вместе с тем, во всяком случае в быту, – бюрократами?

– Нет, я бы развел эти понятия. Средний класс – это, скажем так, класс специалистов, занятых в рыночных отраслях экономики, в то время как служащий, с моей точки зрения, выполняет какие-то рутинные операции. Специалист – это человек, способный генерировать идеи, управлять производственными процессами, находить решения сложных проблем. И это именно та категория людей, которая составляет большинство среднего класса; плюс менеджеры достаточно высокого уровня, управленцы – вот его ядро. Бюрократия же в России, на мой взгляд, – совершенно отдельный класс. Осознав собственные интересы, она демонстрирует высокий уровень социальной активности, продавливая нужные решения через государственные органы, используя для этого систему общественных организаций.

– Вы выделяете буржуазию как класс?

– Конечно. Крупная буржуазия составляет в российском обществе сейчас, думаю, 1–2 процента. Если говорить о сложившейся в последнее время структуре, то надо упомянуть и так называемый старый средний класс – мелкая бур-

жуазия, по Марксу. Сейчас она занимается, скажем, тем, чем занималась всегда, — мелкой торговлей и услугами. На сегодняшний день она составляет 2–3 процента населения. Безусловно, есть класс наемных рабочих (процентов 30) и крестьянство (15–20 процентов).

— *Наемный рабочий или просто рабочий – какое различие?*

— Один трудится, скажем, на промышленном предприятии, другой — индивидуально, причем имеет достаточно низкий уровень квалификации. Такой класс существует, но в российском обществе это то, что называют «слабым классом», — он раздроблен, не имеет своих общественных организаций, вожakov, лидеров. Класс в себе, как и крестьянство, которое, на мой взгляд, находится в самом тяжелом положении. Если в прошлом у крестьян были какие-то каналы социальной мобильности, возвышения, была система социальной протекции со стороны государства, то сейчас они всего этого лишились. И вообще о них, об их проблемах почти не говорят. Они не есть часть структурного дискурса, даже в социологической литературе.

— *А наша бывшая интеллигенция – учителя, врачи, ученые, так называемый промежуточный слой?*

— Социальные слои — это совершенно другой подход. Существует концепция стратификации, и вот в рамках этой концепции вполне допустимо использовать понятие «слой». Раньше пытались выявить слои внутри классов, но, на мой взгляд, это была очень натянутая схема. Здесь мы все-таки должны использовать понятия «класс» и «группа внутри класса». А наша бывшая интеллигенция разложилась, распалась на разные составляющие. Небольшая часть откочевала в средний класс. Большинство осталось на положении социальных маргиналов и сейчас не представляет собой какого-то отдельного класса.

— *В нашем разговоре не присутствует еще одна социальная группа – элита. Каково и где ее место?*

— Тоже очень туманный термин. Кто-то пытается представить элиту как некую единую группу. Кто-то изучает высшие слои бюрократии и буржуазии, считая их элитой. Существуют и другие достаточно высоко позиционированные слои, которые можно было бы рассматривать как элиту, скажем творческая элита, военная элита. Но я этот термин не употребляю, и в классовую структуру такая категория не входит.

Процесс структурирования российского общества только развивается, начиная примерно с 1992 года. ...Сейчас, с появлением реального рынка труда, с началом дифференциации по степени владения собственностью на средства производства и начали зарождаться классы. Как в итоге сложится новая структура — сказать трудно. Пока уровень социальной дифференциации — математически — крайне незначительно изменился по сравнению с серединой 90-х.

— *Государство как-то пытается влиять на этот процесс?*

— В какой-то момент оно было вовлечено в него самым активным образом. Собственно говоря, большая часть наших капиталистов — это назначенцы государства. Оно совсем было слилось, почти по Марксу, с буржуазным классом, только, наверное, наоборот: по Марксу, буржуазия подчиняет себе государство, а здесь государство создало буржуазию и практически слилось с ней. Стоит посмотреть на мобильность между позициями государственных чиновни-

ков и управляющих высокого уровня в частных компаниях. Или на родственные связи, влияющие на назначения. Но с некоторых пор государство пытается дистанцироваться от буржуазии и стать относительно независимым игроком. Время покажет, насколько это возможно.

— *И все же, Михаил Федорович: ваши исследования, наблюдения, научный багаж позволяют уже сейчас говорить о явно наметившихся тенденциях?*

— О долгосрочных тенденциях — нет. Могу сказать только о том, что было бы желательно. Конечно, было бы желательно, чтобы средний класс укрупнился и вырос хотя бы до размеров среднего класса в Малайзии, то есть до 30 процентов. Желательно, чтобы средний уровень заработной платы составил хотя бы 500 долларов. Да, мы при этом не будем Европой, но станем хорошей европейской периферией, типа Греции или Турции (что не так плохо по сравнению с тем, что мы имеем сейчас). Желательно, чтобы не было окончательно демонтировано социальное государство в России, а чтобы, наоборот, оно наполнилось некоторым реальным содержанием.

— *Насколько возможна, по вашему мнению, сознательная коррекция социальных процессов?*

— Здесь я согласен с Поппером: корректировать социальные процессы можно в частности, но в общем — взять и все общество перевести на другие рельсы, выкрутить его в целом к позитивному развитию — невозможно. Все это оборачивается большими трагедиями, чему история нас неоднократно учила, но, по-моему, так и не научила. Можно сознательно влиять на процесс, но для этого нужно улучшать положение дел в отдельных отраслях экономики, отдельных сферах жизни.

— *Россия периодически пытается выработать собственный, так называемый третий путь развития.*

— И ничего не выходит. Она явно идет к тому, чтобы быть периферийной частью Европы.

— *Но научная и общественная жизнь в последние 10–15 лет, казалось бы, кипит. Невозможно упомянуть всех институтов, фондов и т. п. (в основном недавно созданных), где обсуждаются наши проблемы и перспективы. Это знак свободы общественной мысли?*

— Это способ существования элитных групп. Что такое интеллектуалы без дискуссий? В том числе по поводу того, куда мы идем. Собственно, этот класс и называется телеологическим, чтобы формулировать общие идеи относительно происходящего. Но эти идеи имеют опосредованное отношение к реальным событиям.

Периодически возникает всплеск интереса к поиску так называемой национальной идеи. А, на мой взгляд, это отчасти происки власть имущих, которые хотели бы консолидировать общество таким образом, чтобы на фоне этой консолидации было незаметно резкое усиление социального неравенства, что, собственно, их усилиями и создано. Если Потанин — наш, и какой-нибудь безработный — наш, то все мы из одного племени. Еще и зарплату по Москве посчитать «в среднем». Как хорошо! И в этом смысле Маркс прав: правящий класс всегда ищет способы консолидации собственной позиции при помощи подходящей идеологии. Это первое. Второе: национальная идея нужна тогда, когда существует проблема униженного национального достоинства. Можно сказать: «Да, мы, конечно, очень отсталые, у нас все

станки заржавели. Зато мы — носители высокой духовности, а вы там погрязли в потребительстве». Есть национальное бытие, но национальная идея из него никак не проистекает.

Вообще печальный опыт обществоведения учит нас, что прогнозировать будущее невозможно.

— Вы считаете, не хватает мозгов?

— Нет, думаю, с мозгами у нас все в порядке. Просто в России в процессе пост-модернистской индивидуализации все мозги уплыли в другие сферы. Никому не интересно заниматься разработкой общих концепций развития российского общества. Каждый хочет, если у него есть мозги, реализовать их в конкретной сфере, себе на благо. Что угодно, только бы это приносило прибыль и каким-то образом помогало жить. А прекраснодушно мечтать о будущем... Сейчас все очень прагматично.

— В таком случае, в чем смысл и роль вашей научно-исследовательской деятельности?

— ...Считаю, что я своей работой вношу, может быть, не очень значительный, тем не менее вклад в процесс социальной рефлексии, рефлексии общества по поводу самого себя. Вот мы говорим о социальном неравенстве. Кто-то должен эту структурную тему позиционировать, она должна встать на повестку дня? Об этом заговорил один человек, второй, третий, четвертый. Это означает, что тема будет проникать в научный дискурс, средства массовой информации, начнет растекаться по обществу, заденет умы людей. А значит, в обществе будет делаться что-то по устранению проблемы. Идеалом все-таки является гуманное общество. Я не назову его капиталистическим или социалистическим. Я назову его гуманным. Общество, в котором будут господствовать несколько иные нравы, чем те, которые мы наблюдаем сегодня. Я — за комфортность нахождения в человеческом сообществе. Этого можно достичь только через улучшение нравов. А нравы, по Пушкину, — вполне конкретное поведение одного человека по отношению к другому. Всего лишь.

— Многих тревожит духовный кризис, который переживает человечество, предельное обесценивание жизни человека и вместе с тем тщетность поисков ее высокого смысла. Вы разделяете эту тревогу?

— Да, разделяю и считаю, что к обесцениванию жизни приводит крайняя степень индивидуализации людей — процесс, который мы сейчас наблюдаем. Попытка людей создать для себя конюмеристский рай (на языке социологии — потребительское счастье) в некоторых странах практически удалась. Но оказалось, что удовлетворение материальных потребностей как постоянно развивающийся процесс сам становится целью — и отдельной личности, и общества в целом. Однако и конюмеризм, наверное, подходит к своим пределам — ресурсы-то общества исчерпаемы. Это какой-то духовный тупик, который через кризис приведет общества к осознанию необходимости новых направлений эволюции.

Два шага назад без шага вперед

Александр Волков,
доктор исторических наук

Реформа: два подхода к оценке

Общественная дискуссия по поводу радикальной политической реформы, предложенной президентом Путиным, сочетает в себе практические и теоретические аспекты. Особенно это касается проблем демократии. Например, наши юристы-государственники убедительно разъясняют, что у демократии нет шаблонов — может быть президентская республика, может быть парламентская, выборы могут проводиться по одной схеме или по другой. Действительно, демократия всегда имеет некие конкретные формы, соответствующие реальным условиям. Однако это статический подход. По изменениям этих форм, по их развитию применительно к изменению условий всегда можно судить, идет ли дело к расширению демократических свобод или к их свертыванию.

Предлагаемая, в частности, пропорциональная система при выборах в парламент, то есть избрание депутатов исключительно по спискам партий, вполне демократична, если рассматривать ее теоретически, вне привязки к конкретным обстоятельствам. Но в стране, где партии еще не сложились как устойчивые образования, где и левое и правое крыло ущербны, а некая якобы центристская, по сути же придворная чиновничья партия обладает господствующими позициями, отказ гражданину в праве выступать на выборах самостоятельно, в качестве независимого политика, и принуждение его таким образом к вступлению в ту или иную политическую организацию, если даже ни одну из них он не считает для себя

приемлемой, — это, несомненно, шаг назад в развитии демократии. То же самое и с губернаторами. Вчера люди могли избирать их непосредственно, а сегодня не могут оказать на выдвижение и утверждение главы своего региона практически никакого влияния, и даже избранные ими депутаты ограничены в своем выборе тем, что кандидатов предлагает президент, то есть депутаты даже не могут предложить на высший в регионе пост человека, которого они хорошо знают — это тоже шаг назад.

А где же хоть один шаг вперед?

Быть может, его следует искать в иной сфере, то есть не заикливаться на демократии самой по себе, а взглянуть на проблему шире, с позиций масштабного видения интересов страны и ее граждан?

Нам это как раз и предлагается. Есть точка зрения, что намеченные меры повысят эффективность деятельности государства, и это мотивируют прежде всего повышением безопасности граждан. Более того, наша общественная дискуссия родила такую очередную альтернативу: либо спасение страны и нации, либо сохранение в России демократии. То есть две эти задачи некоторыми участниками дискуссии прямо противопоставляются.

Паутина ложных альтернатив

Говорю «очередную альтернативу» потому, что в каждый сложный момент постсоветской истории, особенно если власть оказывалась беспомощной в решении возникших проблем, нам предлагались подобные варианты выбора, например: либо возврат в со-

ветское прошлое, либо «демократура» (то бишь демократическая диктатура — уродливое изобретение Гавриила Попова); либо власть террористов, либо власть спецслужб (Виталий Третьяков); либо наведение по-

Высшие органы власти всех уровней в России, по данным социологов, более чем наполовину укомплектованы представителями спецслужб и правоохранительных органов

рядка «железной рукой», либо бунт «бессмысленный и беспощадный» (и это уже не Пушкин; автор, можно сказать, коллективный: это довольно распространенное у нас убеждение, почти фольклор). Такие альтернативы преподносятся обычно как якобы единственное, из чего можно выбирать. А на самом деле всякий раз это было завуалированное навязывание одного варианта решения, которое выглядело предпочтительнее в сравнении с другим. То, что это были ложные альтернативы, сейчас доказывать не надо: это доказала история.

Теперь вот некоторые авторы, заверяя читателей или слушателей в своем стремлении к объективности, в желании встать над дискуссией тех, кто «за» и кто «против» реформ, порой подчеркнута противопоставляя Америку и Европу России в доказательство, конечно, ее самобытности (как будто другие страны не самобытны, ну просто близнецы) и, следовательно, в доказательство непригодности для наших условий опыта Запада, убеждают нас в следующем. Для Путина и для страны категорическим императивом является сохранение России, а уж приоритетом второго ранга — демократия. Соглашаются даже с очевидным: что реформа будет иметь следствием выход за пределы конституционного поля «если и не по букве, то по духу», То есть превращение страны из федерации в унитарное государство, ограничение сферы действия демократических выборных процедур и переход в какой-то части от непосредственной

демократии к плебисцитарной, то есть «наименее демократичной форме демократического устройства». И в этом смысле данная реформа есть шаг назад в демократическом развитии. Однако, несмотря на такие потери, нас уговаривают, что Путин сделал правильный выбор: сначала сохранение России, пусть даже в ущерб демократии, а уж потом забота о демократическом устройстве общества. Это вопрос приоритетов, и иерархия их безупречна.

Не знаю, действительно ли логика Путина такая, какая ему приписывается. Нередко его публичные высказывания звучат иначе. А вот логика подобных апологетов реформы полна абсурдов.

Возникает ряд вопросов. Прежде всего — почему противопоставляются задачи сохранения России и демократии в России? Откуда возникло представление, будто для страны безопасность (во всех отношениях) выше, если о ней заботится только верховная власть, а не все общество, проявляющее инициативу и активность? Кто доказал, что унитарное государство в условиях, когда население страны многонациональное, крепче стоит на ногах, чем федерация? Откуда убеждение, что тоталитарное или авторитарное государство эффективнее, чем опирающееся на открытое, свободное гражданское общество? Проще: верно ли, что диктатура в каком-либо смысле надежнее, чем демократия? Если все это не доказано, то названное противопоставление не имеет смысла.

Ссылаются порой на режимы Франко и Салазара, где будто бы безопасность граждан была выше, чем в условиях большей их свободы. Но эти режимы пали, а легенда об их безопасности по меньшей мере устарела, если даже когда-то в некоторой степени была верна. Не случайно же XX век стал веком крушения диктаторских режимов, их политического, социального, нравственного банкротства. И не только в Европе, но и во многих странах Латинской Америки, Африки, Азии. Оставим тем же испанцам и пор-

тугальцам право судить, когда для них жизнь была безопаснее и лучше, обратимся к своей истории. Вспомним прежде всего товарища Сталина. Даже неловко уже повторять ту истину, что множество людей погибло от организованных им репрессий, множество жертв страна понесла оттого, что режим не подготовил ее к войне, а подорвал ее силы хотя бы теми же репрессиями в среде военных, вообще ослабил ее мощь, заявляя вместе с тем претензии на мировое господство. Да, в конечном итоге мы победили, но какой ценой! Вспомним и совсем недавний распад Советского Союза, и среди причин развала великой державы, несомненно, присутствовала та, что это было по сути унитарное и отнюдь не демократическое государство, что нам не удалось создать эффективно функционирующую федерацию или конфедерацию. И это уже, замечу, в эпоху, когда формировался Европейский союз, на практике доказывая выгоду объединения народов и государств, только на новых, демократических основах. Среди причин распада и то, что неповоротливое авторитарное государство, требовавшее согласования любого шага в экономике с высшей властью, привело страну к безнадежной отсталости в сравнении со свободными, демократическими странами и что великая держава надорвалась в гонке вооружений.

Период президентства Путина тоже отнюдь не подтверждает мнения, что режим сильной централизованной власти несет гражданам большую безопасность, чем развитие по пути демократии и гражданских свобод. Не подтверждает надежд, что «железная рука», наводящая «порядок», эффективнее усилий свободного общества, граждан, способных к самоорганизации. Высшие органы власти всех уровней в России, по данным социологов, более чем наполовину укомплектованы представителями спецслужб и правоохранительных органов. Финансирование и полномочия спецслужб нарастали все эти годы. Но сам президент признал, что именно такая система оказалась неспособной противостоять террору и ее необходимо кардинально перестроить. Как? Наши политические «элиты» слишком

быстро и охотно согласились с предложениями президента, идущими в том же, что и прежде, русле — не развития, а сужения демократии, повышения роли не гражданского общества, а силовых структур, продвижения к унитарному государству.

Среди доводов в пользу проводимых реформ звучит и тот, что демократия у нас плохая. Мол, нечего и жалеть такую демократию, тем более ради сохранения России. С описанием пороков нашей системы трудно не согласиться. Но что делать? Некоторые предлагают поступить с нею как в известном анекдоте с чумазыми цыганятами: не отмывать их, а надеть новые. «Фактически эту демократию у нас нужно строить заново и растить снизу» (Виталий Третьяков). Сколько же времени придется растить, да еще в условиях ущемления прав граждан, при тех последствиях реформ, о которых говорилось выше? Гораздо более радикальный рецепт предложил как-то в телепередаче кубанский губернатор Ткачев. Он высказался в том духе, что, будь его воля, он отменил бы все выборы, потому что народ не дозрел до способности решать, кому править страной или регионом. А ему, губернатору, гораздо проще действовать, особенно в экстраординарных обстоятельствах, если он назначен и уполномочен президентом, перед ним только и ответственен, а не перед этим незрелым народом. Что ж, сказано, по крайней мере, откровенно, без мудрствований по поводу приоритетов. Но ясно же: если, исходя из незрелости электората, так и не подпускать его к избирательным урнам, он не созреет до демократии никогда; а если расширять свободы, в людях будет развиваться чувство собственного достоинства, а вместе с ним — и ответственности за свой выбор и за свои действия.

Временные меры могут менять общество навечно

У нас некие особенные меры, представляющие собой то или иное отступление от демократических принципов, предлагают чаще всего временно, вот только на данный острый момент. В сегодняшнем случае — на

время, пока победим терроризм. Но с терроризмом, на мой взгляд, радикальную политическую реформу связали не очень-то обоснованно и корректно: ясно, что она вынашивалась задолго до последних терактов и имеет куда более масштабные цели. Что же касается временного характера тех или иных ограничений свободы или отступлений от демократических принципов, то, по моему мнению, в этом смысле очень интересен один исторический эпизод.

Излагая суть спора между двумя экономистами — Кейнсом (государственником) и Хайеком (апостолом либерализма) — современный биограф Кейнса Роберт Скидельский рассматривает не только вопрос о пределах вмешательства государства в экономику, на чем главным образом сосредоточено внимание спорщиков, но и гораздо более широкую проблему — возможности любого ограничения свобод. Хайек считал поползновения государства в этом направлении шагом к тоталитаризму, «дорогой к рабству» (это обозначено в заглавии одной из его книг). Кейнс возражал, утверждая, что «опасные действия» могут безболезненно совершаться в обществе, которое «думает и чувствует правильно», и мостить дорогу в ад, когда это действия людей с порочными мыслями и чувствами. Соглашаясь частично с Кейнсом, его биограф замечает, что иметь в войне руководителем Черчилля надежнее, чем Гитлера, даже притом что организация обеих стран в военное время была тоталитарной. Примеры, продолжает он, можно множить: безопаснее, чтобы иммиграционные законы принимали либералы, а не расисты, чтобы ограничительные правила вводились людьми, которые их терпеть не могут, а не теми, кому они нравятся. Однако общество, в котором «опасные действия» правительства идут «непрерывной цепью», будет постепенно терять понимание, почему они, собственно, опасны.

Это не о нашем обществе сказано. Его-то и не назовешь пока тем, что «думает и чувствует правильно», не назовешь развитым и стабильным гражданским обществом. Это значит, что любые «опасные меры» у нас опасны вдвойне.

А может быть, есть шаг вперед?

Но может быть, «шаг вперед», компенсирующий названные отступления в развитии демократии, — это предложенное президентом создание Общественной палаты, которая должна стать гласом гражданского общества и контролировать действия правоохранительных органов, чиновничьих структур. Нам неясно еще, как предполагается создавать такую палату, в каком составе, с какими полномочиями. Но зато хорошо известна судьба подобных, то есть созданных самой властью, органов контроля ее структур — судьба ленинских рабоче-крестьянских инспекций, более позднего «народного контроля», а также «советов при Чингисхане», как острят коллеги-журналисты, типа президентского совета при Ельцине. Они неизменно превращались в органы, лишь имитирующие общественный надзор над властными структурами...

Хочется задать в этой связи более общий вопрос — в духе дискуссий древних схоластов: может ли создатель создать такой орган, который будет его же контролировать? Можно, конечно, надеяться на это, но в такой же примерно степени, как и на успех в борьбе дружинников из народа с хорошо вооруженными террористами.

Кто же, кроме чиновников, не будет радоваться, если очередной эксперимент властей все же удастся? Но сравнится ли эта удача с деятельностью независимой от государства прессы, которая по природе своей должна быть голосом гражданского общества и средством обеспечения прозрачности в деятельности государственных органов? По крайней мере, можно сказать одно: сама Общественная палата не сможет эффективно действовать без опоры на такие СМИ.

Но почему я сопоставляю потенциальную эффективность создаваемого нового органа и прессы? Естественно, потому, что пресса и телевидение в последнее время испытывают большой нажим со стороны властей; на мой взгляд, в ущерб развитию гражданского общества и в противоречии с высокими заявлениями о важности этого процесса, необходимости его поддержки.

Роберт Смитсон. Спираль. 1970

Известно, что с экрана наших телевизоров одна за другой исчезали самые популярные аналитические передачи. У каждой из них своя история, свои лежащие вроде бы на поверхности причины исчезновения, так же, впрочем, как и у исчезнувших или резко изменивших свое лицо печатных изданий. Однако чаще всего сквозь эти внешние проявления просматривается нечто более глубокое, а именно — действие инстинкта власти, суть которого — ее самосохранение или, употреблю неловкое слово, самоохрана.

Власть постоянно и чутко улавливает любую опасность для себя, откуда бы она ни исходила. От свободных средств массовой информации она, кажется, исходит всегда, поскольку СМИ отражают малейшее недовольство населения, контролируют каждый шаг власти, иницируют в обществе мнения и действия независимо от власти, без ее одобрения, а порой и вопреки ее замыслам. Такова природа и, если хотите, смысл существования СМИ. Это-то и превращает прессу и телевидение из инструмента государства в институт гражданского общества, способствующий самому его становлению и совершенствованию. Но это

может ошибочно восприниматься властью как агрессия, и тогда она начинает действовать даже в ущерб собственным интересам. Вот строки из осеннего номера «Русского курьера»: «Журналисты, после выступления Плигина выходите из зала! — скомандовала сотрудница пресс-службы Комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству. Кажется, такое в Госдуме произошло впервые. В чем же дело? В нижней палате российского парламента состоялась необычайная встреча-консультация. Встречались члены рабочей группы по разработке анти-террористических поправок в законодательство. Консультируясь при этом с представителями национально-культурных и религиозных организаций». Какую опасность для общества представляли в этом случае журналисты, их присутствие при обсуждении? Ответ очевиден: никакой. Какую пользу могло бы принести присутствие журналистов на встрече? Полнее и достовернее была бы информация общества о работе депутатов.

Но, к сожалению, ладонь какого-нибудь омонивца или охранника, закрывающая

объектив телекамеры, становится символом нашего времени.

Прессу постоянно упрекают в том, что она выражает те или иные частные интересы в противовес общественным, говорят, что она продажна. Но что такое общественный интерес, если не абстракция? Разве что — частный интерес государственной бюрократии, выдаваемый за общественный. Общественный или, лучше сказать, общий интерес граждан (страны, региона) только и может родиться в процессе столкновения частных интересов, различных мнений, желательно, разумеется, с разрешением спора мирным, цивилизованным путем. Общественные институты, даже государство, могут этому способствовать, и свобода выражения мнений, прежде всего через печать, открытость во взаимодействии интересов — наиглавнейшее для этого средство. Основной инстинкт власти должен бы ориентировать ее на бережную охрану СМИ — хотя бы по аналогии с законами природы: если в лесу уничтожают его санитаров, даже, казалось бы, вредных хищников, вся живность деградирует.

И — надо разобраться с врагом

Нам объявлена война. Враг у ворот. Страна в осаде. Внутри страны действует пятая колонна. Надо сплотить нацию на борьбу с врагом.

Все это слова из выступлений наших высших руководителей и высших чиновников, аргументирующие «укрепительные» реформы. На мой взгляд, эти «художественные образы» лишь подменяют столь необходимое сейчас точное, юридически и политически строгое определение происходящего с нами, затмевают его реальный крайне опасный смысл.

«Враг у ворот» — слова из интервью одного из высших чиновников. Простите, у каких ворот? У Боровицких, у иных кремлевских? Ведь все другие ворота, включая и московские заставы, враг, если мы говорим об одном враге — террористах, многократно прошел. Или не об одном? Буквально следующая за «воротами» фраза такая: «Фронт

проходит через каждый город, каждую улицу, каждый дом». Так бывает и так обычно говорят о гражданской войне, которой пока, слава богу, вроде бы нет. Помнится, ходил анекдот об одном из наших генеральных секретарей, будто, когда ему звонили или стучали в дверь, он надевал очки и по бумажке читал: «Хто там?» Но это был старый и больной человек, а нами сейчас руководят в основном молодые люди. Почему же они не могут ясно и просто сказать нам, гражданам России, кто враг, «хто там», за воротами или на улицах, с кем идет война, против кого должна дружно восстать нация? Террористы — это, конечно, ясно, но ведь вроде уже установили, что терроризм бывает разный, террор используют различные люди, в разных интересах и целях. И он действительно нетерпим во всех своих проявлениях.

Ныне в обществе присутствуют и конкурируют по крайней мере несколько точек зрения.

Самая простая и легко воспринимаемая из них — против России ведут войну чеченские сепаратисты, которые получают финансовую поддержку прежде всего со стороны радикальных исламистов и вербуют наемников всех мастей (негр, который оказался среди убитых бандитов в Беслане, — просто наемник, не более того, он отнюдь не представитель африканского континента и не «вещественное доказательство» действия в нашей стране международных сил). Исходя из этих представлений, нужно прежде всего наладить нормальную жизнь в Чечне, искать опору в борьбе с терроризмом в ее народе.

Другая распространенная версия — это война исламских фундаменталистов, радикалов уже не только против России, но и развитых стран, всего христианского мира. Этой точке зрения близка теория конфликта цивилизаций, одна из которых навязывает другой свой образ жизни, свои стандарты, не позволяя людям жить по собственным законам, в соответствии со своими традициями, и на этой почве происходит «милитаризация конфликта мировоззрений».

Третья точка зрения: против нас ведут борьбу некие мировые элиты, включающие

государственных деятелей ряда стран, высших военных, финансовых воротил, владельцев транснациональных корпораций. Их цель — установление мирового господства: экономического, политического, идеологического и самообогащение не за счет захвата чужих территорий, как было прежде, а с помощью подрыва могущества тех держав, которые способны противостоять установлению такого господства (пожалуй, наиболее внятно и целостно эту концепцию изложил генерал Ивашов).

Не берусь анализировать и оценивать все эти взгляды, судить, что верно и что нет, тем более что они не подкреплены сколькими-нибудь серьезными, скажем, документальными доказательствами. Склоняюсь скорее к первой точке зрения, множественные акты терроризма в мире мне представляются не обязательно связанными между собой. Главное же, на что я хочу обратить внимание: даже названные три точки зрения настолько различаются в определении врага, нас атакующего, что предполагают совершенно разные формы отпора ему. Возникает вопрос: у нас нет разведки, нет аналитиков, нет ученых, мобилизовав которых наши высшие власти могли ясно ответить, с кем именно нужно бороться, собрав все силы нации?

Такая же спутанность сознания обнаруживается и в рассуждениях о том, находится ли страна в самом деле в состоянии войны. Нас так упорно убеждают, будто мы живем в военное время, что возникает подозрение: не готовится ли кто-то поступать с нами по законам военного времени? Старшие поколения нашего народа хорошо знают, что это такое. Например, за опоздание на работу на 20 минут — суд и тюрьма. Во время воздушной тревоги решил прикурить папироску — возможно, сигналишь врагу, что здесь важный военный объект, который нужно бомбить, за что могли расстрелять на месте. Надеюсь, что такого уровня репрессии уже или пока невозможны. Но ведь хватают людей по подозрению в причастности к

терроризму, обращаясь с ними как с реальным врагом (примеров в СМИ предостаточно). У властей, у милиции «состояние войны» уже стало аргументом при осуществлении ряда действий, нарушающих пра-

Ладонь какого-нибудь омовца или охранника, закрывающая объектив телекамеры, становится символом нашего времени

ва человека, включая и сужение демократических прав в ходе политической реформы. Опять-таки вспоминается крылатое выражение времен Второй мировой войны: когда совершался какой-нибудь неблагоприятный или противозаконный поступок, говорили: «война все спишет». Может, с надеждой на это, на списание чего угодно, нам и говорят так упорно о войне? Между тем право объявлять военное положение у нас не относится к прерогативам военного министра, начальника генштаба или кого-либо иного, кто сейчас охотно объявляет о состоянии войны или грозит нанесением превентивных ударов по террористам, на чьей бы территории они ни находились. Согласно статье 87 Конституции РФ Президент Российской Федерации является Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами страны, и в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии он вводит на ее территории или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной думе. Режим военного положения определяется федеральным конституционным законом, то есть все это строго оговорено, прописано, но ничего похожего у нас опять-таки, слава богу, нет.

Если уж по примеру моих оппонентов предлагать рецепты в форме лозунгов, то я бы сказал так: нам нужно сохранить Россию, страну и нацию, опираясь на силу демократии, на укрепление структур и авторитета гражданского общества. Это было бы шагом вперед в любом измерении.

Институт общественных и гуманитарных инициатив

Глеб Тюфин,
директор института (г.Архангельск)

Я не знаю, можно ли найти аналогию тому состоянию, в котором находится сегодня наша глубинка. В советскую эпоху над всеми нами учинили чудовищный эксперимент. Один из писателей-фантастов, рисуя страшные картины будущего, писал: «Вы можете себе представить мир, в котором за всех людей кто-то другой будет строить планы и принимать решения?» В Советском Союзе был построен именно такой мир. Все мы, граждане той сверхдержавы, были отучены отвечать за себя и принимать самостоятельные решения. Нам говорили, точнее предписывали: что, когда, где и как мы должны были делать, куда идти, что думать. Приучали к этому с детского сада. С теми, кто топорщился, — «разбирались», если было нужно — били по ребрам. Но после Сталина это уже особенно и не требовалось. Постепенно большую часть страны приучили к тому, что так ведь лучше, проще: «Не надо ни о чем беспокоиться. Делай, что тебе гово-

рят, и тебе будет гарантирован минимум материальных благ! Все покроют, дадут дотацию. А при коммунизме вообще все будет бесплатным». Тогда это многим казалось правильным и справедливым.

И никого особенно не пугало, что люди становились равнодушными. За все отвечал кто-то другой, где-то там наверху. Чтобы что-то решить — надо было звонить в райком, оттуда еще выше. В конечном итоге все решали где-то очень высоко. Для многих тогда смысл жизни был в том, что его спустили сверху. Правда зачастую спускавшиеся решения были бессмысленными (вроде кукурузы за полярным кругом). И уже тогда все начало подгнивать и рушиться, несмотря на огромные дотации и приходящие сверху деньги.

И стали появляться эти странные люди, которые не крестьяне, не рабочие. Бессмысленность убивает. «Мир человека — мир смыслов», — писал в те годы про советский классик Михаил Шолохов. — Человек может терпеть двусмысленность, противоречивость,

путаницу, но не отсутствие смысла».

Но по-настоящему гром грянул, когда в начале 90-х эта система, растратив колоссальные ресурсы, рухнула. Сегодня тысячи наших деревень находятся на грани исчезновения. И не потому, что в них нельзя нормально жить, а потому что значительная часть людей просто не понимает, что и почему с ними происходит. Они не видят никакого смысла, а просто по-прежнему ждут, пока кто-то придет и наладит их жизнь, укажет какой-то путь. Более семи лет наш Институт общественных и гуманитарных инициатив при поддержке ряда американских и европейских фондов работает с проблемами преодоления бедности в сельской местности. Главный упор был сделан на становление дееспособных местных сообществ, самостоятельно (и в диалоге с властью) готовых находить выход из, казалось бы, безнадежного положения с помощью проверенных на практике социально-психологических технологий.

В результате за несколько лет нам удалось создать принципиально новую ситу-

ацию. А именно — помочь жителям отдаленных деревень, в которых не оставалось никаких надежд на будущее, не только объединиться, преодолеть апатию и уныние, но и перейти к практической работе, направленной на сохранение и развитие своих территорий.

Эта произошло более чем в 30-ти населенных пунктах 14-ти муниципальных образований Архангельской области, многие из которых отличаются друг от друга. Было реализовано в общей сложности уже более 50 сельских проектов развития.

Они были направлены на решение разных проблем: водоснабжения, строительства мостов и переправ, переноса и строительства домов, на поддержание медпунктов, клубов, музеев, рынков, спортзалов, на развитие инфраструктуры туризма, на создание маломасштабных производств (пчеловодство, овощеводство), на решение экологических проблем (очистка рек и посадка леса), на сохранение культуры и традиций.

Эта работа дала ощутимые экономические результаты. Фактически при крошечных вложениях был достигнут значительный рост активностей местных сообществ. Только за четыре года работы (2000–2003) экономический эффект реализованных нами сельских проектов (при выделенной сумме в один миллион семьсот ты-

сяч) составил более 20 миллионов рублей. Оказывается, все же можно силами деревни восстановить уникальную колокольню XVIII века, построить мост или водонапорную башню, реконструировать систему отопления поселка и многое другое. Причем все это, в том числе и достигнутый уровень капитализации, было сделано в разрушенной и полумаргинальной среде обычными сельскими жителями, с невысоким уровнем образования.

То есть и человеческие, и социальные результаты также оказались значительными: восстановление активности людей, веры их в будущее и в свои силы, в возможность возрождения и развития своей малой родины, превращение их в реальных субъектов действия, в граждан, которые могут и способны влиять на происходящее. Но одновременно — это и создание условий для роста малого и среднего бизнеса, а значит, расширения слоя собственников. И начало конструктивного диалога с властью, когда она действует в интересах людей.

А также, на что нам хотелось бы надеяться, — появление других общественных институтов, способных остановить умирание сельских и малонаселенных территорий.

По мнению ведущих российских и западных экспертов в сфере местного самоуправления, аналогов технологиям

и опыту, как в Архангельской области, сегодня практически не существует. Пока к нему проявляют интерес в основном за рубежом. В нашей же стране этот опыт, к сожалению, известен меньше, хотя о нем не раз писала центральная российская пресса и снят документальный фильм питерскими кинематографистами.

На наш взгляд, одними из главных достоинств нашего опыта являются:

- его технологичность, наработанные инструментальный и технологии;
- высокая экономичность (способность приводить к значительным результатам при невысоких затратах);
- адаптивность (приспособляемость к местным условиям), возможность перенести его на другие территории.

Мы считаем, что эти наработки и технологии могут быть с успехом использованы и в других регионах страны для преодоления бедности, модернизации и развития наших сельских и малонаселенных территорий.

Будем рады возможности сотрудничества.

Архангельск 163000
Новгородский, 35-51
т./ф. (8182) 65-65-83;
62-01-73
e-mail: glt@arh.ru

Глеб Тюрин: позитивное мышление

Глеб Владимирович Тюрин родился в Латвии в семье журналиста. В раннем детстве с семьей переехал на русский север, который считает своей родиной.

Студенческие годы, став сотрудником проектной группы Министерства культуры СССР по созданию национального парка на Кенозере, провел в экспедициях по деревням, в архивах Москвы, Ленинграда и Петрозаводска.

После вуза поехал учительствовать в сельскую школу, отдав этой работе семь лет жизни. В начале 90-х вернулся в город, восстановил свой приличный английский, освоивший еще в средней школе, работал менеджером и переводчиком в западных фирмах, в американской бизнес-школе, стажировался на Западе, изучал банковское дело в Германии и стал старшим валютным дилером в архангельском «Промстройбанке».

«Это было по-своему очень интересно. Но ты должен представлять собой такой тикающий механизм: весь день сидишь перед кучей мониторов и щелкаешь деньги. Иногда по 100 миллионов рублей в день», — вспоминает Глеб. Что испытывает бывший учитель, который продает миллионы долларов при колебаниях курса? Дикая стресс.

Когда Тюрин выходил из банка, то видел, как нищие учителя устраивают демонстрации, перед мэрией кричат бабушки, которым не платят пенсию. «Через наш банк проходило по полтора миллиарда долларов в год. Нам не нужны были западные инвестиции, мы могли сами полностью модернизировать свою экономику. А вокруг все сыпалось!» — с горечью говорит Глеб.

Ельцинское десятилетие разорило русский север похлеще гражданской войны. В Архангельской области без труда можно упрятать Францию. Край богатый, но сегодня это преимущественно глушь, бездорожье, безработица. При Советах чуть ли не все население было занято в лесной и молочной промышленности. В 90-м году плановую экономику отменили, рубильник выключили. Молоко, мясо по деревням закупать перестали. 10 лет архангельские аборигены, предоставленные сами себе, живут лишь грибами да огородами. Разворовывали остатки совхозов, потом стали воровать друг у друга и пить горькую.

«Когда мы с норвежским Красным Крестом после дефолта возили гуманитарную помощь, — рассказывает Глеб, — ко мне подошел один мальчик — их можно было видеть у каждой бензоколонки — и спросил: «Телку надо?» — «Какую?» — «А вон стоит!» Спрашиваю, сколько. «Трахнуть — 50, минет — 60 рублей». Это мальчик из детского дома продает девочек из детского дома. Взял его за шварник, привез в детский дом, но там лишь руками разводят. Маргинальный слой, как раковая опухоль, расползлся все дальше. В 90-м в области было всего два детских дома, сейчас их 38».

Во время поездки по Скандинавии Глеб как-то оказался в маленьком рабочем поселке и увидел там «кружок будущего». Сидят трезвые работяги и размышляют, что они будут делать, когда через несколько лет закроется их завод. Сначала Глеб подумал, что они от своего развитого капитализма совсем обалдели. А потом понял, что это тот самый социализм, который мы не построили, и решил попробовать то же самое делать в России.

Глеб Тюрин — слева

Он создал Институт гражданских и социальных инициатив — неприбыльную негосударственную организацию, которая взялась за возрождение архангельской провинции. «Местная власть живет на дотациях сверху, делят их между райцентрами. На периферию денег уже не хватает. Закрывают школу, потом медпункт, и деревня обречена. Из 4 тысяч деревень через 10 лет хорошо если останется тысяча», — прогнозирует Тюрин. Глеб начал ездить по медвежьим углам, чтобы выяснить, что там могли бы люди сделать для себя сами. Провели десятки сельских сходов. «Местные смотрели на меня, как будто я упал с Луны. Но в любом социуме есть здоровая часть, которая способна за что-то отвечать...»

А ведь до революции население Поморья жило трезво и зажиточно: были развиты многие промыслы и ремесла, возделывались разнообразные сельхозкультуры, шла бойкая торговля с другими регионами. Крестьяне сами содержали дороги и деревни. Почти в Приполярье получали рожь по 40 центнеров с гектара, держали стада крупного рогатого скота, строили деревянные дома, которые стоят и сегодня, — и все это при отсутствии техники, удобрений, гербицидов. Это была веками отлаженная система крестьянского самоуправления. Понятно, что люди, отношения, культура в те времена были другие. Глеб Тюрин много занимался историей русского севера и пришел к выводу: именно демократические

традиции сделали этот край процветающим. А русский север в XVI веке — это половина страны.

Здесь в лесах столетия существовала удивительная поморская культура крестьянской демократии (самоорганизации). Крестьяне были свободны (никогда не было крепостного права) и жили самоорганизующимися сообществами (мирами). Уже в XIV–XV веках они свободно покупали и продавали землю. У поморских сообществ (земель) были свои уставы. Миры сами избирали судей и священников, улаживали ссоры и конфликты, договаривались об использовании ресурсов и ведении дел. Это позволило на сухой и холодной земле создать по меркам того времени процветающую экономику.

Глеб попробовал воспроизвести традиции российского земства в современных условиях.

«Мы стали ездить по деревням и проводить встречи, клубы, семинары, деловые игры. Старались расшевелить людей, которые сникли и ни во что не верили. У нас есть наработанные технологии, которые позволяют людям посмотреть по-иному на себя, на свою ситуацию. Сначала они отмахивались: денег нет, о нас все забыли, мы никому не нужны, ничего не получится. Потом начали думать: у них же много чего есть — лес, земля, недвижимость; многое, конечно, бесхозно и гибнет. Например, закрытую школу или детсад немедленно разворовывают. Кто? Да сами же местные жители! Потому что каждый сам за себя и норовит что-то для себя урвать. Но они разрушают ценный актив, который можно сохранить и который мог бы служить основой выживания данной территории. Если, конечно, люди поняли — сохранять территорию можно только сообща».

«Внутри этой разуверившейся сельской общины мы решили выделить группу людей, заряженных на позитив. Создать из них некое креатив-бюро, научить их работать с идеями и проектами. Это можно назвать системой социального консалтинга: мы обучали людей технологиям развития. В результате за 4 года местное население осуще-

стивило 54 проекта стоимостью 1 миллион 750 тысяч рублей, которые дали экономический эффект более чем в 20 миллионов рублей. Это уровень капитализации, которого нет ни у японцев, ни у американцев при их передовых технологиях.

Люди получают небольшую инвестицию, сами пишут проект и становятся субъектом действия. Раньше человек из райцентра тыкал пальцем в карту: вот здесь будем строить коровник. Теперь же они сами обсуждают, где и что будут делать, причем ищут самое дешевое решение, потому что денег у них мало. Рядом с ними только тренер. И его задача — привести их к выбору и реализации того проекта, который поможет осуществить следующий».

В большинстве случаев это не бизнес-проекты в конкурентной среде, а этап обретения первоначальных навыков управления ресурсами. Но те, кто прошел через него, могут идти дальше.

По существу — это некая форма изменения сознания. Население, которое начинает себя осознавать, создает орган территориального общественного самоуправления, сокращенно — ТОС. И вручает ему мандат доверия. Это и есть земство, хотя несколько иное, чем было в XIX веке. Тогда земство было кастовым — купечество, разночинцы. Но смысл тот же: самоорганизующаяся система, которая привязана к территории и отвечает за ее развитие.

Так как люди начинают понимать, что они не просто решают проблему водо- или теплообеспечения, дорог или освещения: они создают будущее деревни. Главный результат их деятельности — новое сообщество и новые отношения. ТОСы в своей деревне создают и стараются расширить зону большего благополучия. Энное количество успешных проектов в одном населенном пункте наращивает позитивную массу, которая постепенно меняет всю картину в районе. Так ручейки сливаются в одну полноводную реку.

Наталья Севидова,
г. Рига

Либерализм

Ирина Бусыгина, Андрей Захаров

Истоки либерализма

Либерализм представляет собой довольно старую систему взглядов и убеждений. Иногда его генеалогию даже возводят к Великой хартии вольностей, которая в XIII столетии ограничила абсолютизм королевской власти в Англии. Приверженность «свободам» в экономике, политике, социальной жизни органически связывает классический либерализм с генезисом буржуазного общества, становлением рыночных отношений, борьбой с феодализмом.

Либерализм как идеология, наряду с социализмом и консерватизмом, определял фундаментальные принципы и направления общественного развития начиная с конца XVIII века. И в качестве таковой в большей степени, нежели конкурирующие с ним течения, оказался способным к серьезной эволюции, поскольку смог сочетать в себе не слишком совместимые, а зачастую и явно противоречивые идеи, доктрины и концепции. Говоря о причинах популярности либеральной идеи, важно отметить, что либерализм считает своей целью благополучие и счастье не социальных групп, а всех людей и, следовательно, расширение возможностей, обеспечивающих личности беспрепятственное развитие. Именно об этом заявили его апологеты из числа английских утилитаристов: «Наибольшее счастье для наибольшего числа людей».

Основы классического либерализма были заложены Джоном Локком и Адамом Смитом, которые провозгласили права на «жизнь, свободу и собственность» в качестве естественных прав человека. Этим они существенно повлияли, в частности, на Американскую революцию 1776 года. Позже, в XIX веке, либеральную мысль развивали Бенжамен Констан, Алексис де Токвиль, Джон Стюарт Милль. В XX столетии наиболее заметными теоретиками либерализма были экономисты, в частности Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек. Центральным в классическом либерализме является идеал практически неограниченного индивидуализма. Именно из этого идеала выводится представление о государстве как о «ночном стороже», который занимается по преимуществу проблемами внешней безопасности и не вмешивается в экономическую и социально-политическую жизнь общества.

На тезисах Джона Локка развивалась концепция либеральной демократии; он разработал теорию общественного договора и естественного права. Многие положения политической философии и этики Локка были восприняты и развиты затем Шарлем Монтескье и другими мыслителями. В противовес концепции эгоистического человека, выдвинутой Томасом Гоббсом, Локк утверждал, что в естественном состоянии все люди свободны и равны, а значит, не враждуют друг с другом, так как поведение человека изначально подчиняется морально-этическим установлениям, имеющим божественное происхождение и силу природных законов.

Исходное положение локковской доктрины — независимость индивида, из которой вытекают тезисы о труде как основании и оправдании собственности, а также о договорном характере полномочий государства.

На классический вопрос Гоббса «если имеет место “война всех против всех”, то каким образом возможен социальный порядок?» Локк дал следующий ответ, выражающий суть либеральной альтернативы: восстановление социального порядка из хаоса возможно лишь при обеспечении автономного пространства для каждой личности. Таким образом, социальный порядок зиждется

Главной же целью объединения в государство является сохранение собственности объединившихся; при этом собственность трактуется крайне широко – как «жизнь, свобода и владение»

на предпринимательском духе и воле отдельных лиц и оправдывается в той мере, в какой он защищает права личности (В. Леонтович).

Согласно либеральным идеологам, минимальное пространство личной свободы можно гарантировать лишь в том случае, если естественный индивидуализм бу-

дет введен в рамки закона. «Либерал вполне ясно понимает, что без помощи принуждения существование общества будет в опасности, и за правилами поведения, соблюдение которых необходимо для обеспечения мирного сотрудничества, должна стоять угроза силы, иначе всей системе общества будет постоянно угрожать произвол любого из его членов. Нужно иметь возможность принудить человека, который не уважает жизнь, здоровье, личную свободу или частную собственность других, следовать правилам жизни в обществе» (Людвиг фон Мизес).

Основные принципы индивидуалистического общественного порядка, отстаиваемого либерализмом, предельно кратко и ясно были изложены во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года. В ней провозглашены четыре главных права, лежащих в основе либерального общества: а) свобода; б) собственность; в) безопасность; г) право на сопротивление насилию или подавлению.

Основные ценности либерализма

Во-первых, максимально широкая свобода для индивида во всех сферах общественной жизни. При этом либералы полагают, что она все же не может быть, как уже сказано, «безграничной, ибо тогда все непрерывно сталкивались бы друг с другом, и «естественная» свобода привела бы к социальному хаосу, при котором не удовлетворялись бы даже минимальные нужды, а свободу слабых подавили бы сильные» (Исайя Берлин). Это разумное ограничение свободы закреплено «общественным договором», предполагающим наличие конституционализма, разделения властей, принципа сдержек и противовесов.

Во-вторых, в роли базового экономического, политического и социального принципа для классического либерализма выступает индивидуализм. При этом, однако, либерализм защищает не индивидуализм «вообще», зачастую оказывающийся непродуктивным, а автономную активность человека, направляемую в социально конструктивное русло. Так же обстоит дело и со свободой – не декларация свободы «вообще», но защита свободы личности, которая достигла определенного уровня развития и доказала (на основе выдвигаемых либерализмом критериев) свой цивилизационный статус.

В-третьих, либерализм отстаивает правовое и политическое равенство, а также равенство возможностей, поскольку все люди рождены одинаково свободными. Равенство в свободе выступает одним из оснований либеральной морали.

Наконец, в-четвертых, терпимость и плюрализм рассматриваются либерализмом в качестве важнейших основ социально-политического взаимодействия в обществе. Этот принцип напрямую связан со всеми вышеперечисленными.

Либеральная идеология проникнута прогрессистским духом и при этом сугубо рационалистична, то есть исходит из веры в прогресс и силу человеческого разума. Как отмечает Иммануэль Валлерстайн, она «отражала уверенность человека в том, что для обеспечения естественного хода истории необходимо сознательно, постоянно и разумно проводить в жизнь реформистский курс». Важно отметить, что сочетание идеалов свободы и равенства в идеологии классического либерализма образует линию внутреннего напряжения, которая с эволюцией либеральной идеологии становится все более выраженной и значимой. Кроме того, говоря о базовых постулатах либерализма, стоит еще раз упомянуть и крайне популярную для него идею о необходимости добровольного согласия подчиненных на власть над ними.

Либерализм, государство и международные отношения

Локк объяснял договорный характер государства таким образом: люди добровольно подчиняются политической власти посредством «соглашения с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо, не являющийся членом общества». То есть такое государство представляет собой единый политический организм, в котором большинство имеет право решать и действовать за всех остальных, а участие в политическом сообществе – государстве – накладывает на индивида обязанность подчиняться его решениям. Главной же целью объединения в государство является сохранение собственности объединившихся; при этом собственность трактуется крайне широко – как «жизнь, свобода и владение».

В целом либеральному толкованию государства и его места в общественной жизни присуще фундаментальное противоречие. Корень его в том, что, защищая личность от «избыточных» притязаний со стороны государственной власти, либералы традиционно настаивали на внедрении всеобщего избирательного права, которое, в свою очередь, заметно укрепляло государство и его институты, придавая им еще большую легитимность. Таким образом, они одновременно и тяготели к государству, и отторгали его. В частности, данный конфликт довольно ярко проявился в деятельности либеральных партий в России, начиная с конституционных демократов и заканчивая Союзом правых сил.

Либеральная идеология полагает, что взаимодействие государств на международной арене в целом ориентировано на то, чтобы покончить с войной, утвердить мир и добиться всеобщего экономического процветания. Слова «собственность», «свобода» и «мир» в программе либерализма находятся в одном ряду. Отметим, что либеральное видение развития мировой политической системы во многом связано с именем Вудро Вильсона, двадцать восьмого прези-

Роберт Гобер. Без названия. 1999

дента Соединенных Штатов и одного из основателей Лиги Наций, который в своих научных работах и политических декларациях провозглашал открытость, демократичность и этичность внешнеполитической деятельности и дипломатии. По мнению Вильсона, подобно тому как каждый гражданин достоин индивидуального политического права на участие в выборах, так и каждый народ может претендовать на коллективное политическое право — на су-

веренитет. Иначе говоря, «призыв Вильсона к самоопределению наций стал всемирным эквивалентом всеобщего избирательного права» (Валлерстайн). Хотя государства при либеральном подходе признаются главными участниками международных отношений, они являются далеко не единственными игроками на этом поле: взаимодействие государств, по мнению либералов, обязательно должно регулироваться межправительственными организациями и международным правом. Наряду с ними активную роль призваны играть и неправительственные организации — правозащитные, экологические, транснациональные корпорации и пр. Согласно либеральной модели, государства ориентируются не только на максимизацию прибыли, но и на взаимовыгодное сотрудничество. Фактор силы в этой модели уступает место другим, более эффективным средствам влияния — экономическим и правовым рычагам и механизмам.

Либерализм и концепция свободы

Как уже отмечалось выше, на первое место в своей ценностной системе либералы ставят свободу индивида — по известной формуле Милля, «человек сам лучше любого правительства знает, что ему нужно». Для приверженцев классического либерализма борьба за свободу означала борьбу за уничтожение внешних ограничений, накладываемых на физическую, экономическую, политическую и интеллектуальную свободу человека.

Представляется возможным выделить несколько общих взаимосвязанных положений либерального видения свободы. Во-первых, важен примат экономической свободы, которая является наиважнейшей частью общей свободы индивида. При этом гарантом и мерой свободы предстает частная собственность.

Во-вторых, принципиальное значение имеет экономический порядок рыночного типа, который выступает как необходимое (хотя и явно недостаточное) условие индивидуальной свободы. Именно рынок способствует не только утверждению и росту экономической свободы индивида, но и укреплению свободы политической, которая трактуется как отсутствие принуждения одних людей другими.

В-третьих, экономическая свобода, как индивидуальная, так и общественная, является в глазах либералов средством достижения политической и гражданской свободы. Здесь речь идет, в частности, и о рынке, который позволяет резко ограничить прямое вмешательство государства в жизнь общества. Отсюда и основные лозунги классического либерализма: «максимум личных свобод — минимум государственного вмешательства», «государство — слуга народа, а не его хозяин» (Милтон Фридман).

Таким образом, суть либеральной концепции свободы состоит в защите автономии личности и провозглашении свободы как главной цели общественного развития.

Неолиберализм

Эволюция либерализма была органически связана с динамикой капиталистического производства, и поэтому в минувшем столетии классические идеалы либералов подверглись серьезному пересмотру. Прежде всего, корректировка

затронула роль рынка и государства. Так, центральное место в идеологии «нового курса» президента Франклина Рузвельта, затем распространившейся по всему западному миру под именем неоллиберализма, заняли принцип государственного вмешательства в экономическую деятельность, а также идея социальной ответственности государства. Эта «этатистская» переориентация либерализма была связана, прежде всего, с именем известного британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. В конечном счете его идеи не только воздействовали на экономическую практику, но и были инкорпорированы в либеральную идеологию.

«Максимум личных свобод – минимум государственного вмешательства», «государство – слуга народа, а не его хозяин»

(Милтон Фридман)

Таким образом, новый, или социальный, либерализм отличает признание позитивной роли государства в экономической и общественной жизни; однако эта роль позитивна лишь в том случае, если государственное регулирование способствует реализации либеральных ценностей, защите прав и свобод личности. Другой отличительной чертой стал отказ от былого равнодушия к социальным вопросам. Новые либералы полагают, что государственное вмешательство в принципе способно сглаживать социальные конфликты и защищать современное общество от потрясений. Социальный либерализм тяготеет к позитивной трактовке свободы.

По мнению неоллибералов, рынок отнюдь не естественный механизм, ведущий к гармонии в обществе, а искусственный инструмент, который нуждается в совершенствовании правил игры, а также в беспристрастных судьях и арбитрах. Отрицая концепцию государства как «ночного сторожа», новые либералы поддерживают его активную роль в «социальном рыночном хозяйстве», которое исключает крайности как безграничного либерализма, так и тотального коллективизма.

Неоллиберализм учитывает и новые реалии международных отношений. В своей модели неоллибералы особо выделяют такие положения, как взаимосвязь политики и экономики, ослабление анархии в международной среде в силу упрочившейся взаимозависимости государств и т.д. Неоллиберализм включает в себя множество направлений, которые отчасти пересекаются, но при этом рассматриваются как самостоятельные концептуальные школы. В частности, к их числу относятся теория комплексной взаимозависимости, рассматривающая неформальные отношения между внешнеполитическими элитами, теория международных режимов, теория демократического мира.

Некоторые исследователи усматривают в появлении неоллиберализма свидетельство краха либеральной идеи. По их мнению, в своей модернизированной форме либерализм отказывается от собственных устоев, капитулируя перед консерватизмом и социализмом. В подтверждение подобных выводов они ссылаются на тот неоспоримый факт, что в современную эпоху обеспечение прав человека с трудом сочетается с гарантией прав народов. В итоге либеральная политика начинает приобретать «точечный», избирательный характер; ее критерии по-разному применяются в различных ситуациях, а либералов в связи с этим все чаще обвиняют в приверженности к «двойным стандартам». Кризис либерализма становится темой все более оживленных интеллектуальных дискуссий.

Либеральная идеология в России

Одной из важнейших особенностей российского либерализма является то, что он во многом развивался в государственных формах. По мнению Алексея Кара-Мурзы, отечественный либерализм в последние годы представлял собой крайне прагматичную и свободную от морализаторства концепцию. Но в то же время был более консервативен и менее радикален, нежели либерализм западный, поскольку оказался лишенным «цивилизационных тылов» (традиций римского права, сословной автономии и т.д.) и развивался в «пространстве повышенного исторического риска». Практически все русские либералы всегда были убеждены в том, что только государственная власть в России может служить орудием прогресса. То есть он не столько отстаивал права личности, сколько стремился к мягкому видоизменению государственного строя.

Слабостями российского либерализма были его «зажатость» между охранительством и нигилизмом, высокая степень зависимости от патронажа государства или общины. Поэтому он неизменно проигрывал революционно-радикальным партиям в начале XX века, а спустя столетие столь же однозначно проигрывает национально-патриотическим движениям и «партии власти».

Конкретные проявления отечественного либерализма крайне многообразны. Решая основную проблему – как избежать хаоса и при этом защитить автономии человеческой личности, – наши либералы вступали в самые неожиданные союзы и альянсы с силами, которые, по их мнению, были способны гарантировать защиту индивидуальных прав и свобод. К русской либеральной традиции можно отнести и ранних славянофилов, и «либералов-государственников» (Бориса Чичерина, Петра Струве), полагавших, что только сильное правительство способно охранить частные права и свободы, в то время как расчет на общество ненадежен.

В начале прошлого века русский либерализм получил реальный шанс выступить в качестве главного гаранта социального порядка. Однако либеральная альтернатива оказалась несостоятельной; либералы так и не сумели противопоставить разнузданной русской «воле» творческую и ответственную «свободу» (А.А. Кара-Мурза).

Еще совсем недавно, под занавес уходящего тысячелетия, наши либералы полагали, что Россия снова находится перед выбором; они надеялись, что страна хотя бы на этот раз сможет реализовать закономерный и одновременно вынужденный либеральный проект. Но, как оказалось, Россия вновь обнаружила невосприимчивость к либерализму; либеральные ценности пока не востребованы ни обществом, ни властью.

Литература

- И. Берлин. *Философия свободы. Европа*. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
 И. Берлин. *Философия свободы. Россия*. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
 И. Валлерстайн. *После либерализма*. – М.: УРСС, 2003.
 Л. фон Мизес. *Либерализм в классической традиции*. – М.: Начала-Пресс, 2004.
 А.Ю. Мельвил (ред.). *Категории политической науки*. – М.: РОССПЭН, 2001.
 В.В. Леонтович. *История либерализма в России*. – М.: Русский путь, 1995.
Политология. – М.: Проспект, 2004.
Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – М.: 2000.
 М. Шабанова. *Социология свободы: трансформирующееся общество*. – М.: МОНФ, 2000.

Владимир Рыжков,
депутат Государственной
думы РФ

Столетний круг России

Передо мной — старая книга. Коричнево-красная, потертая по краям обложка, желтая тонкая бумага, ветхий переплет, старинный шрифт — с «ятями». Это «Экономическая история России», составитель Н. Денисюк, издано П. Луковниковым в Петрограде в 1916 году. Том, полный горькой правды и в то же время надежды — в отношении великого будущего России. Надежды удивительной — в условиях кровопролитной и неуспешной для России войны, чехарды и распада во власти, всеобщего предчувствия скорой катастрофы. Вот цитата из этой полной оптимизма книги: «Русский народ быстро шагнул вперед и этим показал, что он способен к экономическому и культурному развитию. Его исторический путь был очень тяжел, и много на этом пути он встретил почти непреодолимых препятствий. Однако... этот путь в его самой трудной части можно считать пройденным, и наша страна вступила наконец в более благоприятные условия для своего как культурного, так и хозяйственного развития» (написано в 1916 году!).

Столь оптимистическое видение будущего автор подтверждает мириадами цифр, таблиц и графиков — главное, что составляет очарование подобных книг.

Итак, к 1916 году Россия была *самой населенной* из главнейших государств мира. В ней жило тогда 178 миллионов человек (в США — 100 млн., Германии — 72, Австро-Венгерской империи — 57, Англии — 50, Франции — 40 млн.). При этом только в европейской части России (без Кавказа, Польши, Средней Азии, Сибири и Финляндии, но с нынешними Украиной и Белоруссией) — 125,6 миллионов. Сегодня население США выросло почти до 280 миллионов человек, а во всей России живет только около 144 миллионов. Для того чтобы просто сохранить нынешнюю численность населения, которое продолжает сокращаться, России надо ежегодно принимать не менее 800–900 тысяч иммигрантов (а реально сегодня приезжает не больше 150–200 тысяч)*.

Уже тогда было ясно, что «Россия, по обилию и разнообразию находящихся в ее пределах ископаемых минеральных богатств, занимает, несомненно, одно из первых мест на земном шаре». А по протяженности железных дорог Россия шла на втором месте после США. Да и по большинству других важных показателей состояла в полноправных членах тогдашней «мировой пятерки».

За минувшее десятилетие Россия *вытала из группы мировых лидеров*, несмотря на свое формальное членство в «большой

восьмерке» (полученное явно авансом). Бывшие век назад лидерами Англия, США, Франция, Германия и прочие страны ЕС, а также Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония составляют сегодня знаменитый «золотой миллиард» процветающих стран с постиндустриальной экономикой. Россия же своей историей отброшена в число развивающихся стран с отсталой экономикой и бедным населением. При этом «золотой миллиард» остается закрытым клубом, двери которого с каждым годом становятся все более недоступными для непосвященных.

Более 70 процентов всех иностранных инвестиций в мире приходится в наши дни на взаимные капиталовложения США, ЕС и Японии, а все, что страны «золотого миллиарда» покупают «на стороне», не превышает 2 процентов их совокупного ВВП (включая российские нефть и газ!)*. Если еще в 60-е годы XX века разрыв между развитыми и развивающимися странами находился в пределах 17–24 раз, то сегодня он вырос до 60–70 раз**. Доля США, ЕС и Японии в мировой экономике продолжает расти. Доля России (по разным оценкам — от 1 до 2 процентов) продолжает даже снижаться, несмотря на относительно быстрый экономический рост последних 5 лет.

Вернемся, однако, к книге Н. Денисюка, а точнее, к его описанию тогдашней России. Сельское хозяйство составляло в тот период 75 процентов экономики страны, а *хлеб — главную статью ее экспорта*. Читаем: «Мы своим хлебом питаем Европу, но зато получаем от нее взамен многие необходимые нам товары, как, например, машины, сельскохозяйственные орудия, хлопок, чай, химические продукты и т.д». Но при этом «средний сбор хлебов в России слабее: по сравнению с Болгарией в полтора раза, меньше, чем в Испании, в два раза, хуже, чем в Швеции, в 2,5 раза, чем в Японии, Дании, Голландии — в 3 и почти в 3,5 раза ниже, чем в Англии и Бельгии». Сегодня соотношение урожайности и продуктивно-

сти примерно такое же, если не хуже. Причины отставания были описаны Н. Денисюком так: «Наша крестьянская масса мало знакома с правильным ведением полеводства, дурно возделывает поля, сеет мало-всхожие, засоренные семена, истощает почву, не удобряет ее или удобряет недостаточно и неумело». Весьма современный анализ!

А вот как выглядел в 1916 году общий список предметов российского экспорта: пшеница (33 процента всего экспорта страны), далее — овес, ячмень, лес, «остальные злаки», лен, яйца, «семена и выжимки», масло, рожь; заводские изделия (2,7 процента от всего экспорта)... У тогдашней Германии *соотношение сырья и готовых изделий* в экспорте составляло 26 процентов и 74 процента, у Англии — 44 и 56, у Италии — 31 и 69, у Австро-Венгрии — 53 и 47, у Франции — 37 процентов и 63 процента. У России — 97 процентов и 3 процента. Сегодня, почти век спустя, соотношение различных видов сырья и полуфабрикатов и готовых изделий промышленности в российском экспорте выглядит немногим лучше. За семь месяцев 2004 года *доля машин и оборудования и автомобилей* в российском экспорте составила лишь 7,9 процента. А разного рода *сырье и продукты первичной переработки* (уголь, нефть и нефтепродукты, руда, черные и цветные металлы, кокс, лес, мазут и т.д.) — 73,7 процента! Главные пять предметов российского экспорта сегодня — сырая нефть (26,7 процента), природный газ (13,1), нефтепродукты (9,4), черные металлы (6,7), солянка (4,4 процента). Доля же «царицы русского экспорта» столетней давности — пшеницы — сократилась до 0,07 процента***.

В приснопамятном 1913 году Россия добыла лишь около 9 миллионов тонн нефти (сегодня — 430–450 миллионов!), но уже тогда она была вторым ее производителем в мире (28 процентов мировой добычи) после США (64 процента). Нефть только начинала свой стремительный подъем в качестве

* См.: Данные Ж. Зайончковской из интервью «Население России сократится» — интернет-сайт RBC daily: Персона, 10.09.2004.

* См.: Доклад Совета по внешней и оборонной политике «Россия и процессы глобализации — что делать?», раздел 1, — опубликован в журнале «Вестник аналитики», № 5, 2001 год.

** Там же.

*** Согласно данным Государственного таможенного комитета России за январь — июль 2004 года.

главного ресурса XX века, но Н. Денисюк уже тогда прозорливо писал, что «нефтяной промышленности в России предстоит громадное будущее!» Ныне Россия делит первое место в мировой добыче и экспорте нефти с Саудовской Аравией.

Любопытно читать сегодня и о развитии фабрично-заводской промышленности. Здесь Н. Денисюком также обнаруживается огромный прогресс (со времен Петра Великого). Однако отмечаются и коренные причины ее отставания от «главнейших стран» — «недостаточная емкость внутреннего рынка и низкая производительность рабочего труда». Автор с горечью отмечает: «иноземный рабочий получает в 2-3 более, чем русский, но зато он вырабатывает в 4 раза больше нашего рабочего». Сегодня, по данным Правительства РФ, производительность труда в России в среднем в три раза ниже, чем в развитых странах. Зарплата же ниже в среднем в 6 — 8 раз. Так что общее положение дел за минувший век у нас даже ухудшилось!

Далее, ни у одного народа нет столько праздников, как у русского. Благодаря чему рабочих дней в России было на 50 — 60 менее, чем у рабочих Западной Европы. Среди прочих причин промышленной отсталости России И. Денисюк называл также недостаток специалистов и в целом отсталость русского образования.

Вывод, к которому приходит составитель относительно положения российской промышленности, хочется привести целиком: «В результате всех этих условий существования наших фабрик и их работы получается высокая себестоимость изделий, а наряду с этим невысокие их качества. Все это ведет к тому, что наш русский рынок заполнен иностранными фабрикатами, как более дешевыми и в то же время более доброкачественными и изящными, а наши фабрики управляются и руководятся иностранцами, как людьми технически хорошо обученными. Наша страна изобилует всевозможным сырьем, и мы могли бы перерабатывать это сырье в окончательный продукт на наших фабриках и вывозить наши фабрикаты на европейский рынок, но в силу дороговизны наших фабричных изделий мы конкурировать с иностранцами не

можем, и наш экспорт фабричных изделий ничтожен».

Несмотря на относительно большой размер российской экономики начала XX века, уже тогда ясно обозначилось ее очень скромное место на мировых рынках. В 1905 году доля России в мировой торговле была около 3 процентов (для сравнения — Англия с колониями — 25 процентов, Германия — 11, США — 10,5, Голландия — 7, Бельгия — 4 процента). Сегодня лидеры в общем те же, а доля России упала до полутора процентов. Кроме того, у нынешней России один из самых низких «индексов глобализации», то есть реальной вовлеченности в мировые хозяйственные, торговые, научные, культурные и иные связи. Провозгласив после распада СССР отказ от самоизоляции, мы пока не смогли из нее выйти на деле.

Заканчивает свою книгу Н. Денисюк любопытной главой «Государственное хозяйство». Из нее мы узнаем, что в 1916 году у России был *самый большой в мире государственный бюджет*. В 1914 году он составил 3,5 миллиарда рублей, тогда как у Франции, Англии и США — по 2 миллиарда, а у Германии — 1,7 миллиарда рублей. Сегодня (2004 год) бюджет США составляет 2,2 триллиона долларов, Франции 280 миллиардов, Германии 340 миллиардов, бюджет же России на 2005 год — 110 миллиардов долларов (притом что он вырос за минувшие 4 года в четыре раза только благодаря высоким ценам на нефть). Иначе говоря, он ровно в 20 раз меньше американского, в три раза меньше немецкого, более чем в два раза — французского. Опять же для сравнения: военные расходы американцев вчетверо больше, чем весь российский федеральный бюджет. Так что и с точки зрения государственных финансов Россия за столетие оказалась далеко позади своих же позиций начала прошлого века.

Н. Денисюк объясняет читателю, что «на государстве лежит обязанность содержать армию и флот для обороны страны, духовенство и церковь для удовлетворения религиозных потребностей страны, суд и полицию для охраны внутреннего порядка и оказания населению правосудия, школы для просвещения народа, пути сообщения для развития торговли и промышленности

страны, чиновников, агрономов, опытные поля, случайные пункты и т.д. для развития земледелия в стране, послов, консулов и дипломатов для сношений с другими государствами и т.д». Несильно изменился с тех пор механизм работы государственных финансов и принятия бюджета: «Утверждение бюджета, то есть разрешение правительству производить те расходы, которые обозначены в бюджете, и взимать те сборы, которые указаны в доходном бюджете, зависит от законодательной власти, то есть от парламента в Англии, от рейхстага в Германии, от палаты депутатов во Франции и от Государственной думы в России».

На протяжении всего своего изложения Н. Денисюк вполне ясно отвечает на вопрос — как преодолеть отсталость России и закрепить обнадеживающие и радующие перемены, которые были явственно видны в пореформенном развитии России. Его рецепты просты. Всеобщее образование народа. Особый упор на развитие высшего образования. Подъем культуры земледелия и скотоводства. Всемерное развитие внутреннего рынка и промышленности. Строительство современных автомобильных и железных дорог. Повышение качества российской продукции при снижении ее цены. Выход на мировой рынок не только с сырьем, но и с готовой продукцией. По возможности, как можно более разнообразная, универсальная структура народного хозяйства. К счастью или нет, но эти рецепты вполне годятся и для нынешней России.

В его предложениях и предпосылках не было одного — *революции*. Не было большого террора. А еще национализации. Как и депортации народов. Не мог он, естественно, предвидеть и Второй мировой войны. Не мог вообразить миллионы соотечественников в лагерях. И позднее — «холодной войны» и гонки вооружений. Представить не мог распад империи и независимые Украину, Белоруссию, Финляндию, и уж тем более нерусские Павлодар, Усть-Каменогорск, Тифлис, Баку и Ереван. Одним словом, в его прогнозе не нашлось места всему тому поли-

тическому безумию, из которого, собственно, и состоял весь XX век. И уж тем более ему трудно было предположить, что в самой тяжелой форме безумие века будет протекать именно в любимой им России.

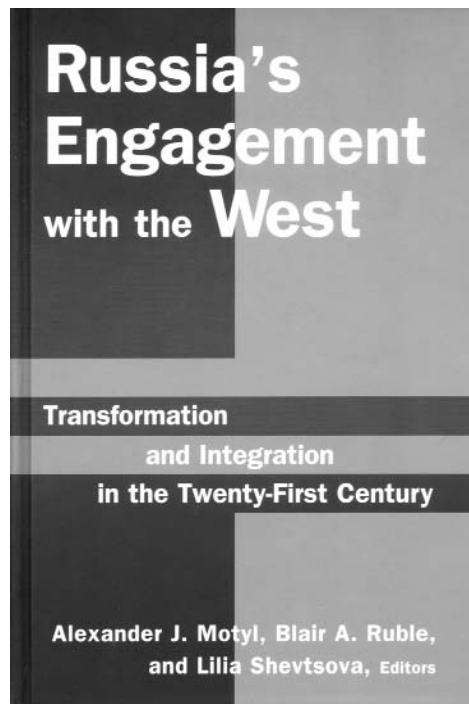
За минувшее десятилетие Россия выпала из группы мировых лидеров

Я не знаю, как сложилась судьба Н. Денисюка в дальнейшем. Но мы знаем, как сложилась дальше судьба России. Как и то, что девяносто лет спустя нам приходится начинать все сначала. Конечно, за минувший век Россия кое в чем смогла продвинуться вперед: по крайней мере все население умеет сегодня читать и писать, сеть школ охватывает всю страну, возникли системы пенсионного обеспечения и здравоохранения, были достигнуты очевидные технологические и научные достижения. Но по ряду позиций мы находимся в том же 1916 году или даже отброшены далеко назад. Речь идет, в частности, о размере страны, ее населения и экономики. О доле России в мировом хозяйстве и мировой торговле. О техническом уровне экономики и развитии инфраструктуры. Об уровне жизни людей, ее продолжительности и качестве. О качестве национальных институтов (судов, правоохранительной системы, армии, парламента, партий, прессы, региональных и местных органов управления).

Оптимистический прогноз Н. Денисюка был жестоко опрокинут историей. Целый век Россия в лучшем случае пыталась решить свои проблемы негодными методами, а в худшем — бежала неведомо куда — озверело и безоглядно. Мы не захотели очевидно еще в 1916 году нормального развития и совершили кровавый круг длиной в целое столетие — точно по Августину, сказавшему: «Заблудшие ходят кругами».

Сегодня мы полны оптимизма и видим немало признаков будущего благополучия, хотя и сегодня ведем свою войну, а наши чиновники не видят в «населении» народа. Разомкнется ли круг?

Россия и Запад: в поворотной точке интеграции

Russia's Engagement with the West: Transformation and Integration in the Twenty-First Century. / A.J.Motyl, B.A.Ruble, L.Shevtsova, editors. – New York – London, M.E.Sharpe, 2004. – 315 P.

Сборник статей и эссе, авторами которых являются российские и западные эксперты в области политики, экономики и культуры, посвящен теме сопрягаемости общественно-политических и экономических структур России и Запада. Актуальность этой темы очевидна. Россия сегодня находится в очередной «поворотной» точке. Она вновь поставила себя перед выбором: к кому повернуться лицом — к Западу или к Востоку, или не поворачиваться ни к кому, а реализовывать свой особый «третий путь»? Внутриполитическая жизнь России стремительно коллапсирует, а отношения с Западом дают сбой за сбоем. Между тем зависание в кризисной точке не может продолжаться неопределенно долгое время, прежде всего потому, что, как и другие страны мира, Россия находится внутри куда

более масштабных процессов, определяемых глобализацией, глобальной конкуренцией.

Статьи сборника сгруппированы в две части, логически достаточно жестко связанные между собой. Авторы первой части, озаглавленной «Изменения: препятствия и возможности», исследуют политические, гражданские и экономические процессы, происходящие в России, подводя итог более чем десяти годам после падения коммунизма. По мнению Ежи Маккова, за эти годы в стране была создана «квазидемократическая авторитарная система», в рамках которой попытки создать гражданское общество сверху не увенчались успехом, а стремление к отстаиванию своих прав через юридические процедуры отсутствовало даже у наиболее, казалось бы, заинтересованных в этом представителей малого и среднего бизнеса.

Со всем этим трудно не согласиться, более того, процессы деградации политической и гражданской жизни в России идут столь быстрыми темпами, что часть тех реалий, которые анализируются в некоторых статьях сборника, сегодня можно считать уже устаревшими. Так, тезис Лилии Шевцовой о том, что в современной России отсутствуют, по крайней мере, три условия для установления авторитарного режима, а именно: эффективный государственный аппарат, сильный репрессивный инструмент и готовность регионов беспрекословно подчиняться центру — после принятия, в частности, закона о назначении губернаторов президентом, на мой взгляд, теряет свою убедитель-

ность. Мировой исторический опыт свидетельствует: в стране с неустановившейся демократической правовой и гражданской культурой возможна практически любая форма регрессии.

Другой вопрос, подробно рассматриваемый авторами первой части: каким образом внутренняя политика влияет на взаимоотношения России с Западом и какое отношение к Западу существует внутри самой России, как оно менялось на протяжении последнего десятилетия. С одной стороны, «движение к Западу стало главным направлением для России» (Лилия Шевцова), с другой — если в 1992 году 24 процента российских граждан считали, что стране нужно ориентироваться в своем развитии на Европу и 28 процентов — на США, то в 2000 году уже только 14 процентов придерживались ориентации на Европу и США, а 63 процента считали, что России нужно найти свой особый путь развития (Пилар Бонэт). По данным ВЦИОМ, в 2000 году 54 процента россиян считало, что Запад представляет потенциальную угрозу для национальной безопасности страны (Юрий Сенокосов). Все эти данные показывают, что традиционное для России «раздвоение умов» в отношении Запада сохраняется. На протяжении столетий Россия даже в лице своих наиболее европеизированных представителей разрывалась между любовью к западному жизнеустройству, наукам и искусству и боязнью западной экспансии в любых ее проявлениях (военной, культурной, правовой, религиозной).

Все эти комплексы в полной мере проявили себя в годы, последовавшие за окончанием «холодной войны». Преобладавшие поначалу взаимные интерес и симпатия, на основе которых было сделано много шагов навстречу друг другу, сменились в конце 90-х годов взаимной настороженностью и недоверием, а в последнее время предчувствием возможной конфронтации. И дело здесь не только в ностальгии россиян и в их ущемленных имперских амбициях, но и в том, что Россия и Запад, особенно Европейский союз, очевидно, дошли в своих отношениях до определенного предела, за которым стали видны как взаимные плюсы и преимущества возможной интеграции, так и односторонние минусы этого процесса.

«Углубившись» в Россию до определенного уровня, Запад стал замечать псевдодемократичность ее политического устройства, псевдонезависимость ее регионов, ее псевдосвободный и псевдоконкурентный внутренний рынок, а главное — для него стали очевидны потемкинские деревни российского «правового государства» и «соблюдения прав человека». Тогда как для российской стороны стало очевидным, что при дальнейшем сближении с Западом в полный рост встанет необходимость реального реформирования тех политических и экономических структур, которые сложились в 90-е годы, что чревато контролем со стороны международного сообщества с его судебной системой, транспортной и т.д.

В итоге интересы России и Запада начинают резко расходиться. Россия традиционно апеллирует к своему суверенитету, к поиску «своего пути». Запад же ставит в повестку дня вопрос о смене глобальной политической парадигмы государственного суверенитета парадигмой «режима прав человека», предусматривающего, в частности, переход от международного права к праву глобальному, к «всемирному конституционному строю»*. Отражением этих процессов стало формирование ЕС, подошедшего уже к принятию единой европейской конституции. Поэтому проблемы взаимоотношения России и Запада

* Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт и др. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура.* — Москва, Праксис, 2004. — С. 76.

гораздо продуктивнее все же рассматривать сегодня не в рамках системы защиты суверенитета, а сопрягаемости общественно-политических и экономических структур участников глобальной интеграции.

Этим вопросам посвящена вторая часть сборника, названная «Интеграция: препятствия и возможности», в которой исследуются два уровня взаимодействия — политический и структурный.

Политический уровень предусматривает сотрудничество с целью решения определенных политических проблем, прежде всего в области борьбы с международным терроризмом и образования политических альянсов. Интеграционные процессы в этом случае могут иметь лишь ограниченный характер: «российский политический класс действует так, как если бы он проводил рыночные и демократические реформы, а Запад — так, как если бы эти реформы были реальны» (Анжела Стент).

Структурная же интеграция предполагает гораздо более тесное взаимодействие в политической, экономической и военной сферах. То есть подразумевает реальное соблюдение принципов демократии, прав и свобод человека, верховенства права. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением Стефана Кукса, что внутренняя трансформация, ведущая к осуществлению этих принципов, в таких странах, как Россия, в первую очередь зависит от вхождения в глобальную систему рынков (ВТО) и международных организаций (ЕС, НАТО).

По мнению большинства авторов, Россия сегодня в большей степени склонна к политической, а не структурной интеграции. Но при этом не следует забывать о стратегических целях Запада, лежащих в поле структурной трансформации. Поэтому страна, отказывающаяся от структурной перестройки на политическом и гражданском уровнях, в условиях глобальной конкуренции обрекает себя на неизбежную маргинализацию. Последствия этого очевидны.

Еще один аспект процесса интеграции, подробно затронутый в книге, — политика России и Запада на постсоветском пространстве. После событий, связанных с президентскими выборами в Грузии и на Украине, актуальность этой темы не вызывает сомнения. Как не вызывает сомнения и тот факт, что Запад полон решимости противостоять любым попыткам России утвердить свою гегемонию как в европейских, так и центральноазиатских бывших республиках Советского Союза. Однако это не означает, что Россию хотят полностью вытеснить с постсоветского пространства. Напротив, Запад предлагает России сотрудничество в экономическом взаимодействии с этими странами — как один из путей к взаимной интеграции. Взамен же Россия должна отказаться от имперских амбиций, которые могут привести только к новому разделению Европы (Александр Мотыль, Блэр Рубл, Лилия Шевцова).

Несмотря на внешнеполитический кризис и внутриполитическую стагнацию, Россия сегодня еще не потеряла шанс на достаточно глубокую интеграцию с Западом, осуществление которой позволит ей войти в мир глобальной конкуренции на вполне безопасных и выгодных условиях. Интеграция и трансформация — взаимодополняющие и взаимно инициирующие процессы. Интеграция подталкивает к трансформациям, которые в свою очередь расширяют возможности для интеграции. Истинная сила в условиях глобализации обретается в ходе свободной интеграции с сильными, в ходе внутренней трансформации гражданского общества и правового государства.

Андрей Цуканов

Региональное книжное обозрение

Герман Зверев. *Заблудившийся город*. — Владивосток: «Золотой рог», 2004. — 80 с.

Кто такой гражданин? Как говорил один из героев сказочного, но вполне идеологически выстроенного голливудского фильма: «Гражданин — это тот, кто думает не только о себе, но и о жизни и безопасности всех остальных граждан, тех, кто рядом».

Почему мы не можем собрать наше рассыпанное, раздробленное население в гражданское общество? Потому что граждан нет. Нет повсеместной, впитанной от рождения и естественной привычки заботиться — в соседском, дружеском, искреннем понимании — о ком-то еще, кроме себя.

Между тем размышление о Владивостоке Германа Зверева — пример именно гражданской позиции. Размышление о городе, как о своей судьбе, начало которой не выбираешь, но путь строишь усилиями каждого дня. Как о территории, которую ты сам обустроиваешь для своих детей.

Герман Зверев в 1990-х работал в администрации Приморского края, затем во Владивостокской городской думе, в 2001 года возглавил постоянную депутатскую комиссию по бюджету, налогам и финансам. Новатор и один из лучших специалистов края по вопросам бюджета и бюджетного устройства, автор в небольшой книге всматривается в историю Владивостока, в его печальный («ежегодно 70 тысяч владивостокцев голосуют против своего города ногами — они уезжают», с. 5) сегодняшний день с его проблемами и возможностями, но главное — обозначает задачи для городской власти и сценарии будущего для города, всегда считавшегося одним из стратегических портов России, однако утратившего ныне особое государственное значение.

«Заблудившийся город» — развитие темы социального и экономического проектирования. Повсеместно — и в России, и в западных странах — прослеживается одна тенденция: «Город постепенно меняет ориентацию с удовлетворения насущных нужд

потребителя на выполнение его желаний, сказывается повышение мобильности людей, рост потребления товаров и информации» (с. 17). Промышленные предприятия перестают быть градообразующими, основное значение во внутригородской экономике и в статусе города в регионе, стране, в международных контактах приобретает развитость системы услуг, торговли, инфраструктуры и коммуникаций... То есть для активной эволюции города и его конкурентоспособности, для привлечения инвестиций, технологий, энергии предпринимателей теперь недостаточно стабильной работы промышленности. Необходимо рассматривать городскую организацию в комплексе и искать новые направления его самореализации — «работу на мировом рынке городов», чтобы не остаться всем городом «без штанов».

Правда и здесь у России, при всей ее восторженности в мир, свои нюансы, обусловленные историей, территорией и сознанием: «...не все так просто и гладко. То, что на уровне сводных данных по отраслям дает приятную и прогрессивную картину замещения отраслей промышленности отраслями услуг, на уровне конкретных городов проявляется углублением экономического и социального неравенства. В каждом регионе есть своя Москва. А вокруг — конфликты, социальные драмы, излом человеческих судеб» (с. 18). Не говоря уж о целой пропасти между центром и периферией в масштабах страны...

Так что же делать владивостокцам? Прежде всего — изменить свое отношение к городу, ментальные установки: «...отказаться от устаревших штампов: город-порт, город моряков, город рыбаков. Да, это наша история, наша слава. Но у каждого времени свои вызовы» (с. 8). То есть принять вместо привычных мифов существующую реальность (что актуально сегодня для сознания россиян вообще: мы окружены видимостью и иллюзиями, лелеем их и изобретаем новые, подменяя ими действительность). Необходимо понять, что «город — это машина контак-

тов... это место, где стыкуются, согласовываются интересы самых различных экономических групп и социальных слоев» (с. 8). И задача городской власти — их координация. Огромное значение в развитии и месте города в сегодняшнем глобализирующемся мире играет его способность «замкнуть на себя финансовые и информационные потоки» (с. 20), то есть помимо собственно внутреннего состояния города — потоки и связи между городами и населенными пунктами, и не только внутри страны.

Жесткая иерархия городов в национальном российском пространстве сегодня меняется, успешно или безуспешно подчиняясь влиянию и потребностям мирового рынка. Мешают привычки и особенности сознания. Социально-экономические вопросы нашей действительности неизбежно ведут к желанию понять: откуда у нас, у страны, все то, что мы сегодня имеем? Понять, чтобы уходить от прошлых ошибок. «Сотни лет шло социальное и экономическое освоение нынешней российской географии, в ходе которого казаки и ээки колонизировали территории, превращая их в провинции империи. Система имперского управления в отношениях между центром и периферией менялась от века к веку лишь по форме. Сосланные, высланные, бывшие каторжане и просто сбежавшие от долгов (или их потомки в первом поколении) становились губернаторами, уездными начальниками, мировыми судьями, комиссарами, председателями исполкомов и секретарями обкомов, им даровали наследуемое или личное дворянство, членство в КПСС и право управления территориями размером с европейское государство. Колонизируемые территории становились сырьевыми придатками центра» (с. 21). Перед необходимостью самостоятельности и самоидентификации жизнь поставила регионы и города совсем недавно.

Как конкурируют города, в чем конкурентные преимущества той или иной территории и как их использовать, какие ресурсы — административные или экономические — важнее, как меняются факторы развития территории? Все эти вопросы рассмотрены в книге на примерах самых разных, крохотных и огромных, богатых и бедных, новейших и древних городов России. Подробно, документально и аргументированно показана картина заселения и освоения Дальнего

Востока и Приморского края, рождения и сложного, как у всех российских городов, развития Владивостока, со всеми провалами и риском поглощения небольшого русского населения Сибири позванными в свое время на помощь китайцами.

«Города в России не было и нет. Была и есть некоторым образом застроенная территория, административно отгороженная от негорода, с рыхлыми тканями и обилием пустырей и полупустырей, огороженных и неогороженных. Города в европейском смысле, с городской формой культуры — *особой средой порождения, распространения и обмена ценностей относительно свободными гражданами* — худо укоренились на российской территории... Новые фонари, замощенные дороги и отремонтированные подъезды могли быть дарованы обывателям, а могли и не быть дарованы — *от самих обывателей это не зависело*. Им оставалось ждать, надеяться и выражать восторг, когда надежды нечаянно сбывались. Единственное, что не возбранялось — писать жалобы и прошения, если при этом не утруждали начальство сверх меры» (с. 53). Слободскому и советскому сознанию чужды ценности частной собственности, самостоятельности и ответственности... «Построенные в советские времена города еще долго будут главной оппозицией экономическим реформам» (с. 57).

Какими при таком наследстве в мозгах могут быть сценарии завтрашнего дня? Сегодня появляется новый «правлящий класс» — люди социально активные, создающие новые культурные коды и нормы, внедряющие их в жизнь сообщества. Они определяют «проекты будущего» во взаимосвязи с реалиями страны. «Институт экономики города» считает возможными три пути развития российских городов. Что же касается Владивостока: «советский Владивосток», «олигархический Владивосток», «индустриальный Владивосток», «народный Владивосток» или «Владивосток будущего» — что случится, окажется правдой? Что случится или что выберут горожане? И кто именно решает, по какому пути идти городу? Справится ли город с внутренними и внешними угрозами и с собственной мифологией? И как город сделать конкурентоспособным? Рецепта нет — есть направления и подсказки.

Но экономико-социальное эссе Германа Зверева — не пособие по урбанистике. Прежде

всего — это живой, анализирующий, заинтересованный взгляд человека, остро переживающего за землю, на которой живет. «Редкое сочетание научного труда и политического манифеста», как сказано в аннотации. Редкое сочетание живости мысли и языка и гражданского неравнодушия. Взрывающее мироощущение и заставляющее еще раз всмотреться в себя и в то, что вокруг.

Елена Корн

Матвейчев О.А., Новиков В.Ю. Предвыборная кампания: практика против теории. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. — 186 с.

Что политические технологии в России достигли невероятного размаха, и ни одно политическое событие в нашей стране нельзя оценивать без учета политтехнологических факторов — уже общее место. Но так же верно и то, что сама профессия политического технолога в последние годы переживает кризис. И чем больше значимость технологий в российской политике, тем глубже этот кризис.

При этом внешние обстоятельства до недавнего времени были для технологов исключительно благоприятны: ни один кандидат, претендующий на электоральный успех в мало-мальски крупном масштабе, не рисковал ввязываться в драку, не имея в своем распоряжении команды профессиональных «делателей» выборов. Кстати, общепринятого названия этой профессии нет: поначалу их именовали имиджмейкерами, потом технологами, консультантами, пиарщиками... На самом же деле, речь идет об одном и том же. Итак, условия для развития профессии были, и лишь этой осенью намечилось большое сокращение рынка — речь о предполагаемом введении пропорциональной избирательной системы и об отмене выборности губернаторов. Тем самым технологи (остановимся на этом термине) лишаются двух самых больших кормушек.

Но екатеринбуржцы Олег Матвейчев и Владимир Новиков издавали свою книгу тогда, когда до «падения первого башмака» оставался почти год. Тем не менее они говорят именно о кризисе профессии. Им стоит верить хотя бы потому, что сами авторы «Предвы-

борной кампании» — опытные и практикующие политические технологи, за плечами которых более двухсот кампаний в двух третях российских регионов. Кроме того, симптомы кризиса может уловить любой человек, хоть как-то соприкасающийся с политикой.

С этого и начинают свою книгу Матвейчев и Новиков. Глядя изнутри пиар-сообщества, они видят, как обстоят дела, и пытаются понять: почему? «Предвыборная кампания» посвящена подробному разбору всего процесса ведения кампании, включая мельчайшие его детали. Как человек, имеющий разнообразный (хотя и не столь обширный, как у уральских коллег) практический опыт участия в предвыборных делах, не могу не удивляться тому, как удалось Олегу и Владимиру при такой скрупулезности и точности уложить менее чем в двести страниц текста.

Дотошные уральцы не обходят вниманием ни один существенный элемент электорального процесса, особо останавливаясь на том, что обычно остается за пределами анализа (не потому, что слишком сложно, а уж очень щекотливо). Например, «административный ресурс» или процветающее в предвыборных кампаниях воровство из предвыборных фондов. У них нет «священных коров». Скажем, в нынешней политической мифологии распространен взгляд на выборы 1989–1990 годов, как на образцово демократические и честные. А Матвейчев и Новиков дают им красноречивое название: «демшизоидные»...

Они безжалостны к своим коллегам, раскрывая множество жульнических методов, направленных на обман не столько избирателей, сколько клиентов. Они подчас раздражающе категоричны. Их нередко заносит в легковесные (и оттого не менее категоричные) суждения о том, что не составляет предмет их профессиональной деятельности. Так, вся перестройка и демократизация в их трактовке — дело рук ЦРУ и вообще Запада. Вся книга носит отпечаток цинизма профессионалов, привыкших относиться к большому массам людей, как к объекту манипуляции.

Но это все же именно налет, а не мировоззренческий цинизм. Авторская позиция точно и емко выражена в послесловии, где сказано следующее: «Есть два разных понимания того, что такое выборы. Одно вырастает из многочисленных теорий общества

и занимает в них свое законное место. Другое вырастает из жизни и реальных переживаний тех, кто участвует в этом процессе и вкладывает в него каждый миг своей жизни». Себя они, естественно, относят ко вторым и полагают, что теоретизированное понимание выборов пусто. Оно обесценивает политику, так как представляет ее игрой, а не настоящей борьбой. «Мы хотели описать политику и выборы как войну суверенов, а не как игру по правилам, почерпнутым из теорий, — заявляют они. — Политика — это область, которая больше сродни поэзии, чем науке и технике».

С таким пониманием можно и не соглашаться, но оно имеет право на существование и вызывает уважение. Так кто же, по мнению уральских специалистов, повинен в выхолащивании политики? Технологи! Вот что интереснее всего: написанная профессиональными политическими технологами книга о предвыборных технологиях — безусловно, интересная и поучительная для любого, кто работает на выборах, — направлена против технологов как таковых, а также политиков, которые, по их мнению, должны наконец стать самостоятельными игроками, а не марионетками в руках циничных профессионалов. «Когда, наконец, в России пробудятся здоровые силы, воинствующие суверены, великие творцы истории, поэты, слагающие и рифмующие общество как стихи?.. Кто отважится сбросить с себя эту паразитирующую шушерию политтехнологов и направит ее на врагов», — такими пафосными словами завершается послесловие к книге.

Никто не любит политтехнологов, даже сами они себя не любят... Что же касается поставленного вопроса (во всяком случае, первой его части), то я надеюсь, что «воинствующие суверены» в нашей политике больше не появятся. Что-то не хочется больше слушать «музыку революции». А вот благодарных читателей у книги Матвейчева и Новикова, думаю, будет немало — прежде всего среди тех самых технологов, которых они хотели бы сбросить «с парохода современности».

Юрий Гиренко

А.А. Гапоненков. *Журнал «Русская мысль». 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст.* — Саратов:

Издательство Саратовского университета, 2004. — 226 с.

Только специалист может профессионально оценить, насколько исчерпывающе книга А.А. Гапоненкова описывает жизнь «Русской мысли», когда этим журналом руководил Петр Бернгардович Струве. У меня — неспециалиста — сложилось впечатление, что состав авторов и круг их интересов рассмотрены в книге обстоятельно. Во всяком случае читатели, интересующиеся историей русской мысли предреволюционной эпохи, почерпнут из нее множество интересных и малоизвестных фактов, в основном касающихся литературы и публицистики. Например, почему так и не был опубликован в журнале роман А. Белого «Петербург», как складывались личные отношения в среде культурной элиты того времени и т.д. Вообще, что касается описательного плана, книга выглядит более чем информативной. Прочитав ее, читатель получит развернутое представление о редакционной деятельности журнала, его авторах, их политических и эстетических убеждениях. Автору хорошо удалось передать атмосферу предреволюционного и декадентского времени.

В концептуальном же аспекте рецензируемая монография, на мой взгляд, страдает следующим и, пожалуй, единственным недостатком. В ней в должной мере не раскрыт философский контекст, в котором творили авторы «Русской мысли», их мировоззренческие позиции, включая самого Струве. Речь в данном случае идет о концепциях «либерального консерватизма» и «неохристианства». А также мало говорится о природе Серебряного века, к которому журнал имел непосредственное отношение. В результате трудно понять, что же на самом деле представляли собой «либеральные консерваторы».

А.А. Гапоненков отмечает, что «Русская мысль» была печатным органом, связанным прежде всего с кадетской партией, а точнее, с ее «правым крылом». До 1915 года в партии Народной свободы состоял сам П.Б. Струве, кадетами были и А.А. Кизеветтер, и редактор политического отдела журнала А.С. Изгоев. В этой связи автор цитирует Р. Пайпса: «С политической точки зрения журнал являлся органом либерально-консервативной интеллигенции» (с. 22, курсив мой — А.К.). А также высказывание Л. Троц-

кого о «Русской мысли» как о журнале, пытавшемся «выработать» национал-либерализм на «консервативной религиозно-философской основе» (с. 4). Встает, однако, вопрос: что же следует понимать тогда под выражением «консервативный либерализм»? Очевидно, давая его определение, нельзя ставить знак равенства между его характеристикой как «правого либерализма» и «радикальным либерализмом», к которому склонялось «левое крыло кадетов» (с. 21, 22). Частичный ответ на поставленный вопрос содержится в явной симпатии Струве к британской политической системе: «Русская мысль», — писал он, — никогда не отрицала своего *духовного родства именно с английским империализмом*, покоящимся на началах либеральных и демократических, а наоборот, всегда подчеркивала это родство» (с. 30). Гапоненков к этому добавляет, что Струве «восторгался такими политическими фигурами, как Гладстон, Дизраэли, Солсбери, Бальфур, Асквит, Чемберлен» (с. 30). И все же приведенное сопоставление «консервативного либерализма» Струве с воззрениями английских консерваторов не до конца проясняет вопрос. От автора ожидаешь развернутого анализа понятия, но, к сожалению, далее его не встречаешь. Для книги, в которой поставлена задача рассмотреть творчество авторов «Русской мысли» в том числе и в «философском контексте», сказанного про «либеральный консерватизм» Струве, на мой взгляд, недостаточно. Когда читаешь книгу, складывается впечатление, что именно поэтому Гапоненков порой противоречит сам себе. А именно когда пишет, например, что «благодаря Струве журнал становится органом светских религиозных мыслителей, философов *самой разной ориентации*» (с. 20, курсив мой — А.К.); «...вопросы культурные свободно обсуждались на страницах «Русской мысли» авторами, которые исповедывали различные религиозно-философские, научные, эстетические воззрения» (с. 139). А с другой стороны, цитирует слова С.Л. Франка о том, что журнал был «органом мысли П(етра) Б(ернгардовича) и идейного кружка его единомышленников».

Согласно автору, «Русская мысль» была органом не только политической, но и эстетической мысли, являясь продолжением таких изданий Серебряного века, как «Северный

вестник», «Мир искусства», «Новый путь». Речь идет о журналах, декларировавших, по его словам, «модернистскую эстетику и творчество символистов», выступавших против академизма и передвижничества. Но ведь одновременно в том же «Новом пути» его авторы, которые являлись нередко авторами журнала Струве, писали и на религиозные темы, пропагандируя «неохристианство». Поэтому стоит обратить внимание также на этот термин, имеющий отношение к «редакционной программе» и идеологии «Русской мысли». Поскольку можно только догадаться, что речь в книге идет об идейном течении, напрямую не связанном с официальной церковью. Учитывая, что она была неотделима от империи, являясь ее опорой, а Серебряный век по своей сути был «мятежен». «В философских, религиозных исканиях поэтов было больше интуитивных прозрений... апокалиптических настроений. Они приближали «очистительный огонь» революции, понимая ее как возмездие» (с. 9). Мне это напоминает оценку гностиков и христиан, данную когда-то Цельсием («одержимых духом мятежа» против империи): «Они слышались... о том, что в течение продолжительных циклов времени, по мере сближения и расхождения звезд, случаются мировые пожары и потопа и что... истекший период требует мирового пожара. Это побудило их утверждать, что бог сойдет, неся с собою очистительный огонь возмездия». По-видимому, автор не придает значения серьезному противоречию между политической линией журнала, далеко не революционной, и его культурной направленностью, состоявшей в активном сотрудничестве в том числе и с декадентствующими идейными вдохновителями «революции».

То есть я хочу тем самым сказать, что консерватизм по определению несовместим с «духом мятежа». И, возможно, «либеральный консерватизм» П.Б. Струве еще не был в рассматриваемые годы разновидностью консерватизма?

В заключение повторю еще раз: книга А.А. Гапоненкова представляет безусловный интерес для профессионально подготовленных читателей. И мои критические замечания отнюдь не умаляют заслуг автора и проделанной им работы.

Александр Капишин

Александр Архангельский
(«Известия»)

Контрапункт

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД

Екатерина Егорова-Гантман. *Игры в солдатики: Политическая психология президентов.* — М.: Группа компаний «Никколо М», 2003. — 336 с.

Политическая эпоха, в которую нам выпало жить, считается временем институтов, а не личностей; структур, а не субъектов; процедур, а не поведенческих стратегий. Отчасти так оно и есть — и на Западе, где существует отлаженная машина принятия коллективных решений, механизм обеспечения согласованных политических действий, и в России, где бюрократическая схоластика чем дальше, тем очевидней вытесняет на обочину проявление индивидуальных политических волей.

Недаром все наблюдатели в один голос говорят о повсеместном измельчании политиков, об их нивелировке. Процесс этот идет по нарастающей (или по убывающей?) на протяжении послевоенных десятилетий. Сначала на смену великим политикам — Черчиллю и Аденауэру, де Голлю и Рузвельту — пришли «просто» масштабные Тэтчер и Горбачев, Миттеран и Рейган, Коль и Гавел, Гайдар и Ельцин. А их вытеснило поколение талантливых функционеров — Шрёдер и Блэр, Путин и Буш-младший. Едва

ли не один незаурядный Берлускони выбивается сегодня из этого ряда, но и на него покушается местная бюрократия, рано или поздно догрызет...

Демократические институты вещь *крайне* важная, их наличие — ключевое условие динамичного развития в глобальную эпоху, их отсутствие в нашей стране чревато опасностями, многие из которых уже реализовались. И все же, во-первых, еще не вечер; грозовые фронты проходят через атмосферу западной цивилизации, и как знать, не требует ли завтрашний день политиков иного, личностного типа, как востребовала их ситуация в Грузии, Абхазии, на Украине. Во-вторых, даже сейчас, в бюрократический период новейшей истории Европы, подчас слишком многое зависит от личного выбора крупного политика, от его индивидуального склада, от его психологии, воспитания, взаимоотношений с окружающими, от заниженной или завышенной самооценки.

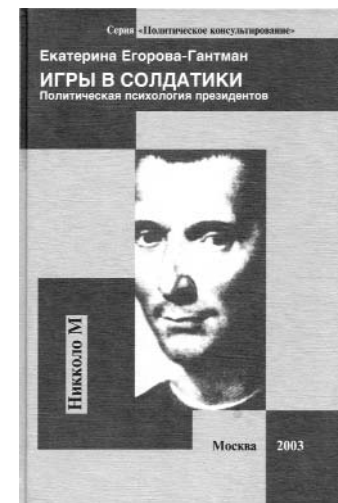
Соответственно и в среде политтехнологов ныне борются, конкурируют, сталкиваются две основные линии профессионального поведения: собственно технологическая и технологически личностная. Тотальные технологи работают с сознанием избирателя, но не с

сознанием избираемого; более того, они все чаще пытаются отсечь, скрыть реальную личность своего «клиента» от потенциального электората, а после победы, если получится, и вовсе изолировать политика от самостоятельной политики, передоверив ее реализации верхушечным кланам, действующим под прикрытием вымышленной личности президента. То есть стремятся отказаться от системы самостоятельных, преодолевающих накатанный ход обстоятельств решений. Стараются навязать лидеру роль обезличенного «аккумулятора» чуждых ему общественных ожиданий. Вместо *лица*, пускай улучшенного, приукрашенного, загримированного, но все-таки соотношенного с оригиналом, технологами предлагается обычно придуманная зеркальная *маска*, в которой избиратель видит самого себя. Главное, чтобы во время выборов и после них он ни на секунду не оторвал взгляд от этой зеркальной маски и не задумался о том, каково же настоящее лицо любимого руководителя.

В свою очередь руководитель, принявший правила такой игры с электоратом, сам не замечает, как становится функцией, производной от ожиданий толпы. Политический результат не заставляет себя ждать. Долго нарастающий подъем надежд и быстрое разочарование в итоге.

Книга доктора политологии, председателя Совета учредителей группы компаний

«Никколо-М» Екатерины Егоровой-Гантман очевидно ориентирует и политтехнологов, и самих политиков на принципиально иную стратегию. Создавать рациональный миф, а не лживую сказку. То есть не выдумывать несуществующую маску отсутствующего лидера, а предлагать усиленный, почти легендарный, но восходящий к реальности образ «вождя», учитывать его психологический портрет, изучать биографический путь и «занозы», засевавшие в подсознание потенциального руководителя. Для чего? Для того в конечном счете, чтобы выстроить между избирателем и кандидатом такую модель политических взаимоотношений, которая заранее исключит для обеих сторон взаимную *обезличенную безответственность*. Электорат, голосующий не за сублимацию своих переживаний, а за живого человека, должен будет потом требовать от этого человека не просто «исполнения желаний», а проявления личной воли в заданных историей обстоятельствах. Соответственно политик не сможет без остатка раствориться в процедурах, спрятаться за ними от необходимости отвечать на вызовы времени. И от того, насколько адекватными будут эти ответы, зависит успех или неуспех его политической миссии. Что доказывается (точнее, показывается) на примере «восьми с половиной» психологических портретов президентов США. «С половиной» — поскольку один из

портретируемых автором книги не был избран на свой пост, а оказался на нем по воле прихотливой судьбы.

Екатерина Егорова-Гантман относится к своим героям-мужчинам с какой-то материнской симпатией и легкой женской насмешкой; сам образ мальчика, играющего в солдатики (им книга открывается, им она и завершается) говорит о многом. Но зато она очень ясно понимает, что детская игра в солдатики уже содержит в себе зерно будущих возможных побед и поражений — и того, кто «играет», и тех, кто оказывается вовлечен в его игру. Книга читается как роман, что неудивительно: «человеческий фактор» был и остается главным во всем. В обыденной жизни, в культуре, в политике. Кто бы и что бы ни говорил об окончательном торжестве механизмов над индивидуальностями.

Да, механизмы часто бывают сильнее нас. Но мы в критической ситуации можем, пусть недолго, без них обходиться. А они без нас — нет.

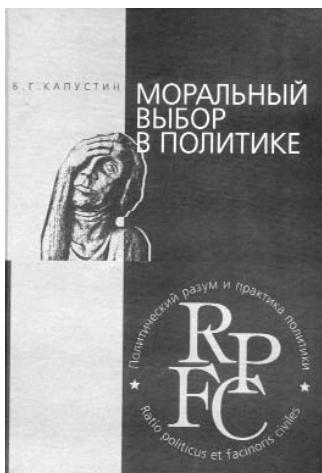
МУЖСКОЙ ВЫБОР

Борис Капустин. *Моральный выбор в политике: Учебное пособие*. – М.: КДУ: Издательство МГУ, 2004. – 496 с. / Серия «Политический разум и практика политики».

Расхожее российское мнение: мораль и политика несовместимы, а политический процесс последнее, чем должен заниматься и что призван осмысливать профессиональный философ. Расхожая западная практика: один из главных философских трудов Аристотеля называется «Политика»; о соотношении политики и морали, «политических действий» и «естественных законов» размышляли Гоббс и Бентам, Кант и Торо...

Собственно, сверхзадача университетского пособия, написанного Борисом Капустиным, в том и состоит, чтобы сломать у следующего поколения российских гуманитариев стереотипное представление о политике, морали и философии. А значит, заново «разговорить» естественные законы, которые, по Гоббсу, «безмолвствуют» в естественном состоянии. И втянуть политику в область высокой философии, а философию подвести к осмыслению политических процессов.

Практикующему российскому политику будет важно ознакомиться также и с теоретической частью пособия (от «случая Сократа» до «случая Бентама» и «случая Канта»); но все же этот раздел предназначен скорее для

вольноопределяющегося студента и аспиранта. Главное, на чем должна сосредоточиться политическая аудитория этой книги, содержится в ее третьей, финальной части. «Практические подходы: сила и бессилие морали в политике». Здесь, на основе теории, сформулированной в первых двух частях, производится жесткий анализ моральных стратегий, внутренних политических противоречий и баланса поражений и побед тех политиков XX столетия, кто олицетворял собой «моральный выбор в политике». Это Фанон, Ганди и Гавел. Здесь глубоко и всесторонне рассмотрена диалектика насилия и ненасилия, философский аспект проблемы гражданского неповиновения; в финале автор возвращается к тому, с чего начал: к «стратегии Сократа», в которой для него, как в фокусе, сходятся все проблемы «морального выбора в политике».

Строго говоря, недостатки этой книги являются прямым продолжением ее достоинств. Философская глубина

и теоретическая ее основательность неизбежно «подсшивают» систему аргументации, сводят моральную проблему к чисто интеллектуальной сфере, погружают ее в пространство деятельной идеологии, но слишком далеко выводят за пределы человеческой психологии. Которая, как мы уже знаем из чтения работы Екатерины Егоровой-Гантман, слишком многое определяет в политике даже в эпоху торжества технологий, институций и бюрократических систем управления. Но если читать книги подряд, одну за другой, с этим заданием читатель справится самостоятельно. И, к примеру, анализируя вместе с Борисом Капустиным идеологию политического идеала Гавела, вынужденно адаптируемую к жесткой прагматике действительности, будет мысленно «подстраивать» в схему свои знания о психологии гавеловской личности, которая оказала на ход истории не меньшее воздействие, чем все внешние процессы второй половины XX века.

Когда-то были в моде ланкастерские школы взаимного обучения. В этих школах каждый учился у каждого. Чтение политической литературы в известном смысле и есть такая ланкастерская школа. Что уж говорить о самой политике, где объективная необходимость, психологический фактор и моральный выбор воздействуют друг на друга, формируя политическую реальность, внутри которой мы живем и действуем.

Борьба за строительство Европы: новости с фронта

Строительство Европы — это замечательная история, полная гордости, страсти, непонимания, ошибочных суждений и политики. Интересно, что относительно немногие описывают этот процесс как борьбу. Еще интереснее, что такая борьба происходит в атмосфере толерантности, цивилизованности, верховенства права. При этом примерно раз в два месяца происходит взрыв, и все начинают спрашивать: «С чего вдруг»? На мой взгляд, дело в том, что в глубине процесса кипят страсти, вызванные тем, что в самых его недрах происходят очень серьезные конфликты интересов.

Начнем с новостей. Большая их часть хорошо известна, и я лишь попытаюсь обобщить самые существенные. Некоторые кажутся не очень важными, они носят довольно сложный бюрократический характер, но отражают смысл более ярких событий, выстраивая их в логической последовательности. В основном события в Европейском союзе, к сожалению, связаны с борьбой за власть над Европой.

Думаю, что прежде всего надо вспомнить картину того, как президент Жак Ширак и канцлер Герхард Шрёдер стояли на ступеньках Версальского дворца в день сорокалетия Елисейского договора, по которому был установлен порядок двусторонней координации политики между лидерами Франции и Германии. Этот договор был подписан Шарлем де Голлем и Конрадом Аденауэром в январе 1963 г. И вот теперь на ступеньках Версальского дворца Ширак и Шрёдер провели пресс-конференцию, на которой заявили о негативном отношении европейцев к предложенному американцами вторжению в Ирак. Сделав такое заявление, Германия и Франция ожидали, что подавляющее большинство европейских стран пойдет за ними. Но вместо этого появилось «письмо восьми»: восемь стран НАТО, из которых четыре входят в ЕС (Великобритания, Дания, Испания и Италия), а четыре еще нет (Польша, Чешская республика, Венгрия и Словакия), объявили о своем несогласии с франко-германской позицией. Вслед за этим письмом, опубликованным в «Wall-Street Journal» (публикацию организовал один из редакторов газеты Майкл Гонсалес), вскоре появилось письмо «Вильнюсской дюжины» — стран, ожидающих приема в НАТО (страны Балтии, Румыния, Болгария и др.). Такая реакция была шоком для французов и немцев.

Яцек Ростовский,
профессор
Центральной европейской
университета

Через несколько недель на саммите ЕС в Брюсселе Жак Ширак произнес ставшую знаменитой фразу: «Эти страны упустили хорошую возможность сидеть тихо». Это был пример невежливости и плохих манер, так как права членов семьи отличаются от прав тех, кто только стучится в дверь дома. Фраза наделала много шума, хотя через несколько недель страсти несколько улеглись.

Пожалуй, еще более важные события произошли позже, в апреле-мае, когда был подготовлен проект Конституции ЕС, которую должен принять Конституционный Конвент. В этом проекте была радикальным образом изменена система голосования Совета министров ЕС. О системе институтов Европейского союза не очень много известно. Все знают о Европейской комиссии, которая представляет собой бюрократический, неполитический исполнительный орган, назначаемый правительствами стран — членов ЕС. Далее, есть Совет министров — очень странное образование, в которое входят министры всех стран ЕС, собирающиеся на заседания в разных «конфигурациях» (заседания министров финансов, сельского хозяйства, окружающей среды и т.п.). В каждой конфигурации действует своя система голосования. Как правило, решения принимаются большинством голосов, при этом количество голосов страны зависит от численности ее населения. Ну и, наконец, есть Европейский парламент, до сих пор остающийся весьма слабым институтом, хотя и избираемый демократическим путем — прямым голосованием граждан. Важная и интересная черта в том, что Совет министров является скорее законодательным, чем исполнительным органом, он не принимает административных решений. Законы предлагаются Еврокомиссией, принимаются Советом министров, и лишь некоторые из них должны быть утверждены еще и Европарламентом. Так что именно Совет министров представляет собой главный законодательный орган ЕС.

В 2002 году, в ходе саммита в Ницце, когда готовился договор, определивший нынешнюю структуру ЕС, после сложных переговоров, завершившихся глубокой ночью, был утвержден новый порядок голосования в Совете министров. Именно этот порядок должен действовать в процессе расширения ЕС. Четыре крупнейшие страны (Германия, Франция, Италия, Великобритания) получили по 29 голосов, следующие по размерам две страны (Испания и Польша) — по 27, Нидерланды — 16 и остальные — по убывающей. Эта система в принципе не отличается от предшествовавшей, но представительство увеличилось, и разрыв между большими и малыми странами стал больше. В Ницце представители Испании добились большого успеха, сохранив прежнее соотношение между собой и четверкой крупнейших стран. Это оказалось на руку Польше, имеющей такое же население, как Испания. В результате Германия с населением в 80 миллионов имеет 29 голосов, а Польша с 35 миллионами жителей — 27 голосов.

Многие европейцы остались недовольны Ниццским договором (не только из-за системы голосования — были и другие нерешенные проблемы). Немцы стали говорить о необходимости нового договора, который утвердил бы Конституцию Европы. Во многом это диктовалось позицией земель, требовавших от канцлера ясного определения компетенции европейского уровня, национального или местного. Для выработки Конституции был создан специальный Конвент под председательством экс-президента Франции Валери Жискар д'Эстена, который работал в этом качестве около года — с лета 2002-го до лета 2003-го. И вот в мае 2003 года появилось подготовленное вне Конвента предложение об изменении системы голосования: решения должны прини-

маться не менее чем половиной государств, в которых должно проживать не менее 60 процентов населения ЕС.

Система, принятая в Ницце, не только усилила Испанию и Польшу, но и уменьшила влияние многих небольших стран (кроме самых маленьких). Зато гораздо сильнее становятся крупные государства. Прежде всего, укрепляются позиции Франции и Германии, если они будут голосовать солидарно, так как в этих двух странах проживает 30 процентов населения ЕС (не считая новых членов, которые получают право голоса не ранее 2009 года). А координация политики Франции и Германии достигла ранее невиданной степени. Иногда даже говорят о фактическом создании Франко-Германской конфедерации.

Само собой, что для федеративной (точнее, полуфедеративной или конфедеративной) структуры ЕС доминирование двух стран, постоянно согласовывающих свои позиции, представляет большую проблему. У Франции и Германии вместе взятых в союзе с одной из больших стран (Италией или Великобританией), либо в союзе с Испанией или Польшей и еще одной из средних стран есть возможность блокировать любое решение Евросоюза. Главное отличие вновь предлагаемой системы от договора Ниццы (кстати, и от прежней системы) в том, что любая из шести крупнейших стран ЕС может блокировать принятие законов. Так что, как ни странно, существующая система более демократична, чем предлагаемая: сейчас для блокирования нужны соединенные усилия не менее чем трех больших стран, а достаточно будет двух.

Эти предложения оказались неприятным сюрпризом для многих еще и потому, что появились довольно поздно, когда работа Конвента уже должна была завершиться. Получилось, что страны, проигрывающие от принятия новой системы голосования, были не в состоянии возразить против нее. После знаменитой речи президента Ширака в Брюсселе (той самой, где он сказал о новых членах ЕС, что они упустили возможность промолчать) у Франции появился замечательный шанс наложить вето на расширение Евросоюза. Это было бы логично, но этого не произошло. Ответом были изменения в системе голосования, сводившие к минимуму возможность новых стран-членов союза влиять на решения.

Далее началась война в Ираке; Испания и Польша открыто выступили против предложенной системы голосования; состоялся Брюссельский саммит в декабре 2003 года. Накануне этого саммита британский министр иностранных дел Джек Стро посетил Варшаву, где заявил, что Британия не подпишет Конституцию, если ее не поддержат все 25 государств-членов ЕС. Это чрезвычайное заявление, хоть и высказанное в очень мягкой форме, означало предоставление Великобританией односторонних гарантий Польше, аналогичных данным в апреле 1939 года относительно ее западных границ. Британцы фактически заявили (и это не имеет прецедентов в их дипломатической истории): «Если поляки не признают Конституцию, то и мы не признаем».

Интересно, что на это заявление почти не обратили внимания в Британии, зато оно произвело настоящий фурор в германской прессе. Немцы писали, что

*...не уверен, что Великобритания
захочет выйти из сообщества,
но ситуация очень опасна*

Тони Блэр должен лучше контролировать своего министра иностранных дел и не позволять ему отступать от своей политической линии. Хотя всякий, кто знаком с британской политической традицией, знает, что министр иностранных дел никогда не будет делать подобных заявлений, не согласовав их с премьер-министром.

Кроме того, непосредственно перед Брюссельским саммитом Франция и Германия вместе выступили на совете министров по экономическим вопросам, солидарно проголосовав против санкций за нарушение установленных правил в финансовой сфере, чем нарушили существовавшую стабильность в этой области. Это показало, насколько велики их возможности использовать систему голосования в собственных эгоистических интересах. Так что нет ничего удивительного в том, что саммит провалился, столкнувшись с фактической обструкцией со стороны Испании и Польши.

Интересно, с какими комментариями выступали политики по окончании саммита. В течение нескольких следующих недель французы, не выказывая своего разочарования, стали все активнее говорить о том, что в условиях недостаточно четкой работы «Европы 25-ти» нужно укреплять так называемое твердое ядро ЕС, состоящее прежде всего из Франции и Германии, углублять их интеграцию. Остальные страны исключаются из этого процесса, хотя и сохраняют возможность присоединиться к нему.

Эта кампания продолжалась один-два месяца, поскольку вскоре всем стало ясно, что интеграция вокруг «твердого ядра» не принесет большой выгоды остальной Европе. В частности, чем может быть выгодна общая внешняя и оборонная политика, если лидеры «ядра» занимают пацифистские позиции? К тому же, страны «ядра» экономически развиваются медленнее, чем «периферийные» страны (Великобритания, Испания, Центральная и Восточная Европа).

В политике «ядра» есть два аспекта. Первый — единая внешняя политика, которую проще всего строить как антиамериканскую. Второй — строительство европейской социальной модели, что означает более высокие налоги и расширение социальных прав. У двух стран, предлагающих остальным повышать налоги и давать больше социальных прав работникам, темпы роста уже невысоки — а зачем это другим? Чтобы надавить на них, французы грозят бросить периферию на произвол судьбы и двигаться самостоятельно по пути углубления интеграции с Германией. Раньше такой прием работал — в частности, в 70-х годах для принуждения Британии к участию в союзе и признанию многих решений, которые продвигала Франция. Но тогда экономический рост Франции и Германии был вдвое выше британского, а сейчас все наоборот.

Так что вскоре стало понятно, что маневр не сработает, и идея умерла. Но сама по себе попытка не случайна. После ужасных терактов в Мадриде, когда погибло около двухсот человек, что привело к победе социалистов и к смене правительства, Испания немедленно присоединилась к франко-германскому союзу. Позиции Польши в этой ситуации стали неустойчивыми. Изменилась и позиция Блэра, который объявил о проведении референдума по Конституции Европы.

Начиная с марта 2004 года Франция и Германия — вместе и порознь — выдвинули еще ряд инициатив, чтобы продолжать давление на другие страны ЕС. Например, в апреле германское правительство объявило, что страны с невы-

Эрнст Фукс. Observator Infinitor. 1971–1972

сокими корпоративными налогами должны получать меньше средств из фонда реструктуризации. Поскольку в большинстве стран Центральной и Восточной Европы корпоративные налоги невелики, Германия опасается выведения немецкими компаниями производства в эти страны, а потому ставит их перед выбором: или экономически невыгодные высокие налоги, или сокращение помощи из бюджета ЕС. После этого французские и германские министры начали странные танцы вокруг создания франко-германских компаний, способных успешно конкурировать на мировом рынке, и это притом что французы никогда не доверяли немцам в экономике. А непосредственно перед намеченным принятием Конституции появились новые предложения, в соответствии с которыми для принятия новых членов в ЕС требовалось согласие не всех стран ЕС, а всех стран зоны евро.

Это были новости с фронта, а теперь попробуем их интерпретировать. Во-первых, чем объясняется такая позиция и такие действия Франции? Ответ довольно прост: Франция по большинству критически важных вопросов располагает решающим голосом. Германия и малые страны ЕС исповедуют более федералистский подход к Европе, предполагающий большую интеграцию.

Британия не хочет углубления интеграции и упрочения федерализма. Франция в этой ситуации может выбирать между двумя направлениями, определяя победителя. Британия пытается ограничить влияние Франции, поддерживая расширение Европы сначала на юг (Испания, Португалия, Греция), потом на север (скандинавские страны), а теперь на восток. Постепенно это действует, и французское влияние в Европе понемногу уменьшается. Уменьшение происходит медленно, но с вступлением десяти новых членов, заинтересованных в большей свободе европейского рынка (не столько с идеологических, сколько с экономических позиций), возникает критическая ситуация, подрывающая решающую роль Франции.

Во-вторых, изменилась роль Германии, которая всегда была более проамериканской, чем Франция. А в контексте Иракской войны Германия выступила против проводимой США политики более решительно, чем Франция. Это привело к укреплению партнерства Франции и Германии. Стоит отметить, что французская оппозиция политике США в Ираке стала более непримиримой в промежутке с ноября 2002-го по январь 2003 года. В это время стало ясно, что у Франции появилась возможность, используя Ирак, нарастить свое влияние в Европе, которое все больше выскальзывало из ее рук.

Ну а что другая сторона? Ее состав, правда, все время меняется: Британия постоянно, Испания до недавнего времени, Италия — в зависимости от времени суток. Тем не менее чем обеспокоены эти страны? В конце концов, в «Европе шести» позиции Франции были намного сильнее, но особого беспокойства это не вызывало, сообщество работало нормально и без напряжения. Думаю, что ответ в том, что во времена «Европы шести» вся Европа выглядела по-другому. Было 20 советских «филиалов»; все страны «Общего рынка» входили в НАТО, игравшую более важную политическую роль, чем ЕЭС. Было колоссальное присутствие США — не только военное, но и политическое. И был Советский Союз. Таким образом, французское доминирование в ЕЭС не имело такого уж большого значения.

Теперь Советский Союз исчез. НАТО осталась чем-то вроде Священной Римской империи германской нации: она номинально существует, но в политике ее нет. ЕС, таким образом, остался единственной силой в Европе, и господство в нем Франции или Франции с Германией гораздо менее приемлемо, чем их доминирование в «Общем рынке» пятьдесят лет назад.

Что касается британского референдума по европейской Конституции, предложенного Тони Блэром, то его результат предрешен: поддержка Конституции британцами невероятна. И что произойдет? С точки зрения права, вопрос должен быть закрыт. Однако я подозреваю, что Жак Ширак не возражал бы, если бы Великобритания решила уйти из Европейского союза. Это не так уж невозможно после предопределенного отказа Британии от ратификации Конституции. Если она уйдет из ЕС, то может начаться цепная реакция, как в Югославии начала 90-х годов XX века. Тогда ведь Милошевич хотел, чтобы ушла только Словения, нарушавшая, по его мнению, баланс сил в Югославии. Тогда Сербия могла бы безраздельно господствовать в федерации! Но, когда Словения ушла, захотела уйти Хорватия. А за ней Босния...

Я не утверждаю, что так произойдет в ЕС; не уверен, что Великобритания захочет выйти из сообщества, но ситуация очень опасна. Вопрос стоит о том, сможет ли Европейский союз выжить.

CONTENTS

To our reader	5
Seminar	
Russia in the Global World	
<i>Vladislav Inozemtsev</i>	7
<i>Discussion</i>	12
Notes from the Seminar	
<i>Yuri Girenko</i>	28
Theme of the Issue	
Metamorphoses of the Russian Politics	
<i>Aleksey Salmin</i>	31
Political Communication and Models of the Public Sphere	
<i>Olga Malinova</i>	37
On the Culture of Tolerance in Russia	
<i>Vyacheslav Bakhmin</i>	43
Concept	
Business and Power	
<i>Serguei Burkov</i>	46
Discussion	
The Battle against Religious Extremism: A chance to Build Russian Democracy	
<i>Abdullah Istamulov</i>	52
Constitutional Transformation in Modern Democracies	
<i>Tomas de la Cuadro Salsedo</i>	55
The Press and Democracy	
<i>Simon Walters</i>	62
Spirit of the Laws	
On the Implementation of the Division of Power	
<i>Irina Surkova</i>	67
Announcement	
M. M. Speranski	
<i>Aleksander Nol'de</i>	72
An Elusive World	
<i>Team of Authors</i>	75

Freedom and Culture

Two Steps Back and Not a Step Forward

Aleksander Volkov 81**New Practices and Institutions**

Institute of Social and Humanitarian Initiatives

Gleb Tyurin 88**An Individual Experience**

Gleb Tyurin: Positive Thinking

Natalya Sevidova 90**Ideas and Notions**

Liberalism

Irina Busygina, Andrei Zakharov 93**Horizons of Understanding**

Russia's Hundred Year Cycle

Vladimir Ryzhkov 100**Books**

Russia and the West: at the Converging Point of Integration

Andrei Tsukanov 104

Regional Book Review

Elena Korn, Yuri Girenko, Aleksander Kapishin 107

Counter-Point

Aleksander Arkhangelksi 112**Nota bene**

Struggle for the Construction of Europe

Jacek Rostowski 115**СОДЕРЖАНИЕ**
журнала «Общая тетрадь» за 2004 г.

К читателю (№ 1, 2, 4)

Семинар*Гиренко Юрий*
Заметки с семинара (№ 4)*Иноземцев Владислав*
Россия в глобальном мире
(№ 4)*Немировская Елена,*
Алексеева Людмила и др.
Гражданское общество в
современной России (№ 3)*Нестеренко Татьяна*
Федеральное казначейство
в экономике России (№ 1)*Перла Андрей,*
Иванкова Евгения
Заметки с семинара (№ 2)*Приндл Андреас*
Этнические конфликты в
бизнесе (№ 2)**Тема номера***Бахмин Вячеслав*
О культуре толерантности
в России (№ 4)*Волков Александр*
Власть и бизнес (№ 1)*Гиренко Юрий, Емельянов*
Михаил
Дороги, которые нас
выбирают (№ 1)*Левада Юрий*
Свобода от выбора? (№ 2)*Малинова Ольга*
Политическая
коммуникация и модели
публичной сферы (№ 4)*Минтусов Игорь*
Итоги выборов в
Государственную думу РФ
(№ 1)*Плигин Владимир*
Реформа федеративных
отношений и местное
самоуправление (№ 3)*Радкевич Станислав*
Российский избиратель:
возраст рэпа (№ 1)*Рыжков Владимир*
Поражение демократов
или демократии? (№ 2)*Салмин Алексей*
Метаморфозы российской
политики (№ 4)*Уилсон Ричард*
Как работает британское
правительство (№ 3)*Шаравин Александр*
Военные организации
России и проблема их
трансформации (№ 3)*Юргенс Игорь*
Бизнес и политика (№ 3)**XXI век:****вызовы и угрозы***Бжезинский Збигнев*
Новые стратегии США для
мира и безопасности (№ 1)*Блоков Иван,*
Щербачева Мария
Экология и власть (№ 2)*Лукин Владимир*
Россия в современном
мире (№ 3)*Макашкин Александр*
Имперская идея и
государственный
прагматизм (№ 3)*Тренин Дмитрий*
Внешнеполитические
вызовы второго прези-
дентства В.В. Путина (№ 2)*Херд Дуглас*
Терроризм и демократия
(№ 3)**Концепция***Бурков Сергей*
Бизнес и власть (№ 4)*Васильев Сергей*
Среднесрочные проблемы
экономической политики
(№ 2)*Заостровцев Андрей*
Конституционная
политическая экономия:
клетка для Левиафана (№ 4)*Капустин Борис*
Кризис российского
либерализма? (№ 3)**Дискуссия***Гиренко Юрий*
Москва и Россия:
разделенные общей
судьбой (№ 2)*Истамулов Абдулла*
Борьба с религиозным
экстремизмом как шанс
возрождения российской
демократии (№ 4)*Де ла Куадра-Сальседо Томас*
Конституционные
преобразования в
современных демократиях
(№ 4)*Левада Юрий*
Комментарий к статье
М. Мертеца (№ 1)*Мертес Михаэль*
Новое поколение — новое
представление о
ценностях? (№ 1)*Ремингтон Томас*
Государственная дума
созыва 2000–2003 годов:
ретроспективный взгляд
(№ 1)*Рыжков Владимир*
Четвертая Дума и
демократический процесс
(№ 3)*Уолтерс Саймон*
Пресса и демократия (№ 4)*Фетчерин Вальтер*
«В России невозможно
гражданское общество без
децентрализации» (№ 2)*Ходорковский Михаил*
Крупный бизнес и
гражданская
ответственность (№ 2)**Дух законов***Суркова Ирина*
К вопросу о реализации
принципа разделения
властей (№ 4)

Наш анонс

Брейтвейт Родрик
За Москвой-рекой.
Перевернувшийся мир
(№ 2)

Коллектив авторов
Ускользающий мир (№ 4)

Манан Пьер
Общедоступный курс политической философии (№ 1)

Мотыль Александр
Пути империй (№ 1)

Никитин Андрей
Пермь — родина
российского либерализма
(№ 3)

Нольде Александр
М.М. Сперанский (№ 4)

Рубл Блэр
Стратегия большого города
(№ 3)

Шиллер Фердинанд
Наши человеческие
истины (№ 1)

Свобода и культура

Берман Гарольд
Верховенство права и
правовое государство (№ 1)

Беттелхайм Бруно
Психологические соблазны
тоталитаризма (№ 3)

Волков Александр
Два шага назад без шага
вперед (№ 4)

Кара-Мурза Алексей
Общелиберальная
стратегия и региональный
патриотизм (№ 2)

Новые практики и институты

Сунгуров Александр
Санкт-Петербургский
гуманитарный и
политологический центр
«Стратегия» (№ 1)

Сулов Андрей
Центр гражданского
образования и прав
человека (№ 3)

Тюрин Глеб
Институт общественных и
гуманитарных инициатив
(№ 4)

Хананашвили Нодар
«Невод» или «паутина»?
Как построить сетевую
организацию (№ 2)

Личный опыт

Ерошок Зоя
Вадим Медведев:
Возможностью делать
добро — надо обязательно
воспользоваться (№ 3)

Ерошок Зоя
Джамбулат Оздоев
«Надежду внушает
понимание» (№ 1)

Севидова Наталья
Глеб Тюрин: позитивное
мышление (№ 4)

Сербина Ирина
Леонид Йогман: «Без
видения будущего —
будущего нет» (№ 2)

Идеи и понятия

Бусыгина Ирина,
Захаров Андрей
Политическая культура
(№ 1)

Бусыгина Ирина,
Захаров Андрей
Самоуправление (№ 2)

Бусыгина Ирина,
Захаров Андрей
Гражданское общество (№ 3)

Бусыгина Ирина,
Захаров Андрей
Либерализм (№ 4)

Из зарубежных изданий

«Journal für Rechtspolitik»
(№ 1)

Каспар Айнем
Конституция Европы
(№ 1)

Горизонты понимания

Гиренко Юрий
О современных между-
народных процессах в
российских журналах (№ 2)

Рыжков Владимир
Столетний круг России
(№ 4)

Терентьев Александр
О европейской
конституции (№ 3)

Книги

Бусыгина Ирина
Так кто же правит в
России? (№ 1)

Гиренко Юрий
Может ли Россия
«вернуться с холода»?
(№ 2)

Захаров Андрей
Предательство и
революция (№ 3)

Цуканов Андрей
Россия и Запад: в
поворотной точке
интеграции (№ 4)

Региональное книжное обозрение

Гиренко Юрий (№ 1, 4)
Капишин Александр (№ 1, 4)
Клинский Александр (№ 3)
Корн Елена (№ 4)
Лукьянова Ирина (№ 3)
Мишустина Лариса (№ 2)
Сербина Ирина (№ 3)
Согомонов Александр (№ 2)

Контрапункт

Ведет Александр
Архангельский (№ 1, 2, 3, 4)

Наш архив

Льюкенс Мелвил
Как провести
президентскую
избирательную компанию с
нуля? (№ 1)

Nota bene

Из «Воспоминаний и
мемуаров» Сергея Витте
(№ 2)

Рамакер Лус
Этика и внешняя политика
(№ 1)

Ростовский Яцек
Борьба за строительство
Европы (№ 4)

Согомонов Александр
Pro и Contra: ясности
накануне выборов в США
не прибавляется (№ 3)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

СЕМИНАР

(Голицыно, декабрь 2004)

Наши авторы:

Людмила Алексеева
Александр Архангельский
Ирина Бусыгина
Даниил Дондурей
Андрей Захаров
Юрий Левада
Михаил Кожокин
Анджело Пасалева
Квентин Пил
Владимир Рыжков
Сергей Степашин
Александр Согомонов
Дмитрий Тренин

квитанция кассир	<p>АНО "Московская школа политических исследований" (получатель платежа) ИНН 7703153998 Сч. № 40703810700000000012 в АК "Промторгбанк" (ЗАО) г. Москва БИК 044583139 Сч. № 30101810800000000139</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) Подписка на журнал Общая тетрадь, за 2005 г (4 выпуска) (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
квитанция кассир	<p>АНО "Московская школа политических исследований" (получатель платежа) ИНН 7703153998 Сч. № 40703810700000000012 в АК "Промторгбанк" (ЗАО) г. Москва БИК 044583139 Сч. № 30101810800000000139</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) Подписка на журнал Общая тетрадь, за 2005 г (4 выпуска) (наименование платежа) Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

Подписано в печать 30.12.2004.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.

e-mail: msps@co.ru

<http://www.msps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

ISBN 5-93895-066-X

9 785938 950665 >